

А. В. Посадский, С. В. Посадский

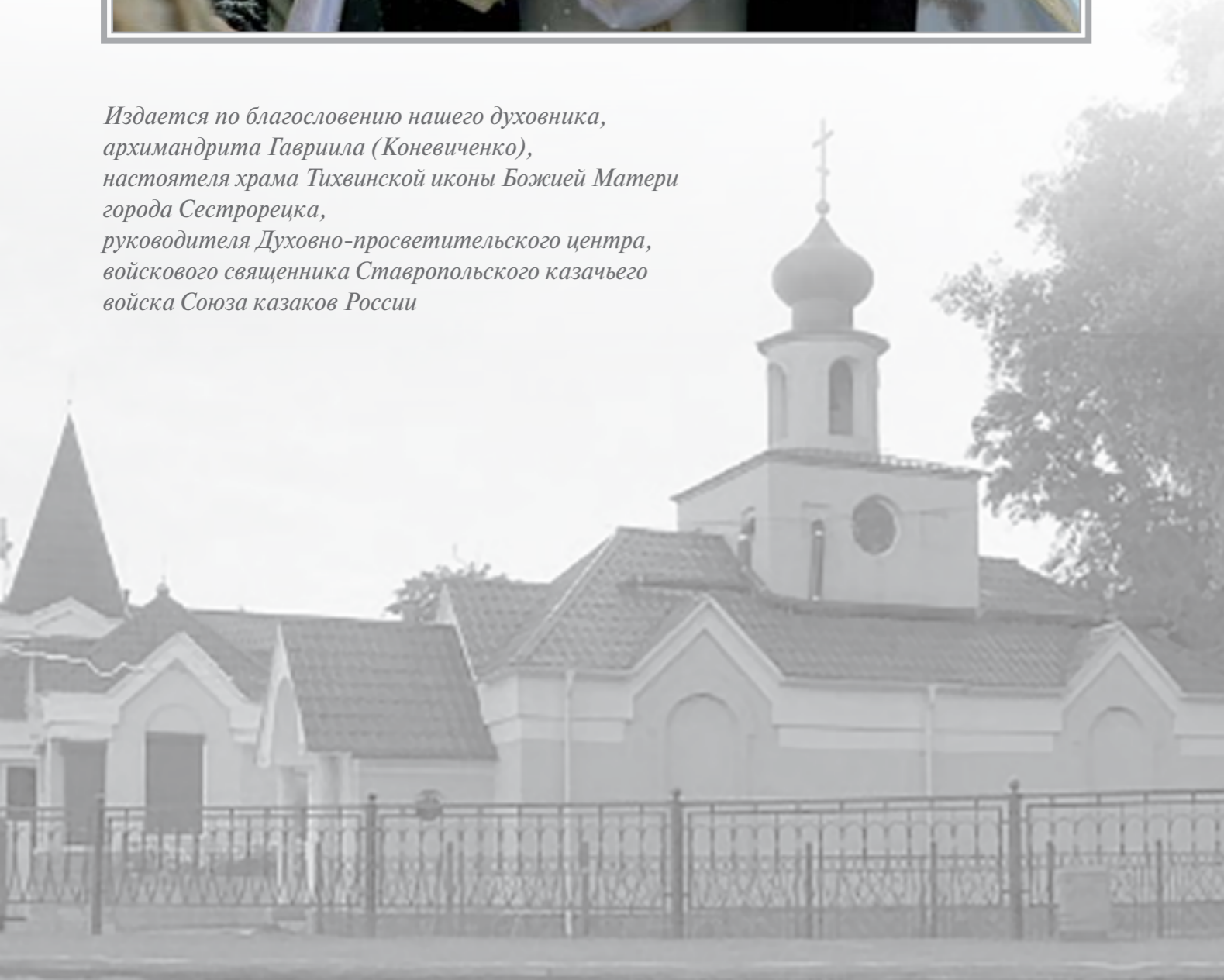
Российская цивилизация и идеологические вызовы современности

Духовно-просветительский центр
г. Сестрорецка

*Издается по благословию нашего духовника,
архимандрита Гавриила (Коневиченко),
настоятеля храма Тихвинской иконы Божией Матери
города Сестрорецка,
руководителя Духовно-просветительского центра,
войскового священника Ставропольского казачьего
войска Союза казаков России*

А. В. Посадский, С. В. Посадский

Российская цивилизация и идеологические вызовы современности

Духовно-просветительский центр
г. Сестрорецка

Санкт-Петербург, 2017

УДК 008(470)
ББК 60.033.145.2
П61

Посадский А. В., Посадский С. В.
П61 **Российская цивилизация и идеологические вызовы современности.** Приложение к альманаху «Мета-парадигма». – СПб.: Санкт-Петербургская объединенная общественная организация «Возрождение духовного и культурного наследия казачества «Невская сечь», 2017. – 112 с.
Издается под редакцией Духовно-просветительского центра г. Сестрорецка.

ISBN 978-5-9909555-0-9

В основу книги положены идеи, материалы, концепции А. В. Посадского (секретарь Рабочей группы по вопросам казачества Всемирного Русского Народного Собора) и С. В. Посадского, разработанные для Рабочей группы по вопросам казачества Всемирного Русского Народного Собора.

УДК 008(470)
ББК 60.033.145.2

На 3-й странице обложки:

Духовник общины, архимандрит Гавриил (Коневиченко) с профессором А. В. Посадским и казаками на Святой горе Афон с митрополитом Иерисосским, Ардамерийским и Святой горы Афон владыкой Никодимом в праздник Крещения Господня. 2012 г.

Архимандрит Гавриил (Коневиченко) и профессор А. В. Посадский с казаками на Святой Горе Афон. 2012 г.

На 4-й странице обложки:

Иконостас святых царственных мучеников государя Николая II, государыни Александры Федоровны, цесаревича Алексея, великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, св. прмц. Елизаветы

Храм Тихвинской иконы Божией Матери, Санкт-Петербург, г. Сестрорецк, ул. Воскова, д. 17

Духовно-просветительский центр г. Сестрорецка,
Санкт-Петербургская объединенная общественная организация
«Возрождение духовного и культурного наследия казачества «Невская сечь»:
Санкт-Петербург, г. Сестрорецк, ул. Воскова, д. 17

Официальный сайт: www.sestroretsk.com

Дизайн и верстка: ООО «Карта»

Тираж 1000 экз. Заказ № 65785

Подписано в печать 30.12.2016

Отпечатано в типографии «Любавич»

Санкт-Петербург, Большой Сампсониевский пр., д. 60

ISBN 978-5-9909555-0-9

9 785990 955509

© А. В. Посадский
© С. В. Посадский
© Духовно-просветительский центр г. Сестрорецка
© Санкт-Петербургская объединенная общественная организация «Возрождение духовного и культурного наследия казачества «Невская сечь»

Предисловие

Эта книга посвящена вопросам развития Российской цивилизации. Прежде всего авторы пишут о духовно-ценностных основаниях исторического бытия России и русского народа. Ими раскрываются своеобразие русской духовности, культурно-историческая самобытность России как уникальной страны-цивилизации. Они обоснованно отмечают, что православные ценности легли в основание русской культуры, открыв путь для развития объединительной миссии русского народа и России. Действительно, русская культура — культура соборного самоопределения. Обладающая православными истоками и раскрытая глубочайшим образом в русской традиции ценность соборности охватила все народы нашей страны. Присущая русской культуре, сложившаяся под воздействием православной духовности жизнестроительная ценность соборности стала началом, образующим русский мир и организующим самобытное российское культурно-цивилизационное пространство. В соборном единстве авторы видят основу устройства России как уникальной страны-цивилизации.

Российский опыт цивилизационного домостроительства характеризуется авторами как соборно-миростроительный. Наша страна рассматривается ими как миростроительное народно-историческое государство. Речь идет о государстве, образовавшемся естественно, через мирные народные инициативы. В нем народы равны, им созданы условия для сохранения их самобытности, всестороннего мирного развития. Под его покровом они свободно соединяются в большой цивилизационный дом. Такое государство выступает источником взаимообогащающего роста духовных сил и материального процветания, служит примером мира и согласия. Миростроительный исторический путь России выступает очевидным опровержением колониализма, искусственного разделения народов на цивилизованные и варварские, навязываемых взглядов о неминуемой борьбе народов и цивилизаций. Он справедливо связывается авторами с присущими Российской цивилизации возвышенными духовно-нравственными представлениями о достоинстве как отдельной личности, так и больших сообществ.

Российское государство-цивилизация очерчивается авторами как народно-историческое. Это значит, что оно складывается на глубоких народно-культурных основаниях, исторически осуществляя творимые народом культурные ценности, выражая волю и нужды исторически сложившегося народа, храня духовно-самобытные начала его жизни. Бытие народно-исторического государства определяется преемственностью в реализации задач — как настоящими задачами и потребностями, так и задачами прошлого и будущего.

Значимым представляется взгляд авторов на усвоение византийского наследия Россией как на духовный подвиг. В осознании и исполнении возвышенного призвания быть творческим продолжателем Византии они справедливо усматривают величие нашей страны. Следуя их позиции, Россия не только осуществила византийские идеалы, восприняв ценностное ядро Византийской цивилизации, но и во многом творчески превзошла их. Соединив многонациональную и многоконфессиональную цивилизационную ойкумену, создав беспрецедентный в истории добровольный союз народов, она более, чем Византия, проявила устремленность к выработыванию

солидарных форм жизни. Она углубила свойственные Византии стратегии сохранения культурной самобытности и преемственности духовного развития народов. В силу чего с большим основанием, нежели Византия, Россия может быть названа цивилизацией культурного континуитета, сберегающим государством-цивилизацией.

Авторами обоснованно утверждается, что в ходе российского исторического пути творятся формы жизни, идеи и ценности, укрепляющие согласие между людьми, служащие возрастанию солидарности и кооперации. Россия предстает цивилизацией, способной обогащать страны и народы миротворческими образами жизни, бесценным опытом совместного жизнестроения. Служа формированию стратегической общепланетарной безопасности и стабильности, российский опыт цивилизационного развития имеет все основания быть всемирно востребованным.

Следуя верному замечанию авторов, будучи источником миротворческих жизнестроительных образов бытия, Россия выступает препятствием на пути осуществления несправедливых моделей мироустройства, откровенно зооморфных сценариев глобального «порядка», означающих искусственное отчуждение стран и народов от достижений цивилизации, нарушение их прав на суверенное развитие, попрание человеческого достоинства, эскалацию насилия. Верно и то, что исторически попытки разрушения России оборачивались посягательством на миротворческие и солидарные формы жизнестроения как таковые. В этой связи русский вопрос как вопрос о праве России на суверенное бытие имеет значение для всего мира.

Авторами детально анализируются угрозы, исходящие от вторжения к концу XX столетия в российское ценностное пространство чуждых идеологических систем. Их распространение сделалось настоящим вызовом для духовной безопасности страны. Заемные идеологические конструкции нацелены на упразднение российского духовного самостояния, исторического выбора народов нашей Родины в пользу суверенного развития. Они направлены на то, чтобы сделать нелегитимной в мире российскую миростроительную миссию. Тем самым они выступают и очевидной угрозой глобальной безопасности. Авторы справедливо указывают, что обрести силы для преодоления их влияния на жизнь страны возможно не через конструирование утопий и копирование чужого, а на пути творческого обращения к глубинам исторически вызревшего духовного опыта нашего Отечества.

В связи с современным возрождением казачества размышления авторов о путях его развития видятся особо ценными. Они верно связывают бесспорные исторические достижения казачества с раскрытием им во всей полноте духовных свойств русского народа. Несомненно, исторически казачество явило себя творческим выразителем и оплотом русских ценностей и традиций. Исключительная роль казачества в мирном освоении евразийских пространств, его объединительная миссия, инициативное участие в российском цивилизационном процессе, выражение присущих Российской цивилизации принципов общественно-государственного соработничества, неразрывности общественных и государственных задач, плодотворное развитие гражданского общества на основании глубокого патриотизма и другие исторические подвиги казачества стали возможными в силу свойственной ему русской православной духовности. Можно вполне согласиться с авторами и в том, что сегодня казачество призвано сыграть существенную роль в духовной безопасности страны — отстаивании права на культурное своеобразие, духовную самобытность и суверенное развитие русского народа и всех народов нашей Родины, защите русской культурной доминанты как ценностного стержня Российской цивилизации, сохранении русской национальной и российской цивилизационной идентичности, укреплении единства русского мира, многонародной Российской цивилизации.

*Архимандрит Гавриил (КОНЕВИЧЕНКО),
духовник казачьего объединения «Невская сечь»*

Глава 1 Русский вопрос в современной России: введение в проблему

1.1. ОСВЕЩЕНИЕ РУССКОГО ВОПРОСА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И Н. Н. МОИСЕЕВА

В 90-е годы XX века тему русского вопроса осветили два выдающихся отечественных мыслителя — А. И. Солженицын и Н. Н. Моисеев. А. И. Солженицын обращается к данной теме в двух работах («Русский вопрос к концу XX века» (1994), «Россия в обвале» (1998)). «Русский вопрос» — программная работа академика Никиты Николаевича Моисеева¹. Осмысление русского вопроса в современной России невозможно без обращения к наследию известных отечественных мыслителей. Представляется важным проанализировать их видение проблемы.

«Вопреки предсказаниям многих мудрецов гуманизма и интернационализма — XX век прошел при резком усилении национальных чувств повсюду в мире, и этот процесс еще усиливается, нации — сопротивляются попыткам всемирной нивелировки их культур. И национальное сознание надо уважать всегда и везде, без исключений», — утверждает А. И. Солженицын². На его взгляд, «к концу XX века каток нивелировки все жесточе прокатывается по особенностям, характеристикам, своеобразию национальных культур и национальных сознаний — и, сколь удастся, выглаживает все эти индивидуальные особенности под всемирный (американский, англосаксонский) стандарт»³. Нивелировка культур — энтропийный процесс всеобщей стандартизации, ослабляющий способности человечества к духовному развитию, а следовательно, и к развитию вообще. Именно в данном смысловом контексте А. И. Солженицын поднимает русский вопрос: «“Русский вопрос” к концу XX века стоит очень недвусмысленно: быть нашему народу или не быть? Да, по всему земному шару катится волна плоской, пошлой нивелировки культур, традиций, национальностей, характеров. Однако сколько же выстаивают против нее без пошата и даже гордо! Но — не мы... И если дело пойдет так и дальше — то еще через век слово “русский” как бы не пришлось вычеркивать из словарей»². С точки зрения мыслителя, русский вопрос возможно сформулировать и следующим образом: «Быть ли нам русскими? Если и выживем телесно, то сохраним ли нашу русскость, всю совокупность нашей веры, души, характера, — наш континент во всемирной культурной структуре? Сохранимся ли мы в духе, в языке, в сознании своей исторической традиции?»³.

А. И. Солженицын недвусмысленно говорит о том, что веками «существует русский дух и русская культура, и все, кто к этому наследству привержены душой, сознанием, сердечной болью, — вот они и суть русские»². «По содержанию же мы понимаем под этим словом не непременно этнически русских, но тех, кто искренно и цельно привержен по духу, направлению своей привязанности, преданности — к русскому народу, его истории, культуре, традициям», — пишет он³. С позиции мыслителя, «национальность не непременно в крови, а в сердечных привязанностях и духовном направлении личности»³. Русский народ исторически формировался как народ объединяющий, соединяющий, скрепляющий многонародное единство страны. В русском народе он видит свободно творимую нацию, вбирающую в себя тех, кто добровольно становится русским по душе. Русский народ определяется им и как государствообразующий, как создатель многонациональной государственности, обязанный ее хранить, обладающий для этого духовными дарованиями. Мыслитель не раз указывал на то, что судьба русского народа определяет и судьбу России, что без русских России не быть. Русскую культуру он рассматривает как неповторимое явление в системе мировых культур.

90-е годы XX века А. И. Солженицын характеризует как «Великую Русскую Катастрофу». Она проявилась в демографическом, экономическом кризисе, а также кризисе образования, распространении коррупции, кадровом кризисе государственной системы, нравственном упадке общественно-

государственной жизни страны. Катастрофа выражается «в сегодняшней аморфности русско-го национального сознания, в сером равнодушии к своей национальной принадлежности и еще большем равнодушии к соотечественникам, попавшим в беду»². Патриотизм не стал единым, осознавшим себя гражданским движением. «Всякое проявление русского национального сознания — резко осуждается и даже поспешно пренебрегается к “фашизму” (которого в России и не бывало никогда и который вообще невозможен без расовой основы, однорасового государства)», — пишет мыслитель². Им ультимативно утверждается, что правом на патриотизм обладает любая нация, и русские в том числе.

А. И. Солженицын особо подчеркивает, что слово «русский» оказывается как бы под моральным запретом. Им выделяется очень важная проблема: «Сегодня — и особенно официально — пытаются внедрять термин “россияне”. Смысловая клетка для такого слова есть, да, как соответствующая необходимому прилагательному “российский”. Однако слова этого не услышишь ни в каком простом, естественном разговоре, оно оказалось безжизненно. Ни один не-русский гражданин России на вопрос “кто ты?” не назовет себя “россиянином”, а с определенностью: я — татарин, я — калмык, я — чуваш, либо “я — русский”, если душой верно чувствует себя таковым. И в остатке — расплывчатое “россияне” достается нам в удел разве что для официальных холодных обращений да взамен полного наименования гражданства. Но никогда нам не определиться и не понять самих себя, если примем негласный запрет называть себя “русскими”»³.

Мыслитель выступает противником внедрения искусственно конструируемой абстрактной российской идентичности. Он заявляет себя оппонентом обезличения русского народа в формально трактуемом гражданстве.

Русский народ теряет лицо, роняет дух своей долгой и богатой истории, перестает дорожить своим достоинством, утрачивает самоуважение. Из униженного и потерянного состояния необходимо выйти. Стратегическая задача — сбережение народа, что невозможно без нравственного обновления, возрождения нравственного порядка в общественной жизни, преодоления кризиса национально-культурного сознания. Речь идет о народе как историческом творце великой культурной традиции, носителе возвышенных духовно-нравственных начал. «Если мы выстоим — то только на кремнистом пути нашего самостояния, всей протяженной длительности нашей государственности, культуры и православной веры», — уверен А. И. Солженицын³.

Итак, народы сопротивляются энтропийному процессу нивелировки культур. Русскому народу необходимо сохранить свою уникальную культуру во всемирной культурной структуре, сохранить себя в сознании своей великой исторической традиции. От русского культурного самостояния во многом зависит судьба всей России как многонационального государства. Русский народ не должен утратить своей объединяющей миссии, своей интегрирующей роли в многонациональной России. Такова задача. В действительности же мы сталкиваемся с серьезным кризисом русского национального сознания. Его важно преодолеть. Налицо противоречивая данность и очевидные духовно-творческие задания, серьезные вызовы и необходимость дать адекватные им ответы.

Никита Николаевич Моисеев указывает на существование русского вопроса в России, подчеркивает его значимость. Игнорирование русского вопроса серьезным образом усложняет и так нелегкую ситуацию в стране, так как оборачивается принятием необоснованных решений. Признание русского вопроса — «это ключ к завтрашнему дню, к тем решениям, которые необходимо принять, если мы действительно заботимся о судьбе народа, а не только о своем личном благополучии»¹. Суть русского вопроса формулируется Н. Н. Моисеевым таким образом: «В самом деле, ведь “русский вопрос”, по существу, означает следующее: как мы должны использовать (или учитывать) особенности Русской цивилизации, русского менталитета, особенности современного состояния огромного народа при решении проблем, связанных с выходом страны из тех экономических и нравственных тупиков, в которых она оказалась. И как, в сочетании с общепланетарными тенденциями развития, оценить перспективы будущего нашей страны, как на этой основе предложить народу некоторую нравственную позицию, которая позволит ему выйти из состояния апатии и ощущения безнадежности, дать ему в руки не утопию, а реально существующую перспективу. Необходимо указать и те возможности, на которые следует опереться народу, и те опасности, мимо которых люди проходят, часто не отдавая себе отчета в их последствиях»¹.

Следуя мыслителю, выход страны из нынешних нравственных, политических и экономических тупиков, формирование ее современной стратегии развития осуществимы при опоре на особенности Русской цивилизации, русского менталитета. Невозможно решить сложнейшие общественно-политические проблемы «без апелляции к особенностям народа, к которому мы принадлежим»¹. На пути слепого копирования иных цивилизационных моделей высок шанс «растерять то настоящее русское, что нами нажито за тысячу лет»¹. Важно обрести утраченное самоуважение. «Наша будущность связана с осознанием нашей собственной Российской цивилизации и как самостоятельности, и как ценности общепланетарной»¹. Важная характеристика России как самостоятельной и целостной цивилизации — «умение разноплеменного существования». Указанная черта Российской цивилизации имеет общепланетарное значение. Всемирное раскрытие миротворческого потенциала России для мыслителя представляется стратегически важным в целях обретения общепланетарной стабильности.

Следуя логике Н. Н. Моисеева, русский вопрос значим для будущего России и всего мира. Важно преодолеть кризис идентичности на путях обращения к самобытному цивилизационному опыту многовекового развития, включающему бесценный опыт проживания народов в согласии, уникальный опыт совместного жизнестроительства. Выработанные в ходе длительного исторического пути миростроительные, миротворческие образы жизни, ставшие традиционными для России, имеют значение как для самой страны, так и для всего мира. Их творческая актуализация позволит гармонизировать нынешнюю трудную ситуацию внутри страны, а также может служить формированию общепланетарной стабильности. Обращение к глубинам исторически данного собственного богатейшего духовного опыта (а никак не копирование чужого) и есть та нравственная позиция, которая способна придать силы народу для решения современных проблем, помочь обрести реально существующую перспективу, а не утопию.

Очерченные трактовки русского вопроса довольно близки по смыслу и взаимно дополняют друг друга. Обе позиции констатируют кризис идентичности русского народа, связывают преодоление идентификационного кризиса с глубоким обращением к данному в истории духовному опыту, самобытным культурным традициям. Обе позиции зиждутся на утверждении общероссийского значения преодоления кризиса идентичности русским народом. Русское духовно-творческое самостояние приобретает общероссийский смысл.

1.2. ВОПРОС О ПРАВЕ РОССИИ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ БЫТИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПАНАРИНА

Осмысление русского вопроса А. И. Солженицыным и Н. Н. Моисеевым подразумевает оппонирование механическому копированию западного опыта. Такое копирование может обернуться нивелировкой русской культуры и культурного мира всех народов страны. На пути слепого подражания возможно растерять то русское, что приобретено за тысячу лет.

После крушения СССР в отдельных сегментах российской экспертной среды утверждается понимание западных обществ как передовых и модернизированных. Механическое копирование их современного опыта общественного и государственного развития, калькирование изготовленных на их территории идеологических конструкций, якобы неоспоримо доказавших свою эффективность, воспринимается как благо, как единственно возможный путь вхождения в пространство современного модернизированного мира.

Между тем при пристальном анализе ценностное и интеллектуальное формирование западных обществ в конце XX столетия было противоречивым и неоднозначным. В пользу этого свидетельствует распространение постмодернистских и неолиберальных умонастроений, являющих собой образ западного мира, отчужденный от собственных духовно-ценностных оснований.

Как известно, постмодернистская деконструкция полагает целью критику и ниспровержение основополагающих концептов и ценностей классического европейского философского и культурного наследия. Постмодернистскими интеллектуалами обосновывается замещение классических форм культурной жизни Европы (имеющих универсальное значение) экспансией массовой культуры

и обществом потребления. Постмодернистское конструирование социальной действительности отнюдь не требует модернизационного движения общества. Постмодернистская картина мира полагается без творческого субъекта, не подразумевая аргументирования научно-технического прогресса, промышленно-технологического, экономического, общественно-политического творчества. «Смерть субъекта» в деконструкции сочетается со стремлением деконструировать «большие субъекты» — народы с их ценностями и культурой, современные государства. При этом постмодернистской мыслью оспаривается классическое понимание народного суверенитета, этноса, нации, общественной и государственной жизни.

Распространение неолиберализма, испытавшего сильное влияние постмодернизма, сопряжено с обоснованием неизбежного пересмотра образов жизни, общего блага, культуры и истории сообществ как условия их эффективного экономического развития. Оно сочетается с пропагандой прав человека как субъективно трактуемых индивидом вне культурных и моральных контекстов. Неолиберализм сводит свободную разумную личность к набору экономических инстинктов, за границы которых ей не дано выйти, настаивает на конструировании общественной и политической жизни посредством ценностно-нейтральных суждений и действий. Им аргументируются сведение человека к пассивной функции рынка, истолкованного в качестве анонимной стихии, редукция личности и социальных систем к манифестации не предполагающих сублимации эгоистических инстинктов, вульгарный социал-дарвинизм.

Заявляя о «смерти субъекта» в мире экономических инстинктов потребления и обезличенных полей массовой культуры, содействуя вытеснению национальных культурных форм инфантилизованной посткультурой и утилитарной рациональностью, провозглашая «архаичность» и «неэффективность» традиционных ценностей, исторически сформированных образов жизни, общечеловеческих представлений о нравственном достоинстве, «несовременность» классического понимания нации и государства, неолиберализм и постмодернизм формируют достаточно противоречивый вектор движения западных обществ. Ориентация на этот вектор вряд ли способна дать странам и народам выверенную перспективу развития.

Известный отечественный мыслитель А. С. Панарин верно отмечал, что Россия к концу XX столетия столкнулась с угрозами, исходящими от неолиберализма и постмодернизма. Им было верно указано на превращение постсоветского общественного и государственного пространства России в полигон для испытания неолиберальных и постмодернистских идей. В своих работах А. С. Панарин показывает, каким образом осуществлялось заполнение постсоветского идеологического вакуума неолиберальными и постмодернистскими смыслами.

На его взгляд, некритическое следование западному постмодернистскому деконструктивизму может обернуться необратимой духовной, а затем и материальной катастрофой для страны. В связи с чем вопрос о праве России на самобытную цивилизационную идентичность, о ее праве быть не похожей на современный Запад оборачивается вопросом о праве на ее национальное и цивилизационное бытие как таковое⁴. Преодоление деструктивного влияния западных идеологий видится мыслителю на путях укоренения в ценностном мире русской культуры и Российской цивилизационной общности.

А. С. Панарин верно увязывает вторжение в социокультурные ткани России западных идеологических систем с вопросом о самой возможности национального существования. Действительно, экспансия западных идеологий конца XX — начала XXI столетия не только создает препятствия гармоничному развитию Российской цивилизации, но проблематизирует само ее бытие. Осмысление национального вопроса А. С. Панариным характеризуется содержательной полнотой. Оно связано с глубоким анализом неорганичных для российского историко-культурного опыта, выработанных на Западе идеологических конструкций, а также путей их внедрения в общественно-государственную жизнь страны.

Ответственное философское мышление А. С. Панарина органически дополняет идеи А. И. Солженицына и Н. Н. Моисеева. Обесцениванию национального, размыванию цивилизационной самобытности содействует распространение искусственных, неорганичных для страны, заемных специфических идеологических конструкций. В целях гармоничного развития страны от них необходимо отказаться.

1.3. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАПАДНЫХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ И ПРЕОДОЛЕНИЕ ИХ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ КАК СУЩЕСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОГО ВОПРОСА

Русский вопрос подразумевает глубокий анализ специфических идеологий, распространение которых в общественно-государственной жизни приводит к тому, что национальная идентичность становится объектом фальсификаций и манипуляций. Представляется принципиально важным критический разбор идеологических конструкций, которые делаются фактором, негативно влияющим на развитие страны.

Неолиберальные и постмодернистские идеологические описания России не просто задают параметры многих общественно-политических дискуссий, предлагаются в качестве одной из возможных трактовок идентичности россиян, но прежде всего претендуют на формирование доминирующего репертуара идеологий. Они выступают факторами, целенаправленно меняющими сознание людей и трансформирующими реальность. Именно они могут быть соотнесены с обозначенными ключевыми проблемами в сфере межнациональных отношений как порождающая их и содействующая консервации структура⁵.

Вне преодоления влияния на общественно-государственную жизнь неорганичных идеологических конструкций осуществление таких задач, как сбережение народа, укоренение в ценностном мире собственных традиций, раскрытие духовного потенциала Российской цивилизации видится достижимым с трудом. Верная постановка русского вопроса невозможна без выявления, пристального критического анализа концептуального фактора, задающего конфликтные векторы социального развития. Значимым представляется выработка по отношению к неолиберальным и постмодернистским идеологическим конструкциям целостного аппарата концептуальной критики.

Как уже отмечалось, А. И. Солженицын выступал противником внедрения искусственно конструируемой абстрактной российской идентичности. Он был оппонентом обезличения русского народа в формально трактуемом гражданстве. Тем самым мыслитель вплотную подошел к освещению проблемы навязывания обществу и государству разработанных на Западе, не укорененных в российском культурно-историческом опыте, неорганичных для страны теорий и практик гражданского нациестроительства.

К сожалению, приходится констатировать, что представителями экспертного сообщества продолжали и продолжают навязываться обществу и государству некритически заимствованные, механически копируемые западные (неолиберальные и постмодернистские) теории гражданской нации. Они преподносятся как единственно возможные, как некое «откровение» о национальном вопросе. В их контексте речь идет о «качественно новом» уровне формирования национальной идентичности.

Складывается впечатление, что Россия до недавнего времени, в сущности, не имела вразумительных представлений о гражданской нации. Образ российской нации заведомо искажается по западным лекалам, утрачивая характерное для российского культурно-исторического пути содержание, что означает фальсификацию гражданского нациестроительства.

Обозначенные западные подходы не являются укорененными как в российской, так и в европейской истории. Они представляют собой противоречивые разработки западных экспертных групп и социальных технологов конца XX — начала XXI столетия, связанные с повсеместно подвергающимся критике неолиберализмом и постмодернизмом, предающими забвению пути исторического развития народов и государств.

Формально трактуемое согражданство не стало и не сможет стать сплачивающей народы страны, цементирующей ее единство идеей. Перед нами идея, не вызревшая на общенародном уровне, не получившая широкого общенародного признания. Она лишена перспективы укоренения в сознании россиян, неспособна завоевать их сердца.

Речь идет об элитарном интеллектуальном проекте, на который нет запроса со стороны граждан страны, идеологической конструкции, воплощаемой посредством социальной инженерии без их согласия.

Формальные скрепы отнюдь не тождественны содержательным идентификационным ориентирам. Их недостаточно для обретения обществом солидарности. Они не способствуют формированию мотивации участия личности в общественной жизни. Они не содействуют поддержанию образующих целостное социальное пространство связей. Описание идентичности исходя из сугубо формальных критериев, при игнорировании критериев культурно-цивилизационного и ценностного характера, без учета культурно-цивилизационного ландшафта страны, не может стать ресурсом развития.

Внедрение формальных теорий гражданской нации позволяет усомниться в осязаемости государственного и национального. С одной стороны, это приводит к снижению интенсивности исторически вызревших форм идентичности, стимулированию процессов их размывания, разрушению структур национального самосознания, отчуждению от участия в общественно-политической деятельности.

С другой стороны, «натиск» со стороны искусственно проектируемой абстрактной идентичности вызывает к жизни «идентичность сопротивления». Им провоцируются мобилизация и политизация национального и этнического, фактически генерируются различные формы национализма, экстремизма и сепаратизма.

Формальные трактовки гражданской нации наполняются мультикультуралистским содержанием. Мультикультурализм — неотъемлемая составная часть формальных подходов к строительству гражданской нации. Сегодня уже очевидно: внедрение принципов мультикультурализма угрожает безопасности сообществ. Нельзя недооценивать его дезинтеграционный потенциал. Мультикультурализм содействует возрастанию конфликтности и разобщенности, взаимному отчуждению, разрушению целостного государственного и культурного пространства, фрагментации и дроблению идентичности.

Внедрение теории абстрактного согражданства отнюдь не способствует модернизационному движению общества. Оно не в состоянии обеспечить ценностное сопровождение модернизационных изменений. Таким внедрением умаляется представление о достоинстве гражданина, без которого модернизационной прорыв недостижим. Нельзя забывать, что именно осознание духовного достоинства, зиждущееся на культурных ценностях и истории, выступает глубинным основанием модернизационных процессов. Поборники проекта конструирования абстрактной гражданской идентичности, настаивая на дискриминационном вытеснении национальной культуры из сфер общественно-политической жизни, оказываются соучастниками блокирования модернизационного движения общества.

Экспериментирование с практическим формированием абстрактной идентичности может иметь катастрофические последствия. Государственная политика, основанная на принципах формально-гражданского нациестроительства, будет демонстрировать системные сбои, обернется ростом очагов межнационального напряжения, приведет к развитию многообразных форм национализма и сепаратизма.

Внедрение теории абстрактного согражданства содействует утверждению в качестве ведущей, стратегической культуры (как общей системы ценностей, доминирующей над различиями) не глупо присущей обществу исторической культуры и идентичности, а общества потребления массовой культуры нарциссизма, что осложняет консолидацию общества, без которой модернизация невозможна.

1.4. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ СОСТОЯНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО ВОПРОСА

В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», представленном рабочей группой на заседании Президиума Государственного совета РФ (11 февраля 2011, Уфа), в качестве ключевых проблем в сфере состояния межнациональных отношений верно выделены:

- Слабая общероссийская гражданская идентичность, в том числе у северокавказской молодежи, при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации.
- Этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм, в том числе в молодежной среде.
- Сложное социокультурное самочувствие русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей.
- Рост националистических настроений в среде русской молодежи.
- Низкая активность неправительственных организаций.
- Отсутствие общественного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества, по-прежнему незначительная роль традиционных (в т. ч. семейных и религиозных) ценностей в жизни современного россиянина на фоне роста активности как традиционных, так и новых религиозных организаций.
- Попытки реализации на территории Российской Федерации ряда геополитических проектов в интересах отдельных зарубежных государств, этнических или религиозных сообществ и направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в России вплоть до распада государства по этническому или религиозному принципу.

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» отмечает все те же фундаментальные проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России, расширяя их перечень:

- Слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при всё большей значимости этнической и религиозной самоидентификации.
- Этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм.
- Сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей.
- Рост националистических настроений в среде различных этнических общностей.
- Рост числа внешних трудовых мигрантов и их низкая социокультурная адаптация к условиям принимающего сообщества.
- Недостаточная координация как на федеральном, так и на региональном уровне использования ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации).
- Сохранение (при высоком российском стандарте защиты языковых и культурных прав народов России) неудовлетворенности в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав.
- Сохранение сложной этнополитической и религиозно-политической ситуации на Северном Кавказе.
- Усиление негативного влияния внутренней миграции на состояние межэтнических и межрелигиозных отношений в субъектах Российской Федерации.

В Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 года №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» прямо говорится о том, что нерешенные проблемы в сфере межнациональных отношений вызваны просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации. При этом указывается на сохранение актуальности проблем, связанных с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма.

Цели государственной национальной политики Российской Федерации подразумевают упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации). К сожалению, при взгляде на выделенные ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений очевидно, что потенциал общегражданской национальной солидарности остается до сих пор явно недостаточно раскрытым. Между тем единый многонациональный народ рассматривается единственным источником власти в Конституции страны!

Отмеченные проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России позволяют говорить о том, что к настоящему времени недостаточно раскрыты:

- миссия русского народа как скрепляющего многонародное единство страны;
- роль русского народа как государствообразующего;
- роль русского народа как свободно творимой нации, вбирающей в себя тех, кто добровольно становится русским по душе;
- роль русской культуры как собирающей единое и целостное культурное поле страны;
- глубинная, основанная на многовековом опыте совместного проживания взаимосвязь русского народа и народов России;
- «умение разноплеменного существования» (по терминологии Н. Н. Моисеева), опыт проживания народов в согласии, уникальный опыт совместного жизнестроительства как сущностные характеристики Российской самостоятельной и целостной цивилизации.

Выявление столь фундаментальных ключевых проблем в сфере состояния межнациональных отношений в современной России позволяет говорить о сохранении значимости русского вопроса.

1.5. ИТОГИ

Концепции русского вопроса А. И. Солженицына и Н. Н. Моисеева близки по смыслу и взаимно дополняют друг друга. Обе позиции зиждутся на утверждении общероссийского значения русского духовно-творческого самостояния. Ответственное философское мышление А. С. Панарина органически дополняет идеи А. И. Солженицына и Н. Н. Моисеева. Он верно увязывает вторжение в социокультурные ткани России западных идеологических систем с вопросом о самой возможности национального существования.

Действительно, экспансия западных идеологий конца XX — начала XXI столетия не только создает препятствия гармоничному развитию Российской цивилизации, но проблематизирует само ее бытие.

Русский вопрос подразумевает глубокий критический анализ специфических идеологий, распространение которых в общественно-государственной жизни приводит к тому, что национальная идентичность становится объектом фальсификаций и манипуляций. Претендующие на формирование доминирующего репертуара идеологий неолиберальные и постмодернистские описания России могут быть соотнесены с ключевыми проблемами в сфере межнациональных отношений страны как порождающая их и содействующая консервации структура. Вне преодоления влияния на общественно-государственную жизнь страны неорганичных для нее, заемных идеологических конструкций осуществление таких задач, как сбережение народа, укоренение в ценностном мире собственных традиций, раскрытие духовного потенциала Российской цивилизации видится достижимым с трудом. Значимым представляется выработка по отношению к западным (неолиберальным и постмодернистским) идеологическим конструкциям целостного аппарата концептуальной критики.

¹ См.: Моисеев Н. Н. Русский вопрос // Н. Н. Моисеев. Время определять национальные цели. М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. С. 62–77.

² Солженицын А. И. Русский вопрос к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7.

³ Солженицын А. И. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998.

⁴ См.: Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

⁵ См.: п. 1.4.

Глава 2 Постмодернистские и неолиберальные стратегии деконструкции наций, государств и цивилизаций

2.1. ПРИШЕСТВИЕ НОВОГО НАЦИОНАЛИЗМА: ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ НАЦИЙ, ГОСУДАРСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сегодня складывается впечатление, что исчезли границы между действительностью и виртуальным миром компьютерных игр, где каждый может построить государство-игрушку, сконструировать исходя из собственных представлений народ. Современный мир все более и более поглощается волнами микронационализма. Небезосновательно можно говорить и об экспорте революции микронационализма в глобальном масштабе. При этом речь идет именно о пришествии нового национализма — национализма неклассического, имеющего обоснование в теориях и практиках постмодернизма и неолиберализма, стремящихся сформировать эру глобальной фрагментации.

Микронационализм, миноритарный национализм, уменьшительный национализм — все это лишь различные имена одного явления. Имеется в виду деконструкция исторически сложившихся больших сообществ путем проектного конструирования развития сообществ локальных. Направляемые локальные образования видятся призванными способствовать дезинтеграции наций, государств и цивилизаций. Конструируемое «возрождение» малых сообществ призвано обернуться их «эмансипацией», «высвобождением сил», «подавляемых» сообществами большими.

Идеология микронационализма содержит тезис, согласно которому последовательный курс на этнонациональную регионализацию и локализацию социальной жизни, ее «освобождение» из-под власти больших целостностей, с их «угнетающей» централизацией, всесторонне способствует «раскрытию» экономического потенциала территории, оберегает население от распыления «творческой» энергии, делая «развитие» более «эффективным». Подразумевается, что «подавляющее» воздействие большого сообщества выступает помехой на пути «результативного» включения в структуры глобального рынка. Проще говоря, сильные большие сообщества препятствуют действенной работе международных банков, транснациональных корпораций, международных финансовых домов, глобальных рыночных сил и т. п. Они являются преградой на пути полноценного вхождения в мир потребления и в силу этого становятся излишними. Собственно, сама необходимость небольшого государства в рамках конструируемой этнонациональной общности объясняется потребностью в более эффективном потреблении товаров. Его значимость во многом утверждается через суверенное потребление — потребление, не опосредованное большим сообществом. Микронационализм принципиально не обладает системно разработанной социально-экономической программой, так как предполагает включение формируемого «народа» и государства в неолиберальные экономические проекты. В этой связи микронационализм превращается в расходный материал для построения глобального рыночного порядка. Мир диссидентствующих провинций, устремленных к автономии и независимости, делается обреченным на послушание механизмам мировой рыночной экономики.

Силы микронационализма исходят из принципа национального суверенитета. Классическое понимание народного суверенитета связано с идеей свободного, нравственно ориентированного, разумного субъекта, который обретает целостность своего личного бытия в национальной коммуникации. Единение в национальном сообществе приводит не к обезличиванию, а к раскрытию персонального начала. Объединение людей в нацию сопровождается возрастанием свободы. В большом

сообществе многократно увеличивается мощь человека в деле покорения слепых сил природы, в деле построения культуры как царства духа, открываются благоприятные возможности возрастая в нравственности и разумности.

Разделение человечества на суверенные народы подразумевает и перспективу единства. Духовное единение людей осуществляется посредством солидарности самобытных национальных миров. Человечество всегда остается личностным и национальным. Его единство раскрывается в общении самобытных народов, национально конкретных сообществ, взаимодействии неповторимых цивилизационных образований. Между идеей нравственного единения человечества, общечеловеческим суверенитетом и многообразием духовных путей развития присутствует очевидная связь.

Классическое понимание суверенитета подразумевает отстаивание образа человека как активного субъекта исторического процесса, как существа, выступающего из природы в мир духовной свободы истории и культуры. Человеческое сообщество, сводящее свою суть к потреблению, есть ли действенный исторический субъект? Если сообщество противопоставляет себя другим во имя подчинения анонимным полям товарного фетишизма, то не идет ли речь о пути в мир слепой экономической необходимости? Не имеется ли в виду апология сил, разрушающих личностную и нравственную природу духовности, самые основания народной культурно-исторической жизни человечества? Не означает ли подчинение народа обезличенному экономическому порядку — подчинение разумно-духовного начала природно-экономическим инстинктам? Не подразумевает ли односторонний выбор в пользу экономикоцентристки организованного всесмещения отказ от права быть субъектом истории, забвение суверенитета как универсальной ценности? Не идет ли речь в таком случае скорее об обесценивании национально-культурного многообразия человеческого бытия, утрате жизнотворческой связи сообщества с нациеобразующими началами, деконструкции национального самоопределения?

Спутником постмодернистского микронационализма выступает постмодернистский макронационализм. Речь идет об отстаивании суррогата большой гражданской нации, последовательно противопоставляемой нации соотечественников, редукции «плотной», насыщенной культурой и духовными смыслами национальной идентичности к «тонкой», абстрактно-бессодержательной, конструируемой на базе совпадения предпочтений в сфере потребления.

В таком случае гражданский национализм сводится к формальному конституционному «патриотизму» и «патриотизму» потребления. Нация оборачивается виртуальным образованием, сооружаемым посредством экономических контрактов и телешоу. Постмодернистский макронационализм также оказывается задействованным в деконструкции больших национальных и цивилизационных целостностей.

Поднимающиеся силы постмодернистского национализма — очевидный вызов XXI столетия. Они несут нестабильность и хаос, болезненный процесс дробления сообществ, усиливают атмосферу неопределенности, подозрительности и недоверия в международных отношениях. Имитируя классические модели народного самоопределения, адепты постмодернизма осуществляют их последовательную фальсификацию. Опираясь на фолианты деконструктивистской схоластики, непрерывно финансируемые социально-технологические лаборатории, они стараются проектировать жизнь народов исключительно по своим лекалам. К глубокому сожалению, приходится признать, что в России присутствуют постмодернистски ориентированные интеллектуальные центры, служащие очагами конструирования и распространения постмодернистских микронационализмов. Преодоление их влияния остается одной из стратегических задач развития страны в настоящее время.

2.2. СУВЕРЕНИТЕТ: СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФОРМЫ ОТЧУЖДЕНИЯ

«Общий интерес, поставленный выше интереса частного, создает то, что называется суверенитетом — правом данного общества на независимое от других, подобных ему государственных об-

ществ, существование, совместно с правом, во имя Целого, Единого требовать себе подчинения от Частного, Личного. Это суверенное право находит себе выражение в верховной власти, какова бы, по форме, ни была последняя...» — писал выдающийся отечественный историк Е. Ф. Шмурло¹. «Суверенная власть не спрашивает отдельную личность или союз частного характера, согласны они или нет исполнить ее повеление, но прямо и категорически предписывает им свой закон, предъявляет свое требование», — утверждает он².

Очень важно обратить внимание на то, что суверенитет — осуществление общей воли, подчиняющей мир частных интересов. Основание суверенитета заключено в народе как свободном носителе исторически сформированных форм жизни. Провозглашение сувереном народа восходит к христианскому пониманию человека, к идее суверенной личности, образу автономного творца, возвышающегося через обладание даром свободы над миром природы. Народ, будучи носителем суверенитета и независимым субъектом истории, есть сообщество свободных персон, личностное сообщество. Очевидно, классическое понимание суверенитета соединено с достаточно ясным видением сообщества. Речь идет о сообществе, регулирующем собственную природу через пронизанную культурой свободу. Народ как политический и исторический суверен, большой субъект отнюдь не сводим к «толпе одиноких», где инстинкты и эгоистические интересы поглощают свободу и разум.

Классическому пониманию суверенитета в настоящее время довольно жестко противостоит неолиберальная и постмодернистская мысль. Заявляя о пронизанности социального и государственного пространств всепроникающими рыночными механизмами, смерти субъекта в мире экономических инстинктов потребления и бессознательных полей массовой культуры, представители обозначенных интеллектуальных направлений видят любые сообщества через призму принципов экономического индивидуализма и атомизации. Но возможно ли разработать понятие народного суверенитета на подобном фундаменте? Возводим ли народный суверенитет на базе «достаточных» экономических оснований? Не оспаривается ли воля народа как суверенного субъекта посредством его низведения к пронизанному индивидуализмом атомизированному сообществу?

Если народ замещается космополитической «нацией» потребления, экономической «нацией» товарного фетишизма, рыночным «этносом», то не имеем ли мы дело с конструированием фальсифицированного образа народа и отчуждением суверенитета? Во всех случаях суверенный субъект должен принести себя в жертву экономическим обстоятельствам. Народное самоопределение низводится к выбору в пользу сырья для экономических процессов. Фактически речь идет о приватизации суверенитета атомизированным экономическим «социумом», его растворении в мире инстинктов потребления, сжатию в тисках экономической власти.

Обоснование народного суверенитета через экономический атомизм не только невозможно, но и способствует его упразднению. Сам по себе экономический атомизм несет мощные центробежные силы и не содействует долгосрочному функционированию целостных социальных образований, выстроенных исходя из внеэкономических солидарных принципов. Через призму экономического атомизма связующие народ силы есть не более чем фикция. В конечном счете их наличие свидетельствует лишь о неспособности рационально употребить человеческие ресурсы.

Важно отметить, что рост инициативности супранациональных акторов общественно-политической жизни не означает, что государство суверенного народа перестает быть ее основополагающим субъектом. Концепт государственного суверенитета не означает некой «абсолютной» свободы, исключаяющей любую «зависимость». Суверенитет подразумевает формирование государством стратегии развития, которая может включать и поиск помощи у других государств. Однако государство само решает, каким образом и где искать помощь. Тем не менее требуются серьезные оговорки. Речь идет о супранациональных акторах, формируемых на базе стратегий гуманитарного развития. В таком случае кооперация сулит открытие новых возможностей в сфере безопасности, технологического и экономического развития. Взаимосвязь народов влечет усиление держательного суверенитета.

Кооперация приумножает независимость государств. Объединение, «сложение» суверенитетов в культурно-цивилизационном пространстве открывает новые возможности их расширения. При подчинении государств финансовым группам с их частными экономическими интересами, то есть

экономической власти, речь всё-таки должна идти об ограничении суверенитета. Призыв к конструированию большого хозяйственного пространства на базе утверждения анонимного характера экономических отношений, рыночной «цивилизации» вне собственно гуманитарного вектора развития как фундаментального основания экономических процессов отнюдь не открывает перспектив для расширения суверенитета.

Исторически русский народ и народы России осуществили выбор в пользу развития в возвышенном значении цивилизационной субъектности. Гуманитарный вектор цивилизационного развития России способствовал формированию большого пространства, великой цивилизационной системы, включающей многие народы Евразии. Речь идет об устойчивом цивилизационном пространстве, возведенном на фундаменте прочных социокультурных связей, где находили свое полное раскрытие интегративные силы народов, осуществлялась их кооперация при одновременном сохранении собственной самобытности.

Речь идет о пространстве, на котором цивилизационная идея обрела конкретное воплощение. Несомненно, силам, оспаривающим народный суверенитет, закрыт доступ к уразумению логики развития и принципов жизни суверенного цивилизационного пространства, высокой цивилизационной связанности народов, свободно самоопределяющихся в качестве большого субъекта цивилизационного развития. Сегодня принципиально отстоять исторический выбор русского народа и народов Евразии в глобализирующемся мире, не дать обратиться великому цивилизационному пространству в бессубъектные транспортные коридоры, флюгерные поля анонимного экономического взаимодействия. Необходимо оппонирование угрозам поглощения цивилизационной субъектности «объединительными» процессами, сооружающимися на базе экономического индивидуализма и атомизации.

¹ Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Возникновение и образование Русского государства (862–1462). СПб., 1998. С. 1.

² Там же.

2.3. КОСМОПОЛИТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ VERSUS НАЦИЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ

В настоящее время на русском языке стала доступна работа видного канадского идеолога неолиберализма Уилла Кимлика (бывшего советника правительства Канады) «Современная политическая философия. Введение». По ряду недоразумений она начала рассматриваться как образец мультипарадигмального подхода к предмету современной политической философии и даже как один из лучших учебников по политической теории. Между тем книга представляет собой изложение постулатов неолиберализма в контексте течений мысли, в той или иной степени близких его идейному комплексу (утилитаризм, либертарианство, феминизм, мультикультурализм). Когда же речь заходит об альтернативных подходах, то они либо стилизуются под неолиберализм, либо же их воспроизведение заменяется изложением его идей. Ознакомление с работой не позволяет усмотреть выстраивания хоть сколько-нибудь последовательного логического обоснования неолиберальных принципов, что делает книгу шедевром постмодернистского деконструктивизма и вместе с тем бесконечно отдаляет от классической политической философии. Автором освещается и неолиберальная модель нациестроительства.

Уилл Кимлика отмечает, что крупнейшие теоретики неолиберализма признают: сама по себе приверженность демократическим принципам совершенно не объясняет наличие границ между национальными государствами Европы. Границы европейских государств просто принимаются ими как нечто само собой разумеющееся, как необъясненная данность. Однако они выражают надежду, что признание единых демократических принципов гражданами будет гарантировать солидарность и стабильность. Юрисдикция и исторические границы не будут более оспариваться.

У. Кимлика честно заявляет, что само разделение европейского мира, усвоившего сходные принципы демократии, на национальные государства остается необъясненным в границах неолиберализма. В ходе анализа конфликтной ситуации внутри Великобритании, Испании и Канады ему приходится признать, что неолибералы проектируют утопию: признания общих демократических

принципов явно недостаточно для поддержания целостности государства. Но в таком случае условие функционирования национального государства заключается в обретении гражданами согласия не просто по поводу принципов управления, но и относительно того, что они выступают единым нравственным сообществом — сообществом, где сограждане имеют нравственные обязательства по отношению друг к другу. Ощущение приверженности к нравственному сообществу не может быть обусловлено исключительно принципами демократии. Оно глубже их.

Анализируя процесс строительства европейских гражданских наций, приведший к формированию политических и этических сообществ, обладающих единым национальным языком, культурой и идентичностью, У. Кимлика сомневается в его либеральном характере. Но как же отделить подлинно либеральное нациестроительство от подделок?

Оказывается, строительство нации либерально, если не навязывается конкретное видение общего блага, не поощряется высокий уровень «насыщенности» поддерживаемой национальной идентичности конкретным содержанием. Строительство нации должно не вступать в противоречие с неолиберальным принципом нейтральности. Возможно строительство наций без поддержки общей концепции блага и конкретно-смыслового наполнения национального единства. Более того, национальная идентичность становится основой либеральной политики именно в силу нейтральности по отношению к представлениям о благе, благодаря тому что определенные стили жизни, религии, традиции и обычаи не ставятся в привилегированное положение. Если же идентичность учитывает этническое происхождение, религиозную веру, те или иные модели блага, то речь идет о нелиберальных государствах и обществах.

Классический для европейской политической философии подход, следуя которому общественное единство зиждется на согласии относительно базовых культурных ценностей и исторически сформированных образов жизни, отвергается канадским неолибералом без всякой аргументации. Общих целей, которые могут быть приемлемыми для всех групп общества, не может быть, потому что их просто не существует! Исторические практики, на базе которых народы Европы возводили свое видение общего блага, определялись малым сегментом общества — белыми мужчинами. Следование общим целям ставит под сомнение легитимность маргинализированных групп. Нейтральность по отношению к базовым ценностям предпочтительна, так как отрицает исключение маргинальных групп и потенциально охватывает всех членов общества.

Очевидно, неолиберальная нейтральность, на взгляд канадского идеолога, зиждется на поощрении абстрактной, бессодержательной, формально трактуемой национальной идентичности. Непрестанно ощущая нехватку рациональной аргументации для обоснования собственной позиции, У. Кимлика противопоставляет «толстую» (насыщенную содержанием) национальную идентичность «тонкой». Последний термин должен убедить читателя, что речь всё-таки идет о национальной идентичности, а не о ее деконструкции, что на подозрении оказываются лишь культурно насыщенные сообщества. В таком случае делается возможным говорить об истории, территории, языке, участии в деятельности общих социальных и политических институтах и даже культуре. Но данный тезис блокируется утверждением, следуя которому все это не только не должно сковывать граждан в безграничной свободе пересмотра стилей и образов жизни, но и может быть питательной средой такого пересмотра.

Впрочем, эпизодически У. Кимлика (желая найти рациональные аргументы для обоснования своей позиции) совершенно неожиданно начинает воспроизводить тезис о заданности национальной идентичности участием в особой социетальной культуре демократического сообщества, решительно опровергая сам себя, так как уже заявлял, что демократические принципы сами по себе (даже названные культурой) неспособны организовать нацию.

Итак, существуют две модели образования и воспроизводства национальной идентичности. Одна из них насыщена ценностным, культурным, глубинным историческим, религиозным, этническим содержанием. Другая, «тонкая», ненасыщенная, подразумевающая торжество либеральной нейтральности по отношению к исторически сформировавшимся ценностям и образам жизни. И хотя первая вызревала исторически, она должна быть преодолена второй.

Нетрудно показать, что характерные для неолиберализма воззрения Уилла Кимлика близки подходам Юргена Хабермаса — другого крупнейшего неолиберального стратега.

В своей работе «Вовлечение другого. Очерки политической теории» Ю. Хабермас исходит из жесткого противопоставления гражданской нации и нации соотечественников.

Нация граждан — продукт волевого стремления, правовая общность свободных и равных граждан, источник демократической легитимации. Это нация космополитическая, стремящаяся к достижению равенства интересов с другими нациями в рамках международных наднациональных структур.

Нация соотечественников — воспринимающая себя продуктом природы общность, сформированная на основе языка и единой исторической судьбы. Это нация натуралистически истолкованная, исторически утверждавшая свою независимость путем военного насилия.

«В понятийную структуру национального государства проникает напряженность между универсализмом эгалитарной правовой общности и партикуляризмом общности исторической судьбы», — недвусмысленно утверждает Ю. Хабермас¹.

«Указанная амбивалентность остается безопасной до тех пор, пока космополитическое понимание нации граждан сохраняет превосходство над этноцентрическим толкованием нации, которая беспрестанно пребывает в состоянии скрытой войны. С универсалистским самопониманием демократического правового государства вполне совместимо лишь ненатуралистическое понятие нации»². Достижения гражданской нации оказываются в опасности, если ее интегративная сила «сводится обратно к дополитической данности народа, возникшего естественным путем, то есть к чему-то, что не зависит от формирования общественного мнения и политической воли самих граждан»³.

Следуя Ю. Хабермасу, в прошлом национальное государство выполняло «интегрирующую функцию благодаря тому, что правовой статус гражданина соединялся с культурной принадлежностью к нации»⁴. В настоящее время необходимо «отвергнуть тот амбивалентный потенциал, который некогда действовал в качестве движущей силы»⁵. Под давлением сил мультикультурности и глобализации более невозможно объединять гражданскую и культурную нации. Проще говоря, нация как культурное сообщество, ценностно-консолидированный народ может быть демонтирована.

Но наивно думать, что Ю. Хабермас озабочен сохранением значения национального государства пусть и с формально трактуемой гражданской нацией. Избегая откровенного тезиса о полном упразднении национального государства в дееспособных международных институтах, он предлагает говорить о том же в более мягкой форме: «В силу этого напрашивается конкурирующая трактовка, согласно которой национальное государство должно быть скорее „снято“, нежели упразднено»⁶.

Но как же быть, если сообщество будет упорствовать в соединении гражданской нации и нации соотечественников? Если оно будет отстаивать культурно насыщенную модель национальной идентичности?

«На повестке дня стоят стратегии, влияющие — по возможности ненасильственно — на внутреннее состояние государств с целью способствовать развитию самостоятельной экономики и нормальных социальных отношений, равномерному участию в демократическом процессе, правовой государственности и культивированию терпимости»⁷. Однако возможны и гуманитарные интервенции. «Тем не менее такие интервенции в пользу демократизации внутреннего порядка несовместимы с тем пониманием демократического самоопределения, на котором основано право на национальное самоопределение ради коллективного самоосуществления культурной формы жизни»⁸.

Для Ю. Хабермаса гуманитарные интервенции можно обосновать лишь через неклассическое понимание национального самоопределения. Если народ желает (или не желает) освободиться от натуралистического понимания нации во имя космополитического («ненасыщенного» и «тонкого», в терминологии канадского неолиберала), то ему возможно оказать «помощь».

Классическое же понимание национального самоопределения не оставляет шанса для гуманитарных интервенций. Нормативное и правовое утверждение образа народа, преследующего в качестве цели реализацию культурных форм жизни, делает бессмысленным оказание ему «помощи» в преодолении культурноцентричного видения нации (то есть в преодолении его самого). Сверх того такая постановка проблемы может обосновать сопротивление нации ее космополитическому суррогату.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, неолиберализм констатирует невозможность объяснить возникновение и сохранение до настоящего времени национальных государств. Действительно, если воспринимать общественно-политическую жизнь через узкую призму формально трактуемых демократических принципов, то сам факт разделения свободного мира на национальные государства способен вызвать не только недоумение, но и раздражение. Проще всего увидеть в нем рудимент слепых и темных инстинктов народных масс.

Во-вторых, неолиберализм разрабатывает весьма оригинальное понимание гражданской нации. Такое понимание идет вразрез с классической политической философией. Гражданская нация противопоставляется нации соотечественников. Это общность космополитическая, агрессивно противостоящая культуросцентрическим толкованиям нации.

Речь идет о «тонкой», ненасыщенной ценностным, культурным, историческим, религиозным, этническим содержанием национальной идентичности, то есть отчужденной от глубинных пластов народной жизни. И разумеется, только неолиберальная модель гражданской нации совместима с правовой демократией.

В-третьих, современным государствам неолиберализм рекомендует сведение «плотной», насыщенной национальной идентичности к «тонкой», формально трактуемой и абстрактно-бессодержательной. Но неолиберализм (здесь он вполне последователен) не стремится к отстаиванию значения последней. В конечном итоге она должна быть растворена, снята в мире наднациональных демократических принципов.

Очевидно, системное тиражирование неолиберальных моделей нациестроительства в социальных тканях способно породить напряжение между обществом и государством. Гражданская нация связывает народ с государством, но в том случае, если речь идет о ее насыщенной модели. Проектирование же ее космополитического суррогата скорее разрывает связь между ними. Государство начинает восприниматься как некое подобие международной корпорации, камуфлирующей свои интересы абстрактными разговорами о моральном воодушевлении, распространяющей в обществе крайне неубедительные принципы «тонкого», «ненасыщенного» патриотизма, бессодержательно истолкованной дружбы народов, формально понятого межконфессионального и межэтнического диалога, что вызывает разочарование и раздражение.

В такой ситуации народ видит себя отчужденным от участия в государственной жизни, что потенциально чревато социальными изменениями катастрофического характера. Навязывание «тонкой» версии национальной идентичности способно разрушать социальную солидарность. Оно дает все основания различным этносам ощутить себя в положении осажденных крепостей, включать самые радикальные и непредсказуемые механизмы самозащиты. Постмодернистскую интригу гражданского нациестроительства меньшинства имеют все основания рассмотреть и как предложение к участию в борьбе за государственный аппарат, который самоустраняется посредством аморфного гражданского нациестроительства.

К сожалению, приходится констатировать, что в России есть эксперты, находящиеся под мощным облучением неолиберальных трактовок гражданской нации. Причем неолиберальная интерпретация гражданско-национальной идентичности подается ими с большим энтузиазмом как единственно возможная, как некое откровение о национальном вопросе. Складывается впечатление, что Россия до настоящего времени, в сущности, не имела вразумительных представлений о гражданском нациестроительстве. При этом сами неолиберальные подходы необоснованно видятся восходящими к классическому историческому опыту стран Запада, а не к разработкам экспертов групп и социальным технологиям конца XX — начала XXI столетия.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 211.

² Там же. С. 211.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 229.

⁷ Там же. С. 261–262.

⁸ Там же. С. 262.

2.4. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СУРРОГАТ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ

В настоящее время очевиден кризис теории и практики мультикультурализма. Более не представляется возможным игнорировать его уязвимые стороны и разобщающий потенциал. Притязания мультикультурализма на объяснение и гармонизацию социальной жизни повсеместно радикально оспариваются. Его уже нельзя наивно отождествить с «единством в многообразии».

Действительно, мультикультурализм сводит социальное пространство к миру разделенных сообществ, между которыми возведены непроходимые барьеры. Они живут отличной жизнью, неспособны найти общий язык, принципиально сориентированы на отдаление друг от друга.

Группоцентристская социология мультикультурализма необоснованно отождествляет произвольно обозначенную групповую идентичность с принадлежностью к «культуре». Беспочвенно ставится знак равенства между культурной идентичностью и любым сообществом, заявляющим о своих якобы культурных задачах. Мультикультурализмом осуществляется неаргументированная и произвольная «культурализация» всех форм социального.

Теории мультикультурализма рассматривают «культуру» в качестве атрибута любой социальной группы, объявленной гомогенной и имеющей неподвижные и непроницаемые границы. При этом игнорируются принципы осознанной социализации, акцент делается на бессознательной принадлежности к группам, члены которых видятся невольниками общин, заключенными искусственно возводимых «культурных» тюрем.

Мультикультуралистские теоретические конструкции не только обосновывают разрушение свободы выбора подлинных культурных образцов, но и отождествляют культуру с искусственно выделяемыми архаическими формами. Они низводят культурную идентичность к архаическим чертам, традиции — к предрассудкам, фольклору и декоративным украшениям. Искусственное культивирование архаического, развертывание теории и практик принудительной архаизации сочетаются с игнорированием высоких эталонов культурной жизни.

Принудительная архаизация соседствует с низведением высокой культуры к примитиву омасовленной. Высокая культурная идентичность должна раствориться в «культурных» сообществах потребления. При этом наделенное превратным содержанием понятие культуры начинает служить дискриминационным социальным практикам.

Мультикультурализм содействует распространению привилегий для групп, выступающих с ничем не подкрепленными претензиями представлять культурный мир больших и малых сообществ. Он оборачивается спонсированием общин, совершенно необоснованно говорящих от имени наций и этносов, при том что поддержка развития подлинно высоких культурных традиций последних не предусматривается. Мультикультурализм содействует легитимации групп, за которыми не стоит соответствующей социокультурной онтологии.

Мультикультурализм стимулирует выработку племенной идентичности, возведение искусственных границ, формирование сегментированного общества, конгломерата разделенных общин, самостоятельно организованных и обладающих собственным видением блага, истории и традиций большого сообщества. Последнее превращает сторонников мультикультурализма в ревизионистов истории.

Безусловно, мультикультурализм нацелен на подрыв потенциала культурной и политической интеграции. Отстаивая приоритет архаического коллективизма, он создает угрозу гражданской солидарности и государственной целостности. В мире замкнутых трайбалистских сообществ идея солидарности может быть безвозвратно утрачена. Не содействуя полноценному включению в социально-политическую жизнь, поскольку общие представления о ней оказываются размытыми, мультикультурализм провоцирует ренессанс клановости, сепаратизма, зоологического национализма, религиозного экстремизма.

Очевидно, мир замкнутых общин при его длительной искусственной консервации может превратиться в пространство с альтернативными государственными системами управления. Не нашедшие общего языка социальные группы имеют в конечном итоге все основания осознать себя в качестве суверенных государственных систем.

Кризис мультикультурализма, этого философского детища неолиберализма и постмодернизма (в Европе, Австралии, Канаде и др. странах), ставит вопрос о его преодолении. Казалось бы, целесообразно вернуться к классическим, исторически вызревшим практикам нациестроительства. Однако столь очевидное решение упорно блокируется неолибералами-постмодернистами, которые не желают расставаться с ролью ведущих стратегов national building. Понимая, что катастрофа мультикультурализма делает его непривлекательным, неолиберальные и постмодернистские фабрики мысли нашли оригинальный «выход» из данной ситуации. Им стала программа строительства «гражданских наций». Здесь сразу надо сделать оговорку. Речь идет именно о постмодернистских программах сооружения гражданских наций, которые не имеют ничего общего с реальным, исторически воплотившимся опытом созидания гражданских наций в различных странах мира. Очень важно отметить, что в ряде случаев постмодернистские программы конструирования гражданских наций позиционируются как якобы идущие на смену мультикультурализму, как нечто принципиально новое. Более того, некоторым постмодернистам хватает «смелости» делать бездоказательные заявления об «укорененности» подобного рода программ в истории сообществ. Перед нами «ход», направленный на отмежевание от несостоявшихся практик мультикультурализма, на камуфляж постмодернистских программ эффектом новизны и принципами историзма.

Нацелены ли неолиберально-постмодернистские проекты конструирования гражданских наций на преодоление мультикультурализма? Обладают ли они потенциалом новизны по отношению к нему? Можно ли с их помощью преодолеть разделяющие силы мультикультурности?

Ответить на поставленные вопросы не так уж сложно. Достаточно обратиться к сочинениям Ю. Хабермаса — одного из ведущих концептуалистов неолиберального нациестроительства. «Культура большинства должна быть выделена из ее смешения со всеобщей, в равной мере разделяемой всеми гражданами политической культурой; в противном случае культура большинства с самого начала задает параметры дискурса самопонимания. Становясь лишь частью, она уже не может формировать фасад целого...»¹. Итак, гражданская нация зиждется на строгом отделении некой всеобщей, абстрактной политической культуры от культуры большинства. Последнему должно быть отказано в праве задавать параметры дискурса национального самопонимания, «формировать фасад целого». «Связующие силы общей политической культуры, которая становится тем абстрактнее, чем больше субкультур она приводит к общему знаменателю, должны оставаться достаточно сильными, чтобы не допустить распада гражданской нации...»². Иными словами, Ю. Хабермас ставит задачу конструирования гражданской нации на базе максимально абстрактной политической культуры. Такое конструирование достигается через формирование множества «субкультур». Производство последних как раз и призвано обеспечить абстрактность гражданской нации. Но о каких же субкультурах идет речь? Ответ очевиден. Ю. Хабермас прямо отождествляет свою позицию с позицией одного из теоретиков мультикультурализма, цитируя его фундаментальный тезис: «Поддерживая сохранение нескольких культурных групп в рамках единой политической общности, мультикультурализм требует также и наличия общей культуры... Члены каждой культурной группы... должны будут овладеть общим политическим языком и правилами поведения для того, чтобы получить возможность успешно участвовать в борьбе за ресурсы...»³.

Итак, мультикультурализм есть средство возведения конструкции максимально абстрактной гражданской нации. Подобная нация должна выглядеть единой, сплоченной и целостной. Однако речь идет о единстве и целостности в смысле абстрагирования от ценностно и культурно насыщенной исторически сформированной национальной жизни. Единство и целостность гражданской нации покупаются ценой деконструкции нации как таковой, с ее культурой большинства и культурой меньшинств. Ведь «субкультуры» Ю. Хабермаса представляют собой отнюдь не подлинные культуры меньшинств. Они также конструируются через абстрагирование от действительных культурных ценностей, будучи своего рода микромиром абстрактной гражданской нации, ее атомами и молекулами. Приходится констатировать: гражданское единство Ю. Хабермаса достигается путем утверждения образов жизни, не совпадающих с исторически сложившимися образами жизни национальных сообществ.

Итак, постмодернистское формирование гражданской нации предполагает опору на мультикультурализм. Искусственное тиражирование множества сообществ в социальных тканях, необоснованно

отождествляющих свою групповую идентичность с принадлежностью к «культуре», должно не дать культуре большинства «формировать фасад целого» и привести к конструированию абстрактной общности, без всякого основания называемой гражданской нацией.

К сожалению, надо отметить, что в России существует целая группа экспертов, «продвигающая» постмодернистско-неолиберальную модель нациестроительства. В «лучшем» стиле указанных идейных направлений она позиционирует постмодернистские программы как «альтернативу» мультикультурализму. Ее представители говорят об «объединительном» потенциале своих теорий. Не приходится удивляться, когда из этой же экспертной группы исходят заявления о принципиальной расчлененности русского народа на множество сообществ, которые неспособны найти общий язык друг с другом. Искусственное выделение разобщенных сообществ в данном случае представляет собой метод деконструкции культуры большинства, ее вытеснения из пространства «гражданской нации». К сожалению, отдельные патриотически настроенные общественные деятели выбирают заведомо «слабые» стратегии сопротивления обозначенным теориям нациестроительства. Незнакомые со всеми ухищрениями постмодернистской и неолиберальной мысли, они ошибочно полагают, что речь идет о классической теории и исторически выверенных (если и не в российском опыте, то в опыте западноевропейских стран) практиках гражданского нациестроительства, и подвергают критике дискурс гражданской нации как таковой, не замечая, что в действительности речь идет о замещении гражданской нации постмодернистским суррогатом.

¹ Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. С. 255.

² Там же.

³ Там же. С. 255–256.

2.5. НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО В ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕННОСТНО-НЕЙТРАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О формировании нации через диалог сказано много. Вопреки тем, кто убежден в неизбежной согласованности любых концепций диалога и нациестроительства, важно указать на опасность, которую несет модель ценностно-нейтрального диалога национальному бытию.

Как известно, проект нациестроительства через бессубъектные диалоги — детище постмодернистских и неолиберальных теоретиков. Он подразумевает отречение участников коммуникативного процесса от «предрассудков» собственных культур, абстрагирование от индивидуальных культурных признаков. «Идеальная» диалогическая коммуникация видится рациональной, а также нейтральной по отношению к ценностным определениям достойной жизни. Актеры коммуникации выступают бессубъектными в том значении, что обязаны гарантировать моральную, ценностную, культурную нейтральность своих позиций. Если же они не в состоянии обеспечить устранение собственной субъектности (которая видится лишь маскировкой той или иной конфигурации «социального насилия»), то должны подвергнуться репрессивным практикам исключения и оказаться вне коммуникативного процесса как существа «неразумные». Тем самым пространство диалога оказывается заданным жесткими рамочными условиями. Нередко оно описывается по аналогии с моделями договора между участниками рынка или формально-юридическими процедурами, насколько таковые представляются ценностно-нейтральными.

«Освобожденные» от культурно-ценностной и моральной субъектности, внеположные исторически сложившимся формам жизни граждане-пилигримы делаются призванными к строительству абстрактно-бессодержательных космополитических наций — наций без соотечественников и отечеств. При этом предполагается, что такие «нации» в конечном итоге будут «сняты» в глобальной экономике и политических институтах. Наделение бессубъектной коммуникации нормативным статусом оборачивается замещением национального мира обезличенными транснациональными пространствами.

Очерченный подход вызывает серьезные возражения. Начнем с проблемы соотношения национального и общечеловеческого. Выдающийся русский философ П. Е. Астафьев когда-то верно

указал на национальное как предметное выражение общечеловеческих ценностей. Действительно, национальное воплощает как личное, так и общечеловеческое. Вне конкретно-национального воплощения общечеловеческие ценности остаются предметно невыраженными. Именно через национальную форму и содержание общечеловеческие ценности предстают действенными смыслами истории и культуры, приобретают, по словам П. Е. Астафьева, «объективную жизнеспособность»¹. Через национальную конкретность раскрывается их глубина. Служение общечеловеческим началам обретает свой подлинный смысл через служение национальным.

Жесткое противопоставление национального и общечеловеческого, третирующее национальное как чего-то второстепенного, как преходящего явления низшего порядка логически несостоятельно. Если же достижения истории суммируются в неких безличных итогах, то подобный взгляд, по верному замечанию П. Е. Астафьева, может быть назван в «существование своем отрицающим историю»².

Концепции строительства нации на основании формально-процедурной коммуникации, исключающей ценности и мораль, гражданскую идентификацию с общим благом, не выдерживают критики. Нация не может быть выстроена на базе рационального консенсуса касательно экономических интересов, путем экономических диалогов. В таком случае речь может идти об инструментальном обществе, но никак не о нации. Не формируется нация и путем формально-правовых дискуссий, предполагающих моральную нейтральность. Не рождается нация и через узкие экспертные диалоги, требующие особой компетенции.

Нация как духовно сплоченное сообщество формируется в диалогах о ценностях, морали и культуре. Такие диалоги касаются сердцевинных оснований общественного бытия, а не его наиболее формальных аспектов. Они целостно вовлекают всю личность.

Замечательный отечественный мыслитель П. И. Новгородцев следующим образом изображает принципы гражданского нациестроительства, исторически присущие России. «Все, живущие в России, выросшие в колыбели русской культуры и под сенью русского государства, и могут, и должны объединяться и еще одним высшим началом, прочнее всего связывающим, а именно — преданностью русской культуре и русскому народу. В идеальном смысле своем это и есть именно высшая духовная связь. Она отнюдь не означает отрицания национальных и культурных особенностей отдельных групп населения. Пусть каждая из них чтит и развивает свою культуру, но чтит и развивает ее на почве уважения и преданности великим сокровищам русской культуры. Это не угнетение, а приобщение к высшему единству, к единству и общению не только формально-юридическому, но и духовному»³.

Говоря о диалоге, П. И. Новгородцев, безусловно, имеет в виду его ценностно и морально насыщенные формы.

Современным политикам и экспертам целесообразно прислушаться к доводам тех, кто выступает оппонентами моделей нациестроительства на базе ценностно-нейтрального диалога. Теории, стремящиеся определить идентичность сообществ через артикуляцию экономических интересов, рациональный консенсус экономических сил, односторонне понятые формально-правовые процедуры, устраняющие всю полноту культурных ценностей из процесса обсуждения, очевидно, обнаруживают свою ограниченность. Они не в состоянии объяснить бытие народа как носителя культурных ценностей и выразителя уникальной идентичности. Здание нации невозможно возвести на базе прагматического, формального, ценностно-бессодержательного, а потому неустойчивого и зыбкого переговорного процесса.

Нельзя оставлять без внимания, что подобные теории могут обладать разобщающим, конфликтным потенциалом. Стоит серьезно отнестись к предостережению: идентичность, проектируемая на базе культурно-нейтральной коммуникации, рискует быть никогда окончательно не установленной. Она рискует распасться на множество конкурирующих идентификационных форм, обесмыслиться и исчезнуть в «плюрализме интересов».

¹ См.: Астафьев П. Е. Объяснение с г. Леонтьевым // Московские Ведомости. 1890. №177.

² Астафьев П. Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П. Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: 2000. С. 26.

³ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 574.

2.6. СТРАТЕГИЯ СИСТЕМНОЙ ДЕКОНСТРУКЦИИ КУЛЬТУРЫ БОЛЬШИНСТВА

В контексте постмодернистских подходов гражданская нация возводится через отделение всеобщей политической культуры от культуры большинства. Исторически обусловленное единство всеобщей политической культуры и культуры большинства должно быть искусственно прервано, так как оно «всегда препятствует» равному участию граждан в общественно-политической жизни страны. Именно «успешное» осуществление разрыва культуры большинства и всеобщей политической культуры позволяет адекватно сформировать последнюю в качестве максимально абстрактной, годной для приобщения всех граждан в одинаковой степени. Собственно такой разрыв и выступает показателем «эффективности» гражданского националстроительства.

Формирование «мультикультурного гражданства» в контексте постмодернистской логики требует проектирования гражданской солидарности на максимально абстрактной основе, формальных позициях конституционного патриотизма. Этому препятствует культура большинства, заявляющая претензии непрерывно полагать принципы всеобщей политической культуры. В целях проектирования «гражданской нации» «целесообразной» видится реализация рафинированной программы непризнания культуры большинства, ущемления его культурных прав. В итоге гражданин должен остаться юридическим лицом, отчужденным от ценностей культуры большинства, «препятствующей» образованию формального согражданства.

В осуществлении программы непризнания немаловажная роль принадлежит меньшинствам, существование которых наделяется «новым смыслом». Отныне они призваны к расширенному производству многообразия во имя маргинализации культуры большинства. Отставание равноправного сосуществования жизненных форм различных сообществ фальсифицируется, превращается в инструмент размывания идентичности большинства. Нужно ли упоминать о том, что постмодернистские подходы основаны на искаженных представлениях о роли меньшинств в общественной жизни?

Предоставление меньшинствам институционального статуса — их институционализация таким образом, когда осуществляется ущемление культурных целей большинства, — оборачивается конструированием «нации» обратной дискриминации.

Конструирование «нации» обратной дискриминации предполагает стимулирование процессов десолидаризации, забвение нации как кооперативной стратегии. Можно говорить и об образовании «нации» позитивной дискриминации, что в данном случае означает навязывание обществу системной политики предоставления преференций меньшинствам, отчужденной от ценностей большинства.

Хотелось бы предостеречь от бездумного копирования политики аффирмативного действия, положительной (компенсирующей) дискриминации в России. Если на определенных этапах развития США и некоторых стран Запада такая политика и имела смысл как своеобразная компенсация угнетения ранее колонизируемых народов, то в России она оборачивается навязыванием обществу исторически неоправданных, идущих вразрез со всей многовековой историей страны образов культуры большинства как связанной с угнетателями и меньшинств как связанных с угнетаемыми, что является искажением самой сути российского историко-культурного процесса.

Постмодернистская трактовка гражданской нации разрушает потенциал демократической политизации, культивирует регрессивные формы общественно-политической жизни.

Абстрактное видение политической культуры дает основание усмотреть в государстве формальный каркас для сопребывания изолированных общин. Абстрактно-всеобщая позиция, необоснованно трактуемая в постклассических теориях националстроительства как привилегированная, может быть рассмотрена как не позволяющая оценивать деятельность сообществ. Не раз отмечалось, что такая позиция связана с уважением-превосходством по отношению к другим сообществам, что демонстрирует скрытое присутствие культуры большинства.

Но ведь системная деконструкция культуры большинства, имеющая в виду производство «субъекта» без культурных корней, несомненно, приведет к выхолащиванию уважения и превосходства, отношения опеки и попечительства, открывая путь безразличию, принятию факта как неотразимого, конформизму, согласию с любой логикой развития замкнутых общин, которая

может быть ориентирована на жесткий фундаментализм, фанатизм, экстремизм, трайбализм, расизм, требование радикального пересмотра базовых принципов общественно-государственной жизни. Абстрактная всеобщность политической культуры, неспособная обеспечить «минимум идентичности», не только не гарантирует социальную стабильность, но и с легкостью делается всеобщностью дестабилизирующей.

Абстрактная трактовка политической культуры, выступая «базисом» гражданской идентификации, позволяет усомниться в ее сути. Отныне в ней можно увидеть достаточно искусственную и необязательную форму вторичной идентификации, противостоящую «естественной» первичной идентификации общин.

Локальные формы общинной идентификации получают основания для «снятия» искусственной вторичной гражданской идентификации, упразднения абстракции политической культуры: они не нуждаются в «идентичности» как вакууме-вместилище общин.

Абстрактно трактуемая политическая культура размывает культурный субстрат гражданской солидарности, подрывает основы гражданского универсализма, ставит под вопрос саму возможность артикуляции общих требований. Политическое пространство не связывается и более не видится универсальным.

Но возможно ли формирование гражданской нации вне универсалистских принципов? Возможна ли гражданская нация при проблематизации понимания политического как универсального? Не идет ли речь в таком случае о деполитизации гражданской нации, равнозначной ее упразднению?

Политическая культура гражданской нации не может зиждиться на неких абстрактных принципах. Нация граждан не организуется как юридическая конструкция помимо культуры большинства, исторически формирующей принципы общественно-политической жизни. Не является гражданская нация и временно существующей ступенью к построению разного рода «космополитических идентичностей», что утверждается постклассическими теориями националстроительства.

Гражданские нации представляют собой исторические формы существования народов. Неповторимые очертания гражданских наций в значительной степени определяются политическими культурами, восходящими к различным конфигурациям культур большинства. Гражданство в смысле нации связывает коллективные жизненные формы и индивидуальные жизненные проекты именно через всеобщую культуру, укорененную в ценностном мире большинства. Конкретная всеобщность политической культуры, питаемая культурой большинства, воссоединяет людей, делая возможным их участие в универсальном социально-политическом процессе, то есть саму гражданскую нацию. Бытие гражданской нации не представляется возможным вне прочных культурных солидарных основ. Выхолащивание последних оборачивается истощением ресурсов гражданской солидарности, а также провоцированием центробежных тенденций в государственной жизни.

«Гегемония русской культуры в России есть плод всего исторического развития нашей страны и факт совершенно естественный. Я не знаю, возможно ли преодолеть и разрушить этот факт. Во всяком случае, такая работа в моих глазах всегда будет представляться колоссальной растратой исторической энергии... Ибо не может быть никакого сомнения в том, что постройка в один ряд с русской культурой других, ей равноценных, создание в стране множества культур, так сказать, одного роста, поглотит массу средств и сил, которые при других условиях пошли бы не на националистическое размножение культур, а на подъем культуры вообще», — писал П. Б. Струве¹.

Выдающийся мыслитель верно утверждает, что самым ходом истории Россия созидалась на путях свободной и органической гегемонии русской культуры. Вне такой гегемонии Россия не может прочно существовать. Свободная гегемония русской культуры складывалась естественным образом в ходе исторического развития.

Она сформировалась отнюдь не в силу численного преобладания или военной мощи русских. Не была она и, говоря современным языком, искусно разработанной мягкой технологией доминирования. Русская культура свободно проникла в сердца и умы россиян в силу ее духовного богатства, став основанием гражданской нации России.

¹ Струве П. Б. PATRIOTICA. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 287.

2.7. ПРОЕКТ КОСМОПОЛИТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА И ИДЕАЛ ГОСУДАРСТВА НАРОДНО-ИСТОРИЧЕСКОГО

Современный немецкий политолог Ульрих Бек, отождествляющий свою позицию с космополитическим реализмом, выдвигает проект космополитического государства, основанного на принципах национальной индифферентности. «Точно так же, как в результате Вестфальского мира были прекращены вспыхнувшие из-за религиозных конфликтов гражданские войны XVI столетия благодаря отделению государства от религии, можно будет — в этом заключается мой тезис — ответить на национальные (мировые) гражданские войны XX столетия отделением государства от нации», — уверен он¹.

И далее: «Точно так же, как только а-религиозное государство сделало возможным отправление различных религиозных культов, космополитическое государство должно обеспечить существование различных наций на принципе конституционной терпимости. Точно так же, как в начале Нового времени были заново определены пространство и общепринятые рамки политической деятельности, следовало бы теперь сделать это благодаря обузданию национальной теологии и телеологии»².

По словам У. Бека, оказывается, что космополитическое социально-политическое пространство необходимо развивать, «направив против всё более исторически несостоятельных предпосылок национальной однородности»³. Космополитическое государство, будучи индифферентным к национальности, станет крепким только при опоре на транснациональную культуру и даже традиции. При этом говорится о традициях «очищенных и открытых мировому гражданству национальностей»⁴.

Взгляды Ульриха Бека определяются сильнейшим влиянием постмодернизма и неолиберализма. Очевидна их зависимость от концепции преодоления нации (в ее классическом культуралистском значении) космополитическими формами общественно-политической интеграции, абстрактной солидарностью, возникающей на основании коммуникации, внеположной национальной публичности.

При прочтении теории У. Бека в ней могут быть найдены содержательные основания программы отделения государства от нации и ее демонтажа. Когда «терпимость» государства по отношению к нации означает «обуздание» национальной «теологии», конструирование космополитического общественно-политического пространства оказывается направленным «против» предпосылок «национальной однородности», а делающие легитимным постнациональное государство традиции должны стать «очищенными» (какие «чистки» имеются в виду?), то не идет ли речь скорее о деконструкции самобытных национальных организмов?

Светское государство в указанном ключе может быть увидено как антирелигиозное, как агрессивно-атеистическое, а затем и как денационализированное. Подобным образом очерченная программа делается открытой для проектирования в жизнь путем дегуманизирующих социальных технологий XXI столетия, имея целью демонтаж народов и государств через их взаимное отчуждение.

В связи с распространением теорий космополитического государства (тем или иным образом обосновывающих отчуждение государства от народа) среди отдельных представителей отечественного экспертного сообщества видится целесообразным обратиться к наследию русской мысли, где еще в XIX столетии был аргументированно сформулирован альтернативный подход.

Выдающийся отечественный мыслитель Петр Евгеньевич Астафьев в своем публицистическом наследии в противовес абстрактно-космополитическому видению государства отстаивал идеал государства народно-исторического. В его воззрениях данный идеал подразумевает государственное выражение воли и нужд исторически сложившегося народа. Народно-историческое государство характеризуется непрерывной преемственностью в реализации задач. Его существование определяется не только настоящими задачами и потребностями, но и в не меньшей степени — задачами прошлого и будущего.

Его формирование зиждется на принципах общего блага. Связь личности с народно-историческим государством определяется мыслителем как всеохватывающая, но не в смысле дисци-

плинарного надзора над личностью, а в том значении, что она простирается на язык, историю и культуру.

Отстаивая идеал национально-прогрессивного (или народно-прогрессивного) государства, А. Д. Градовский критиковал его космополитическое видение. При этом осмысление прогресса русским мыслителем имело нравственную основу. Сущность прогресса — в развитии духовных сил народа как нравственной и культурной личности.

Государство является орудием прогресса, поскольку создает условия для всестороннего раскрытия и развития народно-культурной самобытности. Оно призвано хранить культурные и цивилизационные начала народной жизни. Народно-прогрессивное государство предполагает и наличие вовлеченного общества. Речь идет об обществе, созидательно вовлеченном в политическую и культурную жизнь страны.

В XX столетии одним из отечественных теоретиков народно-исторического государства был Л. П. Карсавин. Утверждение народной сущности государства связывается мыслителем с его формированием на глубоких народно-культурных основаниях.

Народное государство Карсавина — государство, осуществляющее и выражающее творимые народом культурные ценности. Оно есть форма единства народного (или многонародного) культурного целого.

Концепцию государства как исторического покрова и дома народа развивал выдающийся отечественный мыслитель С. Н. Булгаков.

Теория народно-исторического государства — важная составляющая отечественной мысли. Следуя ее принципам, государство укоренено в истории, зиждется на глубинных народно-культурных основаниях, есть форма единства народной культурной жизни.

Идея народно-исторического государства связана с классическим пониманием суверенитета. Суверенитет, проистекающий из свободного самоопределения народа, воплощает его историю и культурную самобытность. Свободно полагающий свою судьбу, выступающий самоуправляющимся сообществом народ важно увидеть культурной целостностью.

Суверенный народ — самобытная культурная общность, обладающая коллективной волей. Такая общность охвачена не неким абстрактно-универсальным, космополитическим, а конкретным культурно-историческим проектом воплощения свободы. Ценность свободы неотделима от ценности культурно-исторического творчества. Участие в сообществе подразумевает участие в его культурной жизни.

Народный суверенитет — понятие, которое при всех вариантах анализа не должно утратить своей цельности. Народный суверенитет продолжает оставаться универсальной ценностью. Постмодернистские и неолиберальные дискурсы, размывающие понятие народного суверенитета, не так безобидны, как это может показаться на первый взгляд. Их экспансия способна содействовать понижению уровня общественной и государственной безопасности.

Народный суверенитет выступает основой легитимации народно-исторического государства. Связь народа и государства осуществляется в общем пространстве культурного понимания. Политическая свобода и свобода культурного выражения народа оказываются теснейшим образом взаимосвязаны. Первая неотделима от ее культурных контекстов. Само государство есть форма политической культуры народа.

Особо важно отметить, что в концепциях народно-исторического государства речь идет не о некоей слабой, тонкой, бессодержательно-абстрактной народной идентичности, а об идентичности содержательно-насыщенной, сильной и высокой. Подобная идентичность требует крепких социальных связей, проявления большой солидарности, высокого уровня взаимопонимания и участия в совместном политическом и культурном проекте — проекте, объединенном высокими духовными смыслами.

Безусловно, теория народно-исторического государства, выработанная русской мыслью, не есть некое отвлеченное кабинетное учение. В ней нашел свое выражение многовековой опыт развития нашей страны, отразились устойчивые принципы ее существования как субъекта мировой истории, проявились очертания российского социокультурного облика. Россия складывалась как народно-историческое государство-цивилизация, обладающее исторически выверенной

стратегией развития, четкими идентификационными ориентирами, продолжающими играть консолидирующую роль сегодня.

Российская цивилизация располагает мощным ценностным фундаментом, который обеспечивает ее самоидентичность. Крепкая государственность исторически обеспечивала сохранение цивилизационной субъектности. Трактовки цивилизационного образа России как аморфного и способного превратиться в какое угодно космополитическое образование не могут быть приемлемы.

Сегодня, когда легитимирующий принцип народного суверенитета оспаривается как путем теоретических конструкций, так и путем дегуманизирующих социальных технологий, обращение к концепции народно-исторического государства видится чрезвычайно актуальным. Теориям и технологиям радикального пересмотра идентичности и суверенитета можно аргументированно противопоставить взгляд на суверенитет как ценность, утверждение непреложного значения сильной и высокой идентичности.

Схемы и методы, настаивающие на разделении пространства идентичности, обосновывающие и реализующие отчуждение идентичности граждан от идентичности государства, третирующие логику народного суверенитета как нелегитимную, могут быть подвергнуты основательной критике. Им целесообразно противопоставить идею солидарности граждан на базе общей идентичности в народно-историческом государстве.

Глава 3 Россия и русские: самобытное цивилизационное и национальное развитие

3.1. УТВЕРЖДЕНИЕ ЕДИНСТВА РУССКОГО НАРОДА В ПОДВИЖНИЧЕСТВЕ СВ. СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО

Выдающийся отечественный мыслитель Н. О. Лосский видел в св. Сергии Радонежском олицетворение добра, являющегося идеалом русской общественности. Основанная им обитель стала как монашеским общежитием, так и идеальным центром всей русской общественной жизни. Речь идет о центре, формирующем русский народ как целостное сообщество, духовном средоточии русского народа.

Идея Троичности «наиболее соответствовала сокровеннейшим основам души преподобного Сергия»¹. «В своей обители он построил храм во имя Пресвятой Троицы как образ единства в любви, дабы, взирая на этот образ, люди побеждали в себе ненавистное разделение мира»². Идея Троичности — «живой идеал совершенного единосущия и вместе с тем индивидуального своеобразия лиц на основе совершенной любви»³. Н. О. Лосский указывает на то, что этот идеал «должен служить путеводною звездой не только в наших личных, но, может быть, еще более в наших общественных отношениях...»⁴.

«Уже признано высокими умами отечественными, что преп. Сергий был и остается воспитателем русского народа, его пестуном и духовным вождем», — писал отечественный мыслитель С. Н. Булгаков⁵. «Как от священнической свечи зажигаются свечи молящихся и весь храм исполняется света, так от свечи преп. Сергия исполнилась светочей русская земля, и вся эпоха истории, которая следует за веком преп. Сергия, есть Сергиевская эпоха в истории русского духа и творчества», — справедливо утверждает он⁶.

В трудах преп. Сергия философ видит подвиг собирания душ, подвиг братотворения. Такой подвиг стал возможным, поскольку «он сам совершил подвиг соборности в сокровенности сердца своего, победив себялюбие, жертвенно отвергшись себя в любви к другому, живя уже не в себе и не для себя, но в другом и для другого...»⁷.

«Господь воздвиг избранника своего в тяжелое время не только внешнего порабощения нашей Родины, но и внутреннего упадка, глубокого уныния и духовного распада. Люди потеряли веру в добро и угрюмо отъединялись в своем горе, в своем озлоблении: человек человеку волк!» — таким образом характеризует пору начала подвига преподобного С. Н. Булгаков⁸. Действительно, то был период этического скептицизма и губительного релятивизма. Представления о морали лежали в руинах.

Если говорить современным языком, то придется указать на распространение болезни индивидуализма как черты времени. Традиционные представления о благе и добродетелях подверглись эрозии. Видение моральной жизни все более утрачивало целостность, превращаясь в бессвязный набор корпоративных, узкогрупповых правил. Фрагментированные представления о нравственности грозили обернуться утверждением взгляда на общество как «собрание чужаков» — собрание, лишенное общей нравственной субстанции, не обладающее проектом осуществления общего блага.

Преподобному Сергию дано было увидеть нравственную трагедию своего времени. Очень важно отметить, что он осуществил нравственную критику эпохи, предложив пересмотр современных ему представлений о морали. Можно сказать и по-другому: Сергий Радонежский вынес приговор представлениям о морали своего времени. Речь идет о последовательном отрицании индивидуализма,

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 139.

² Там же.

³ Там же. С. 140.

⁴ Там же.

определении его как болезни, которую необходимо излечить. Речь идет о приговоре разрушительным силам несогласия и разъединения. Говоря языком современной философии, преподобный внес изменения в самые основания нравственного дискурса своего времени.

К моменту начала широкого общественного служения преподобного явственно обозначается опасная тенденция. Разобщенность русского народа всё более воспринимается как некая «данность», как нечто «естественное», «само собой разумеющееся». Представления о нравственности все более строятся с учетом разъединенности русского народа как самоочевидного «факта». Такой «факт» не делается предметом нравственной рефлексии и как бы изымается из нравственного рассмотрения.

Вопреки этим представлениям преподобный Сергей Радонежский утверждает единство русского народа как нравственную норму. Разобщенность русского народа виделась ему проблемой духовно-нравственной. Будучи сам живым образом целостности духа и любви к ближнему, он обличил природу несогласий на Руси.

Раздробленный облик русского народа имеет истоком внутреннюю раздробленность, утрату личностью нравственной целостности. Погруженная в подобное состояние человеческая персона не обретает в себе сил к труду братотворения. Обретение же внутренней целостности сопряжено с утверждением духовного единства персон, утверждением нравственного единства русского народа.

Преподобному Сергию дано было увидеть жизнь нации как моральное повествование, историю народа как нравственную историю. Его взору было открыто видение развития русского народа в перспективе морального единства. В подвижничестве Сергия раскрываются духовные основания национальной жизни. Она предстает нравственно единой и целостной в лучах Троицкого Божественного Света.

Св. Сергей своим глубоким благочестием утвердил единство русского народа как очевидную нравственную истину. В итоге его подвижнической проповеди выбор в пользу национального единства предстал единственно возможным нравственным выбором. Отныне быть русским означает сопричастие глубочайшей нравственной традиции, свободное присоединение к возвышенной этике единства.

Быть русским — значит видеть свою жизнь и жизнь народа как нравственную задачу, усердствовать в воспитании благородных черт души, которые являются как ценными сами по себе, так и способствуют достижению общего процветания. Быть русским — это данность и призвание одновременно. Призвание к осуществлению всей полноты нравственных представлений о единстве, раскрытых в служении и духовных созерцаниях преподобного Сергия.

¹⁻⁴ Лосский Н. О. Преподобный Сергей Радонежский и Серафим Саровский (по поводу книги Б. Зайцева и Вл. Ильина) // Путь. 1926. № 2. С. 153–156.

⁵⁻⁸ Булгаков С. Н. Благодатные заветы преп. Сергия русскому богословствованию // Путь. 1926. №5. С. 3–19.

3.2. АГИОКРАТИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА И СУВЕРЕНИТЕТА

Отечественный мыслитель XXI века Ю. Ю. Булычев справедливо указывал, что курсы истории России содержат верный, но требующий существенного дополнения тезис о создании Московского государства как политическом процессе, организованном московскими князьями. «Но за этим известным... политическим сюжетом необходимо видеть великий культурно-исторический сюжет формирования духовно-национальной общности русского народа», — справедливо утверждает он¹.

На взгляд мыслителя, «Московское государство, существуя в условиях натуральной экономики, ослабленной политической традиции, суровых, слабо освоенных северо-восточных пространств, малой плотности населения и бездорожья, добивается в краткие сроки поразительных успехов почти что исключительно за счет создания мощного духовного поля притяжения, стянувшего русские души энергией традиционных религиозных святынь»².

Утверждение самобытных объединительных начал в жизни русского народа, единства русской национальной общности Ю. Ю. Булычев связывает с подвигом преподобного Сергия Радонежского.

Нельзя не согласиться с воззрениями мыслителя. Подвиг св. Сергия — утверждение народного единства как единства в нравственной солидарности и духовной традиции. В деятельности св. Сергия народное единство создается с учетом всей глубины человеческой природы. Говоря современным языком, служение преподобного означает формирование национального единства на основании метафизического понимания сущности человека при опоре на его духовную конституцию.

Народное единство и суверенитет св. Сергей менее всего «выводил» из исторических обстоятельств, из окружающей его среды. Прежде всего ему было дано узреть народное единство и суверенитет в мире абсолютных ценностей, в мире горнем, как духовно-нравственный императив и уж затем, руководствуясь своими созерцаниями, он подвижнически претворяет этот императив в действительность.

Говоря словами русского славянофила Ю. Ф. Самарина, св. Сергей лицезрел в народности «не только фактическое проявление отличительных свойств народа в данную эпоху, но и те начала, которые народ признает, в которые он верит, к осуществлению которых он стремится, которыми он поверяет себя, по которым судит о себе и других»³.

Служение св. Сергия — утверждение национальной целостности как торжество духовной нормы единства над фактом разобщения, ценности единения — над данностью разделения, стремления к духовному самовыражению — над материальной обусловленностью исторического процесса. Его подвиг — преодоление исторической «необходимости», своего времени и среды посредством нравственного действия, победа духовного смысла над обстоятельствами, преображение действительности ценностью. Дело св. Сергия — возвышение над данным во имя нравственно заданного, претворяющее нравственные задания в подлинную историческую реальность. Его подвиг — в созидании единства народа через утверждение человека как носителя духовных начал. Речь идет о личности, которая ставит и реализует нравственные задачи, преодолевая «естественную логику» вещей и событий.

Обратившись к моральным нормам, пребывающим в христианской традиции, св. Сергей возвел формирование народного единства на новый нравственный уровень. Своей деятельностью он обозначил нравственные высоты народной жизни, показав, что возможна апелляция к духовно-возвышенной концепции общего блага в сложнейших исторических ситуациях.

С. Н. Булгаков когда-то верно нарек эпоху, следующую за жизнью св. Сергия, как Сергиевскую эпоху в истории русского духа и творчества. Действительно, служение преподобного определило пути раскрытия народного единства в последующие времена отечественной истории. После св. Сергия утверждение народного единства раз и навсегда стало восприниматься как стремление выразить общие духовные смыслы, несмотря на невзгоды, препятствия и трудности. Народная солидарность — как достижимая в деятельном подвиге веры в общие духовные цели. Собирающие народные силы соединились с раскрытием превосходства морального единства над единством на базе материальных интересов, с демонстрацией нравственной независимости личности, веры в ее безусловное значение как духовной сущности, проводника в истории нравственно понимаемой свободы.

По сути, вся отечественная история после служения святого может быть увидена чередой духовно-творческих подвигов, утверждающих народное единство и суверенитет. Речь идет о победах в ходе оборонительных войн, связанных с вольным освобождением народов от порабощения завоевателями, о стремительных модернизационных прорывах, превращающих страну в форпост современной науки и техники, о созидании шедевров искусства, имеющих мировое значение произведений литературы, интенсивном развитии философской мысли, когда, казалось бы, для этого не было «достаточных оснований» в предшествующей истории. Важно также увидеть за подвигом общественно-государственного строительства русского народа подвиг его духовной концентрации, собирания духовных сил, чем во многом объясняется своеобразие отечественного исторического процесса.

Применяя терминологию П. И. Новгородцева, надо сказать, что созидание единства русского народа исторически осуществлялось путем агиократии (греч. ἅγιος — святой, святость; греч. kratos — сила, власть, господство) — власти святынь в сердцах людей. Такое созидание означает формирование национального чувства и сознания общей связи исходя из совести и духовных традиций. Оно подразумевает полагание национальной идентичности в моральной, глубокое нравственное измерение национальной идентичности, утверждение суверенитета через видение народа как устремленного к нравственным целям.

Агиократическое собирание русского народа связано с непреложным присутствием добра в его жизни. Оно неотделимо от выработки действенной этики воли, вдохновляющей на деяния вопреки «необходимым» и «естественным» обстоятельствам и ограничениям. Формирование национального единства посредством агиократии означало и означает соотнесенность национальной идентичности с вопросом о духовном достоинстве личности, видение народного единства имеющим свое основание в общем понимании этических принципов, предпочтение стилей и образов жизни, способствующих нравственному преображению.

^{1,2} Булычев Ю. Ю., Рябов Ю. А. Духовные основы истории русской культуры. От крещения Руси до середины XIX в.: Учебное пособие. СПб.: Знание, 2006. С. 78.

³ Самарин Ю. Ф. Соч. М.: Изд-во А. И. Мамонтова, 1877. Т. 1. С. 150–151.

3.3. РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РУССКИЙ НАРОД КАК СУБЪЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ОБЪЕКТЫ ДЕКОНСТРУКЦИИ

Англо-американский аналитик неолиберализма Дэвид Харви когда-то верно указал на такую характерную черту неолиберальной идеологии, как неодобрение нации как таковой¹. Суверенное национальное государство, следуя известному японскому неолибералу Кеничи Омае, «стало неестественным, даже дисфункциональным образованием для организации человеческой активности и управления экономической деятельностью в мире без границ. Оно не представляет никакой истинной общности экономических интересов; оно не определяет никаких содержательных потоков экономической активности»². «Стратегическое мышление — чрезвычайно мощное оружие, лазерный луч, который, если дать ему свободу, сотрет все границы и сформирует единое экономическое пространство, где люди смогут создавать новое, свободно конкурировать и потреблять лучшее из того, что производится в мире»³.

Все богатство человеческой деятельности сводится тем самым к экономической активности, которой препятствуют национальные границы. Национально-государственному суверенитету противопоставляется суверенитет потребления.

Неолиберальные дискуссии о сужении компетенции национального государства в конечном итоге обосновывают делегирование его функций и, далее, приватизацию исторической субъектности народа международным экономическим сообществом, мировой общественностью, транснациональными демократическими институтами — глобальной правовой государственностью.

В связи с этим резонно упомянуть о характерно неолиберальном проекте супранационального демократического государства (объединенного исключительно формальными демократическими принципами) Ю. Хабермаса, который непрерывно предлагается им народам Европы⁴.

Для Ю. Хабермаса неприемлемо субстанциалистское понимание народного суверенитета, так как таковое возводит концептуальные барьеры при вопросе о передаче суверенных прав наднациональным единствам. Заявив, что национальные государства должны перестроить исторически сложившиеся нации соотечественников в оторванные от истории и культуры космополитические демократические гражданские нации (основанные исключительно на юридически опосредованной «солидарности» духовно чуждых друг другу граждан), он перешел к проектированию космополитического государства с единым космополитическим народом. Интеграция такого народа, на его взгляд, обеспечивается юридически абстрактными формами политического участия и гражданского статуса, формально-демократической и формально-экономической коммуникацией, не

насыщенной всем многообразием национальных, этнических, культурных и религиозных ценностей, напротив, через абстрагирование от них⁵.

Современный исследователь творчества Ю. Хабермаса Н. М. Мотрошилова когда-то принципиально поставила вопрос: почему его дискурс не содержит темы России? Она вынуждена признать, что ясного ответа на этот вопрос для нее нет⁶.

Между тем умолчание о России в творчестве Ю. Хабермаса имеет принципиальное значение. Такое умолчание объяснимо из идеологических соображений. Сам факт существования России не только изобличает недостаточную разработанность понятийного аппарата Ю. Хабермаса, но и в какой-то степени выступает опровержением его абстрактных схем. На европейском же пространстве, где Ю. Хабермас желает видеть космополитическое государство, расположена огромная страна, совсем не склонная ни к построению ценностно, культурно, религиозно и этнически ненасыщенной космополитической нации, ни к признанию национального суверенитета анахронизмом, ни к моральному воодушевлению по поводу превращения в штат неолиберального государства.

Цивилизационное пространство России оказывается несогласованным с неолиберальными канонами рациональности. Если следовать логике неолиберализма, то Россия просто обречена выглядеть некой аномалией.

Действительно, страна концентрирует немалые территориальные, природные, экономические ресурсы, является одним из великих технологических центров. С неолиберальных позиций, ей просто предначертано судьбой обратиться в космополитическое пространство. Казалось бы, гуманитарный суверенитет страны не должен был бы устоять под давлением столь насыщенного экономико-технологического базиса. Однако вопреки неолиберализму он продолжает определять вектор развития этого базиса.

Опыт России неопровержимо свидетельствует в пользу созидательного экономического и технологического развития на основе гуманитарного суверенитета. Последний не может быть увиден чем-то неестественным и дисфункциональным, препятствующим экономической активности. Исходя из его принципов определяется общность экономических интересов страны, конституируется стратегическое экономическое и технологическое мышление, формируется собственная мир-экономика.

Россия исторически развивалась как великое многонародное государство. Следуя неолиберализму, у нее были и есть все «шансы» обернуть собственное пространство в космополитическое. И здесь Россия приносит одни «разочарования». В серии исторических выборов страна демонстрирует волю идти путем развития, насыщенного самобытными цивилизационными принципами.

Неолиберальная мысль вынуждена констатировать, что Россия — великий мир, упустивший свои «шансы». При всем его потенциале он не осуществил «прорыв» в пространство неолиберально понятой экономической и политической глобализации. Причем причины такой «неудачи» не могут быть объяснены исходя из принципов самой неолиберальной теории.

Сегодня уже установленным является факт развития неолиберализма под мощным воздействием идейного комплекса троцкизма, в атмосфере его ренессанса на Западе и США. Нельзя забывать, что базовые теоретические постулаты неолиберализма разрабатывались левыми интеллектуалами (что, кстати, касается и Ю. Хабермаса).

Еще задолго до Хабермаса Л. Д. Троцкий выступил с проектом создания наднационального космополитического государства (Соединенных Штатов Европы), так как развитие мировой экономики, на его взгляд, требовало упразднения границ.

В наследии Л. Д. Троцкого можно обнаружить широкий спектр неолиберальных идей. К ним можно отнести деление наций на демократические («подлинные») и имеющие фальсифицированный образ, концепцию перестройки наций в целях интернационального революционного процесса, теорию построения глобального сообщества через непрерывную цепочку революций, учение о неизбежном политическом объединении мира как отражении интернационального характера хозяйства и т. д.

Идеи Троцкого представляют собой систематизацию взглядов Александра Гельфанда (известного под псевдонимом «Парвус»⁷). Последний развивал учение об уменьшении значения национальных

государств и переходе политических процессов за рамки национальных границ в ходе превращения хозяйства в универсальную систему, о неизбежной интернационализации политических режимов как итоге втягивания народов в сеть мировой экономики.

Мы затронули имена Парвуса и Троцкого, так как неолиберальное видение России не исчерпывается умолчанием о ней, что можно условно назвать линией Ю. Хабермаса. Наряду с подобным подходом можно выделить и другой — восходящий к Парвусу. Парвус видел в России колоссальную политическую централизацию, выступающую, по его словам, угрозой миру во всем мире. Такая централизация препятствует интернационализации государственной и экономической жизни.

В связи с этим необходимо разделить Россию на группу маленьких независимых государств. Линия Парвуса означает программу приватизации суверенитета Российской цивилизации, приватизации исторической субъектности русского народа (как народа миростроительного) международными экономическими и политическими структурами через демонтаж российской государственности.

Л. Д. Троцкий возлагал большие надежды на Россию как звено в цепи мировой экономической и политической глобализации. Однако Россия отторгнула его проект в силу, говоря языком Троцкого, консервативного стремления к национальному порядку.

От Троцкого неолиберализм наследует определенную модель критики России. Страна видится неким «архаичным» очагом сопротивления «прогрессивным» трендам глобализации. При этом своими модернизационными прорывами она лишь «камуфлирует» экспансионистскую имперскую государственность. Россия упорно не воспринимает «передовых» моделей экономического и политического строительства, подразумевающих приватизацию национального и, шире, цивилизационного суверенитета супранациональными структурами бизнеса и политики. Обозначенные идеи подаются без аргументации.

Остается неясным: каким образом, со слов неолибералов, погруженный в архаику народ осуществляет модернизационные прорывы, в силу чего объявленная неолиберализмом архаичной государственность обладает столь устойчивым характером? В сущности, если следовать понятийному аппарату неолиберализма, то предпринятый русским народом и всеми народами России подвиг государственного и цивилизационного строительства придется признать крайне эффективным, хотя и необъясненным из неолиберальных стандартов мышления. Необходимость разъяснить успешность российского исторического проекта требует не эмоционально окрашенной бездоказательной критики, плавно перерастающей в информационную войну, а пересмотра самих неолиберальных теорий.

Опираясь на постмодернистскую мысль, утверждающую смерть разумного и свободного субъекта, неолиберализм формулирует свое понимание суверенитета. «Если отказаться от формирования понятий с точки зрения философии субъекта, то суверенитету не потребуется ни конкретистского концентрирования в нации, ни изгнания в анонимность конституционно-правовых полномочий. “Самость” организующей самое себя правовой общности исчезает в бессубъектных формах коммуникации...»⁸.

Народный суверенитет поглощается анонимными наднациональными силами, что выступает для народа «благом», ибо избавляет от бремени производить фикции (хотя остается необъясненным: откуда само это стремление к их воспроизводству и почему надо отказаться от философии субъекта?).

С позиций неолиберальной идеологии, русские и народы России слишком увлеклись созиданием мнимой действительности. Русскую нацию, на взгляд неолибералов, целесообразно перестроить в нацию (или нации) граждан, не связанную с «общностью судьбы, которую формируют общие корни, язык и история»⁹. В космополитическую общность, «абстрактную, поддерживаемую правовыми средствами солидарность между незнакомыми людьми»¹⁰. Безусловно, это будет сопровождаться ограничением суверенитета. Зато открывается «перспектива» — включение в глобальные политические и экономические образования, космополитический народ.

Если же не отказываться от формирования дискурсов с точки зрения философии субъекта (ибо для этого не представлено ровным счетом никаких оснований), то суверенитет пребывает вопло-

щенным в свободном народе, объединенном общим культурным наследием, исторически выработанными формами жизни, причастием к политическим институтам и границам. Отчуждение суверенитета равнозначно замещению народа. Участие в осуществлении суверенитета не должно быть никем приватизировано. Легитимность государства обусловлена подлинным выражением воли народа. Суверенное государство сегодня продолжает оставаться базовым инструментом народного самоопределения и самозащиты.

Русский народ и народы России исторически осуществили подвиг отстаивания своего суверенитета. Они всегда находили достойные ответы тем, кто рассматривал суверенитет нелегитимным, успешно преодолевали различные стратегии наступления на него. Своей историей они засвидетельствовали ценность суверенного развития. Опыт России неопровержимо свидетельствует в пользу созидательного и самобытного развития на основе гуманитарного суверенитета. Так стоит ли сегодня увлекаться неолиберальными теориями, которые могут быть прочитаны в ракурсе деконструкции народного суверенитета?

¹ См.: David Harvey. Краткая история неолиберализма («A Brief History of Neoliberalism», 2005).

² Ohmae K. The Rise of Region State // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. N 2. P. 78.

³ Кеничи Омае. Мышление стратега. М., 2007. С. 14.

⁴ См.: Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. Концепция Ю. Хабермаса формировалась через критический анализ учения Канта, подразумевающего союз народов. Вопреки Канту Ю. Хабермас проектирует не союз, а наднациональное государство народов с единым космополитическим гражданским обществом.

⁵ Конечно, стратегия Ю. Хабермаса относительно евроинтеграции далека от практического воплощения, что, тем не менее, не выступило стимулом для ее пересмотра мыслителем, а послужило указанием с его стороны на неэффективную и непоследовательную работу структур Европейского союза. См.: Habermas J. Ach, Europa. Fr. a. M., 2008; Habermas J. Europa am Scheideweg // Handelsblatt. 17.06.2011. N 116; Habermas J. Der Konstruktionsfehler der Währungsunion // Blätter für deutsche und internationale Politik. 2011. N 5; Habermas J. Zur Verfassung Europas. Ein Essay. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2011.

⁶ См.: Мотрошилова Н. В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой? // Современная Европа. 2008. № 4. С. 19–32.

⁷ Александр Львович Парвус (настоящее имя Израиль Лазаревич Гельфанд; 27 августа 1867, Березино, Минская губерния — 12 декабря 1924, Берлин) — деятель российского и германского социал-демократического движения, теоретик марксизма, публицист. См.: Херш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. 2004.

⁸ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 399.

^{9, 10} Habermas J. Why Europe Needs a Constitution // New Left Review. 2001. N 11.

3.4. РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСТОЯНИЕ

По мнению И. А. Ильина, глубочайшие представления о духовном самостоянии человека утвердились благодаря христианской традиции. Призывая к раскрытию личной духовности, христианство связывало ее с персональным самообладанием и самоуправлением, формированием суверенного духовно-нравственного субъекта. Творческая реализация последнего осуществляется в пространстве нации — этом «большом субъекте», призванном к величию в духовном самостоянии как суверенном развитии. Отметим, для И. Ильина национальное самостояние подразумевает взгляд на нацию как систему самоутверждения и самопомощи. Это означает, что нация развивается при опоре на собственные духовно-творческие силы.

Нация — «большой суверенный субъект», сообщество, обладающее фундаментальным ценностно окрашенным целеполаганием. Утверждение национального суверенитета восходит к идее суверенной личности, образу творца, возвышающегося через обладание даром свободы над миром природы. Нация, будучи носителем суверенитета и независимым субъектом истории, есть сообщество свободных персон, личностное сообщество. Речь идет о личностном сообществе, регулирующем собственную природу через пронизанную культурой свободу.

С позиции И. Ильина, православная традиция призывает к личному ответственному духовному строительству, личному духовному самостоянию наиболее глубоко и полно в сравнении с другими формами христианства. Православие сформировало в русской душе возвышенную этику достоинства, утвердило в ней самую высокую степень представлений о достоинстве персоны.

В сущности, христианская антропология основана на отождествлении личности и достоинства. Человек как образ и подобие Бога призван к актуализации богоподобия, что выделяет человека из Вселенной, наделяет человеческую персону ценностью. Особенно отчетливо это раскрывается в православной традиции, где человеческая личность выступает как преображающее начало Вселенной,

призванное привести ее к Богу. Православный идеал обожения указывает на возвышенное призвание личности, утверждая ее достоинство.

По мнению И. А. Ильина, Россия созидалась духом свободы. Он отмечает, что русскому народу присуще органическое свободолюбие. Именно посредством свободного духовного самостояния Россия обрела себя подлинным субъектом истории. И в этом велика роль русского народа, который усвоил пронизанную свободой православную традицию и реализовал призвание к духовному самостоянию.

Следуя И. А. Ильину, своей многовековой историей Россия доказала способность к государственному самостоянию. Тем не менее политическое самостояние видится ему зиждущимся на национально-культурном стратегическом самостоянии, национально-духовная независимость — опорой независимости государственного бытия.

Русское самостояние, на взгляд И. А. Ильина, выражается в русской культурной самобытности (связанной с раскрытием русской идеи как идеи свободно и предметно созерцающего сердца), выработывании общероссийской светской культуры, созидании гражданской нации, свободном подвиге государственного строительства, формировании России как единого организма, творчески-посредническом, духовно-объединяющем служении России миру.

Русское самостояние выражается в выработывании светской культуры России.

Русская культура несет иоанновский дух. Иоанновский дух стал сродни русскому естеству. Иоанновский дух русской культуры — итог творческого восприятия греческого православия. Посредством творческого усвоения греческого православия дух иоанновского христианства был влит в душу русского народа. Он связан с созерцающей любовью, с влечением личности к нравственному совершенству и стремлением к нравственному преображению всего мира.

Иоанновский дух «незаметно был впитан и инокровными и инославными русскими народами: и русскими лютеранами, и русскими реформаторами, и русскими магометанами, и русскими иудеями так, что они уже нередко чувствуют себя ближе к нам, чем к своим единокровным и единоверным братьям»¹. «И русские реформаторы иные, чем на Западе. Они дышат иоанновским духом православия. И русские лютеране сами знают это о себе; и русские магометане, и иудеи смутно чувствуют это. Дух иной», — писал И. А. Ильин².

Иоанновский творческий акт был утвержден во всех областях светской культуры России, в ее правосознании, правопорядке и государственности, укладе хозяйства.

Русское самостояние связывается И. А. Ильиным и с формированием гражданской нации. Мыслитель определял Россию как «многонародную нацию» и «многонародное братство». Определение России как «многонародной нации» было предложено им в 1920-е годы. В это время он развивает учение о России как «великом народе». В своих трудах И. А. Ильин говорит о «национально-исторической, духовно самобытной и культурно-творческой России», о «единой национальной России». Рассматривая исторически сложившуюся «российскую многонародную нацию», мыслитель, несомненно, выступает теоретиком гражданской нации, соединяющей все народы России.

Гражданская нация рассматривается мыслителем как общенациональное братство, всенациональное сотрудничество народов страны в русской культуре, их соучастие в общей гражданско-политической жизни. И. А. Ильин блестяще описывает процесс российского гражданского нациестроительства: «Славяно-русское племя, прошедшее Россию через все эти испытания, не отгораживалось от замиренных и присоединенных им племен, даже тогда, когда они были совершенно чуждыми ему в расовом отношении, но принимало их постепенно — гражданственно, кровно, культурно и правительственно — в свой состав. Различия не исчезли, но равноправие и душевно-бытовое общение вызвали к жизни духовно-братское единение»³. Анализируя различные исторические формы государств с полиэтничным составом населения, И. А. Ильин видит в России тот случай, когда многонародное единство зиждется «религиозно-культурным преобладанием и успешным политическим водительством численно сильнейшего племени, если оно отличается настоящей уживчивостью и добротой (Россия)»⁴.

Россия воспринималась И. А. Ильиным «единым живым организмом», «организмом природы и духа». На его взгляд, Россию невозможно свести к механической сумме территорий и народно-

стей. Территория страны является неотъемлемой составляющей целостного российского духовного организма. Она видится мыслителю священным достоянием нации, национальным наследием. Она — продолжение и выражение характера российского сообщества. Россия — великий и единый хозяйственный организм. Говоря современным научным языком, Россия есть единая хозяйственная мир-система, где все части связаны друг с другом взаимным хозяйственным обменом. С позиции И. А. Ильина, наша Родина есть единство духовно-культурное, территориально-политическое, хозяйственно-производительное, правовое и государственное, географическое. Россия — живой духовный организм, служащий своей духовностью всем народам мира.

И. А. Ильин считает, что живой организм России, Россия как система духовного единства сформировались под историческим водительством русского народа. Русский народ, проявляя на протяжении тысячелетнего развития братскую терпимость, «оказался естественно ведущим и правящим народом, “культуртрегером”, народом-защитником, а не угнетателем»⁵. В силу этого Россия есть «система духовного единства, созидаемая единым, русско-национальным духовным актом»⁶. Мыслитель проникновенно отмечает: «Этот единый акт есть, по глубине и гибкости своей, национальный акт для всех племен России: все они найдут себе в нем творческий исход и родную стихию»⁷.

Русское самостояние связано и с утверждением мирового значения России. Исторически Россия проводила неуклонную политику миролюбия и человеколюбия, создавая условия для расцвета творческих сил стран и народов, став оплотом вселенского равновесия и мира. Она стала великим и вседоступным культурным простором, творческим посредником между народами и культурами — посредником объединяющим, а не замыкающим и разлучающим. Всемирное служение России связывается И. А. Ильиным со священной традицией мироприятия, имеющей русские православные корни и ставшей неотъемлемой частью общероссийской духовной жизни. Россия способна поделиться со странами и народами «началом духовной очевидности, сердечного видения, зрячей любви, которой им недостает и которая составляет как бы самый воздух, или самую ткань, или самую животворящую энергию России, русского духа и русской культуры»⁸.

Концепция русского национального самостояния И. А. Ильина представляется чрезвычайно актуальной в настоящее время. Она убедительно демонстрирует, что русская нация выступает субъектом сложнейших и возвышенных культуротворческих и миротворческих процессов. Русские предстают как народ, обладающий огромным культуротворческим и миротворческим потенциалом.

Следуя логике И. А. Ильина, русская нация предлагает культурные практики, которые могут быть усвоены многими народами. На наш взгляд, мыслитель убедительно раскрывает цивилизационную проекцию русского самостояния. Русские видятся ему глобальной нацией, обладающей достаточными культурными ресурсами для инспирирования инклюзивного цивилизационного пространства, осуществления универсалистского цивилизационного проекта. Россия предстает общностью, обладающей характеристиками как нации, так и цивилизации. Россия — это многонациональное государство, объединенное в целостную нацию, а также страна-цивилизация, духовное служение которой приобретает всемирное значение.

Концепция И. А. Ильина дает основания для органического соединения идеи нации и идеи цивилизации. Она демонстрирует возможность осмысления российской идентичности одновременно в национальных и цивилизационных категориях. Отечественная история предстает соответствующей идентификационной парадигме, определяемой идеей нации и идеей цивилизации.

Опираясь на мысли И. А. Ильина, можно подвергнуть критическому анализу неолиберальные и постмодернистские подходы, необоснованно утверждающие «неорганичность», «искусственный характер» российской идентичности, которая «воображается по смешанным лекалам». В контексте данных подходов претензии России на выражение цивилизационной идентичности пребывают в непрерывном конфликте с «альтернативной» идеей идентичности национальной. При этом неаргументированно утверждается, что неорганическое переплетение разных оснований идентификации в представлениях о России приводит к конструированию «гибридной» модели национально-цивилизационного сообщества, что якобы отражает «слабость» русского национального самосознания. В действительности же русское национальное самостояние в силу грандиозного

культуротворческого потенциала русского народа связано с созданием многоуровневой, творчески насыщенной, сложной модели идентичности, где национальная идея органически интегрируется с цивилизационной.

- 1 Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 7. С. 401.
- 2 Там же.
- 3 Ильин И. А. За национальную Россию // Слово. 1991. № 4. С. 53.
- 4 Ильин И. А. О государственной форме // О грядущей России: Избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. М., 1993. С. 28.
- 5 Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 433–434.
- 6, 7 Ильин И. А. За национальную Россию. Манифест русского движения // Слово. 1991. № 4. С. 51–55; № 5. С. 82–85; № 6. С. 80–85; № 7. С. 83–85; № 8. С. 79–85.
- 8 Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 7. С. 477.

3.5. УНИВЕРСАЛИЗМ И ЕДИНСТВО РУССКОГО НАРРАТИВА

Мы затронем ряд идей П. Б. Струве, связанных с его пониманием национальной истории. Петр Бернгардович Струве — известный философ, экономист, историк, социолог, публицист, редактор журнала «Русская мысль», участник сборника «Проблемы идеализма» (1902), вдохновитель и участник сборника «Вехи» (1909), инициатор, редактор и участник сборника «Из глубины» (1918). Имя Струве сегодня широко известно в России. На его труды ссылаются ученые, общественные и политические деятели.

Следует П. Б. Струве, русская нация старше русского государства. Национальное объединение Руси предшествовало политическому. Единая русская нация сформировалась под мощным воздействием высококультурной и цивилизованной Византии. Выделение же в национальноединой Руси трех ветвей обусловлено не «исконными» племенными особенностями, а внешними политическими факторами — усилением Литовского и Польского государств.

Отечественный опыт государственного и национального строительства П. Б. Струве рассматривает как состоявшийся. Исторически Россия благополучно осуществила проект образования национального государства, создания гражданской нации, а также строительства большого многонационального и поликонфессионального государства. Русская культура, как и греческая эпохи эллинизма, имеет для мыслителя мировое значение. Развивая идеи П. Б. Струве, можно сказать, что она объединила большое цивилизационное пространство.

Концепция мыслителя опровергает целый ряд неолиберальных и постмодернистских представлений, которые бездоказательно «продвигаются» в ходе информационных войн против нашей страны. Речь идет об отождествлении русских с «варварами», удерживающими огромные пространства исключительно силой, «варварами», находящимися на доцивилизационной, донациональной, архаически-племенной стадии развития. Таким «варварам» еще предстоит сформировать благополучные нации и приобщиться к достижениям цивилизации. «Благом» для них станет отказ от собственного «завоевательного государства», выступающего «помехой» на пути вступления в современный мир. Конечно, такое «вступление» должно произойти под бдительным руководством «цивилизированных» народов.

Очень важно отметить, что в настоящее время творческое наследие П. Б. Струве искаженно трактуется рядом экспертов. Данная ситуация обусловлена как недостаточной изученностью творчества мыслителя, так и незаконным желанием монополизировать образ выдающегося интеллектуала, объявив его предшественником идеологических конструкций, к которым он не имел ни малейшего отношения.

Так, некоторые эксперты необоснованно зачисляют П. Б. Струве в предтечи неолиберальной космополитической модели гражданской нации — произвольно выделяемой абстрактной, формально-правовой общности, не связанной историческим и культурным единством. С позиции же П. Б. Струве, нация — это живущие в душе духовные притяжения и отталкивания, выработанные в ходе историко-культурного развития народа. Мыслитель считал, что народы России сплотились в гражданскую нацию вокруг ценностного мира русской культуры. Свое видение гражданской нации он подчеркнул противопоставляя теориям, обезличивающим русских в российской много-

национальности, обесцвечивающим русский народ, лишаящим его своеобразного лица в некой оторванной от истории и абстрактно конструируемой российской общности.

Совершенно произвольно ряд других экспертов видят в П. Б. Струве предшественника идеологии образования нескольких независимых русских демократических республик, призванных сменить «неэффективную» большую российскую государственность. Вопреки подобным воззрениям мыслитель усматривал своеобразие российского исторического пути в органическом сочетании создания страны как русской России и как великой многонациональной державы. Иными словами, русская нация творчески формирует общероссийский цивилизационный нарратив, сохраняя свою субъектность.

Концепция отечественной истории П. Б. Струве актуальна в связи с высказыванием в российской общественно-политической среде неаргументированных мнений о расколе русской истории на новгородскую (якобы аутентично-русскую, европейскую) и московскую — «авторитарную», «азиатскую», державно-византийскую, бездоказательно объявленную связанной с угнетением русского народа. Обозначенные исторические воззрения представляют собой постмодернистскую деконструкцию отечественного историко-культурного пути. От такой деконструкции совсем недалеко до разрушительного призыва «освободить» русский народ от «тяжкого бремени» российского исторического государства.

С точки зрения П. Б. Струве, первая Русская империя — Новгородское государство. Говорит он о Новгородском государстве как национально-русской империи, конечно, не в юридическом, а в историко-социологическом значении — в смысле объединенного русскими многонационального пространства. Новгородское государство формировалось путем расширения города-государства в многонациональное государство-империю. Это была субарктическая, полярная держава с устойчивым вектором расширения — на север и северо-восток. Она никогда не была частью западной культурной стихии, культурно принадлежала к Восточной Руси, творчески воспринявшей византийские ценности. Московское государство (которое было Русской империей также в историко-социологическом смысле) и затем Российская империя — преемники и продолжатели Новгорода. Москва старалась довести до логического конца новгородское территориальное расширение. При этом она опиралась на новгородские традиции торговой культуры, развития промышленности. Новгородская ушкуйническая стихия преобразилась в казачью силу. Продвижение России на север и северо-восток, освоение Сибири — развертывание новгородского психического и экономического стиля. У П. Б. Струве речь идет о творческом развитии новгородского культурного наследия русским государством. Говоря современным языком, мыслитель аргументированно обосновывает историческое единство русского национального нарратива (выступающего в то же время нарративом цивилизационного масштаба).

В настоящее время ведущие мировые державы, а также международные организации (НАТО, ЕС) проявляют большой интерес к Арктике. Регион обладает серьезным военно-стратегическим значением, концентрирует колоссальные природные ресурсы, имеет все основания стать важным транспортным коридором XXI века. В силу своего очевидного геополитического статуса Арктика превращается в предмет соперничества. Вокруг арктической темы разворачивается информационная война.

Российская арктическая стратегия может быть основательно продумана в ключе гуманитарного знания с учетом анализа истории П. Б. Струве. Развитие Новгородского государства, интенсивно осваивавшего северные территории, очевидное наследование новгородского дела Москвой позволяет рассмотреть арктическое пространство в качестве законной сферы российских интересов. Мирное освоение севера и северо-востока — исторически сложившийся фундаментальный принцип развития Российской цивилизации. Северное пространство должно быть осмыслено как территория, издревле осваиваемая русскими совместно с другими народами нашей страны.

Концепция П. Б. Струве важна в связи с утверждением единства новгородской и московской линий национальной истории. Опираясь на его анализ историко-культурного пути России, северное пространство должно быть осмыслено как территория, издревле осваиваемая народами нашей Родины. Мыслитель верно указывает на то, что Россия во многом повторяет в своем бытии культурные процессы эллинистического мира. Русский язык справедливо уподобляется им койне.

Опираясь на творчество П. Б. Струве, русскую культуру важно увидеть как характеризующуюся чертами универсализма. Русская культура, как и греческая, предстает склонной к универсализму. Это культура, тяготеющая к глобальным синтезам. Язык русской культуры претворил цивилизационное пространство в органическое целое. Русская культура стала общей для российского цивилизационного мира. Русский национальный нарратив в истории раскрывает себя как нарратив цивилизационный. При этом его характеризует историческое единство.

3.6. РУССКИЕ КАК НЕПРЕРЫВНАЯ НАЦИЯ

В последнее время в России среди некоторых представителей патриотически ориентированного экспертного сообщества наблюдается мода на модернистские теории нации. Они усваиваются некритически, как нечто само собой разумеющееся. В модернистских подходах зачастую видится современная и хорошо продуманная альтернатива постмодернистской деконструкции наций. Тем не менее нельзя забывать, что именно модернистские идеи во многом дали импульс постмодернистским подходам. Иными словами, от модернистского видения нации не так далеко до ее постмодернистского «разоблачения», выявления фиктивных основ.

Поясним высказанный тезис через анализ взглядов Эрика Джона Эрнеста Хобсбаума (1917—2012). Речь идет об известном британском историке Европы, а также довольно противоречивом теоретике возникновения и развития наций. Взгляды Хобсбаума (выраженные им в работах «Изобретение Традиции», 1983; «Нации и национализм», 1990 и др.) отражают модернистское понимание нации и переходят в постмодернистский подход. По мнению ученого, нации — умышленно спроектированные в Новое и Новейшее время социальные конструкции. Они — ультрасовременная сконструированная реальность. В нациях Эрик Хобсбаум видит недавнее историческое нововведение, результат умышленной и инновационной социальной инженерии, имеющие условный характер социальные конструкции.

Эрик Хобсбаум рассматривает национальные традиции как изобретенные. Конструирование национальных традиций осуществляется в эру модерна. Утверждение древних истоков наций, их глубинной связи с прошлым, исторической преемственности развития, естественного характера возникновения есть важная составляющая конструирования наций, которое носит искусственный характер. С позиции Эрика Хобсбаума, досовременные донациональные народные связи отнюдь не вели к появлению современных наций. Они не имели собственно национального продолжения. В домодерную эпоху не только не было наций, но и не закладывались основания для их последующего возникновения.

Эрик Хобсбаум считает, что за национальными нарративами стоят страты, извлекающие выгоду из этих нарративов. Другими словами, нации конструируют элиты, которые манипулируют массами в собственных интересах. Именно элиты, а отнюдь не массы есть подлинный субъект строительства наций. В таком случае нации видятся умышленным продуктом социальных инженеров, конструкцией элит, организующих пассивные массы. Возникновение наций — итог манипуляции элит инертными массами в эру модерна.

Отметим ограниченные объяснительные возможности модернистского подхода Эрика Хобсбаума. Социальный конструктивизм как базовый объяснительный принцип оказывается достаточно слабым. Он не в состоянии разьяснить вовлечение масс в процесс созидания наций. Остается непонятным, почему массы идут за элитами и отчего элиты охватывает именно национальная идея? Невьясненными остаются причины успеха процесса нациестроительства.

От модернистских теорий Эрик Хобсбаум закономерно переходит к постмодернистским. На его взгляд, нациям как основным социальным и политическим силам в мире предстоит потерять свое значение. Вектор мирового развития неуклонно движется в сторону упадка их роли. В настоящее время супранационального преобразования мира нации утратят ту фундаментальную роль в мировом развитии, которую они имели в XIX—XX веках. Здесь модернистские подходы влекут за собой постмодернистские. Если нации суть внезапно появившиеся «временные исторические силы», то они могут довольно быстро потерять значение и совершенно исчезнуть. Имеющий условный ха-

рактический, сконструированный элитами во имя их интересов национальный текст эпохи Нового времени имеет все шансы утратить смысл и оборваться вместе с эпохой.

Важно отметить, что Эрик Хобсбаум не просто теоретик возникновения и развития наций, но и основательный историк. Будучи глубоким и серьезным историком, он не готов игнорировать факты, вносящие диссонанс в его теоретические конструкции. Теория нации Эрика Хобсбаума оказывается несостоятельной при анализе русского историко-культурного пути. Он сам вынужден отметить, что формирование русской нации не вписывается в предлагаемые им модернистские теоретические конструкции.

Всесторонне анализируя идею Святой Руси, Эрик Хобсбаум устанавливает ее глубокое влияние на формирование русского народа. Падение Константинополя превратило Российское государство в единственную в мире православную страну, наделило Москву миссией Третьего Рима. Пространство России было осознано Святой землей, имеющей исключительную роль в деле спасения всего человечества.

Идея Святой Руси является итогом народного творчества. Это народная идея. Она не есть умышленное изобретение государственно настроенных элит. С позиции Эрика Хобсбаума, идея Святой Руси тотально охватывает страну в период Смутного времени — период кризиса политической элиты России.

Святая Русь теснейшим образом связана с конкретным церковным организмом и государством. Она воспринимается в неразрывной связи с Русской Церковью и Российским государством. Принадлежность к русскому народу означает глубинную связь с освященной Богом территорией, участие в бытии Русской Православной Церкви, участие в жизни Российского государства.

Эрик Хобсбаум вынужден признать, что уже в досовременную эпоху русские были носителями развитых религиозных, культурных, государственных связей. Он не только готов констатировать наличие в досовременной русской истории оснований для строительства современной нации, что явно идет вразрез с его модернистской теорией, радикальным образом обрывающей связи досовременных эпох и современности, отрицающей преемственность между ними. Эрик Хобсбаум склоняется к тому, чтобы рассмотреть русский народ уже в досовременную эпоху как современную нацию.

Действительно, если следовать беспристрастному анализу истории, то придется увидеть в эпоху Средневековья в жизни русского народа измерения бытия современной нации: культурные, гражданские, политические, этнолингвистические и другие. Русский народ издавна воплощал крепкие культурные узы, принадлежал к устойчивому политическому сообществу, наделял территорию проживания глубочайшими духовными смыслами. А ведь если следовать модернистским теориям, именно культурное единство, соединенное с прочной привязанностью к территориально-политическому образованию, — характерная черта современных наций.

Итак, у Эрика Хобсбаума объективный анализ истории разрушает его же собственные теоретические схемы. Вопреки модернистским теориям он указывает на наличие у русского народа протонациональных связей, послуживших основой для образования современной нации. Но он не останавливается на этом и обосновывает возможность интерпретации досовременной русской истории как национальной. Кроме того, оказывается, что русская нация отнюдь не была сконструирована элитами. Говоря словами Эрика Хобсбаума, она не была «спущена сверху». Ее формирование — итог солидарного народного творчества, народного служения духовным ценностям.

Безусловно, русские — исторически непрерывная нация. Преемственность развития русской нации прослеживается сквозь столетия. Очевиден и солидарно-творческий, народно-объединительный характер ее сложения. Указанные характеристики явно не дают возможности «разьяснить» исторический путь русской нации через модернистские схемы.

3.7. РУССКИЕ КАК МИРОСТРОИТЕЛЬНАЯ НАЦИЯ

В настоящее время отечественному читателю стали доступны работы американской исследовательницы проблем возникновения и развития наций Л. Гринфельд. Л. Гринфельд — сторонница

становящейся модной ныне в России модернистской теории наций. В своей работе «Национализм. Пять путей к современности» она затрагивает вопросы формирования русской нации, освещая их в контексте модернистской парадигмы. Вызывает большое сожаление, что автор книги явно не озабочена соответствием собственных теоретических схем историческим фактам. Факты в книге живут отдельной жизнью от обобщений. Что же касается обобщений, то они нередко противоречат друг другу. Достаточно анализа всего лишь нескольких абзацев для демонстрации противоречивости модернистской интерпретации национальной истории Л. Гринфельд.

Образ русской нации в работе Л. Гринфельд раздваивается. Точнее, речь идет о двух русских нациях, что, впрочем, мало смущает исследовательницу. Один ее образ создается исходя из принципов модернистской теории. Мы узнаем, что русская нация складывалась в эпоху Просвещения и была сконструирована элитами. Она формировалась как реакция элиты на цивилизационную мощь современного Запада, которой в сущности нечего было противопоставить. Ее появление было итогом экзистенциальной зависти Западу. Ее развитие предполагает следование за Западом в современность без преодоления российских архаизмов социально-политической жизни, непрерывные, но неудачные попытки догнать и перегнать Запад.

Второй образ русской нации проступает в книге спонтанно и явно противоречит модернистским подходам. В данном случае возникновение русской нации есть результат общечеловеческих экзистенциальных духовных поисков. Она формировалась под мощнейшим влиянием религиозного фактора (православие), который отнюдь не утратил свое значение в эру современности. Данный образ русской нации был глубоко осмыслен западниками и славянофилами. Для последних Россия сохраняла ради всего мира православие как изначальное христианство. Русский народ виделся выразителем самой сущности человечества. Русская нация — это нация всеобщая, миростроительная, несущая спасение для всего мира, открытая для приобщения, соучастия в своем бытии, стремящаяся внести гармонию в раздираемое враждой человечество. Русская нация подняла факел одухотворенной человечности во имя всех народов. Славянофильство и западничество рассматриваются Л. Гринфельд как единое течение отечественной общественной жизни, объединенное духом Святой России. Оба движения связывали русскую идентичность с идеей космического братства, видели русскую нацию как миростроительную. Особенно важно отметить, что, на взгляд Л. Гринфельд, западники тем или иным образом находились под влиянием видения России как Третьего Рима.

Первый образ русской нации — явный плод модернистских фантазий. Его вымышленный характер может быть просто доказан чтением работы самой же Л. Гринфельд. Так, выдвигая тезис о формировании русской нации в эру Просвещения по западным лекалам, которым нечего было противопоставить, и через разрыв с предшествующей историей, Л. Гринфельд приводит прямо противоречащую ему фактическую базу. Какими мотивами и идеями руководствовались творцы русского национального сознания эры Просвещения? Восхваляемая Л. Гринфельд Екатерина Великая обосновывала свое правление преодолением угрозы замены православной веры иностранным вероучением. В. К. Тредиаковский — первый, кто воспел Россию как нацию. Что же восхищает его в России? Прежде всего православие ее народа («Твои все люди суть православны; и храбростию повсюду славны»¹). Л. Гринфельд считает, что наиболее выразительный образ русской души создан деятелем Русского Просвещения Н. А. Львовым. Приводимая в книге цитата из его литературного наследия ясно связывает русскую идентичность с православием («А у нас, православных, работа горит в руках. Наша речь подобна грому, так что искры летят и пыль взвивается столбами»²). Рассматриваемый Л. Гринфельд М. М. Щербатов связывал суть дворянского служения с защитой православной веры. Анализ истории XVIII века Л. Гринфельд демонстрирует, что русские воспринимали себя хранителями православной духовности, видели в православии фундаментальное основание национальной идентичности. Но тоже можно сказать и о предшествующих исторических периодах. Если же развитие русской нации было непрерывным, что подтверждается фактами, то нет никакой необходимости обращаться к модернистским схемам, разрывающим связь времен.

В сущности, приводимые Л. Гринфельд факты требуют признания существенного влияния православия на сложение и развитие русской нации. Конечно, при всем том можно игнорировать

роль православия в развитии русской нации XVIII века, но не справедливее ли пересмотреть саму модернистскую теорию? Последняя констатирует радикальный разрыв эры модерна с предшествующими эпохами. Как же получается, что и в досовременную эпоху, и в эру модерна русские определяют себя через тождественные ценности? Концепция принципиального разрыва двух эр в жизни русского народа оказывается логически несостоятельной.

Тезис Л. Гринфельд о формировании русской нации через кровь и почву явно противоречит ее же интерпретации русской нации как спасающей, всеобщей и миростроительной в западничестве и славянофильстве, то есть в русской общественной мысли, «конструирующей» нацию. Если русские элиты «конструировали» нацию как всеобщую, объединяющую и спасающую для всего мира, то каким образом принадлежность к ней могла определяться через первобытные инстинкты крови и почвы? Об универсальной миссии русской нации не могло бы быть и речи, если бы приобщение к ней определялось исключительно через социальные архаизмы.

Тезис Л. Гринфельд о всецелом конструировании русской нации элитами также опровергается ею самой. Она непрерывно утверждает, что элиты идеализировали народ. Но ведь, следуя модернистской теории Л. Гринфельд, ведущая мотивация элит — тщеславие. Получается, что элиты, созидая нацию, с легкостью преодолевали собственную базовую мотивацию, руководствуясь альтруизмом и самопожертвованием.

Противоречивая ситуация складывается и с модернистским тезисом, следуя которому нации возникли как реакция на несправедливое сословное общество, попирающее достоинство человека. Имеется в виду, что однородное национальное пространство Нового времени превращало массы в общности персон, ощущающих личное достоинство. Но если русская нация формировалась до Нового времени как спасающая и миростроительная под влиянием православия, то соучастники ее бытия становились общностью, ощущающей высокое духовное достоинство. Таким образом, представление о достоинстве человека, не зависящем от социальных страт, утверждались в России задолго до Нового времени.

Важно отметить и другое. Л. Гринфельд не замечает, что ее метод объяснения формирования наций через устремление интеллектуалов к власти, ее принцип истолкования национальных историй через зависть к другим народам, комплекс неполноценности может быть применен к ее же творчеству. Зададимся рядом вопросов. Почему Л. Гринфельд так надо доказать, что русский национальный проект имеет недавнее происхождение? Ведь даже такие столпы модернистских теорий, как Э. Хобсбаум склонны видеть в развитии русской нации исключение из модернистских моделей, указывая на древность национальной истории. Несомненно, русские как миростроительная нация сформулировали большой цивилизационный проект, опирающийся на возвышенные духовные смыслы, ставший притягательным для многих народов и успешно реализовавшийся в течение длительного времени. Не вызывает ли этот проект экзистенциальную зависть у политически ангажированных представителей молодой нации — нации, не имеющей длительной истории? Не идет ли речь о зависти к истории и традиции? Может быть, именно поэтому так важно свести русский проект к небольшому отрезку времени, представить его неукорененным в истории. Не выступает ли русский проект, обладающий глобальным цивилизационным смыслом, как конкурирующий?

Можно поставить вопрос и более широко: почему именно интеллектуалы одной молодой амбициозной нации так склонны к неустанной пропаганде модернистских и постмодернистских теорий, видящих в нации недавнее изобретение или же обосновывающих ее фиктивную основу? Не продиктовано ли это комплексом неполноценности интеллектуалов, стремящихся к управлению миром и в тоже время не видящих достаточных историко-культурных и духовных оснований для этого управления в истории своего народа? Похоже, что им просто выгодно объявить исторические нации недавним и преходящим явлением. Подобный ход камуфлирует подавление конкурентов в борьбе за власть. Об интеллектуалах какой нации идет речь? Предоставим подумать об этом самому читателю.

¹ Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М., 2012. С. 230.

² Там же. С. 247.

3.8. РУССКИЕ КАК ТВОРЧЕСКАЯ НАЦИЯ

Обратимся к творческому наследию Питирима Сорокина. В своих воззрениях на нацию мыслитель проделал сложную эволюцию. В ранний период творчества он отстаивал позиции, близкие конструктивизму и релятивизму, что в той или иной степени было обусловлено влиянием леворадикальных идеологий. Читая ранние высказывания Питирима Сорокина, сложно отделаться от впечатления, что речь идет о постмодернистских взглядах на нацию. «Вывод гласит: национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела»¹. На его взгляд, единство языка, религии и культуры — слишком шаткие основания для придания нации онтологического статуса. Не может быть нация онтологизирована и через сопричастность политическому телу. Из размышлений Питирима Сорокина мы узнаем, что национальный вопрос «составляют одну из глав общего учения о правовом неравенстве членов одного и того же государства»². Оказывается, «нет национальных проблем и национального неравенства, а есть общая проблема неравенства, выступающая в различных видах и производимая различным сочетанием общих социальных факторов, среди которых нельзя отыскать специально национального фактора...»³. Данный тезис напоминает постмодернистские постулаты и некоторые модернистские теории, рассматривающие дискурс нации как производный от воли к власти. В таком понимании национальные фикции производимы социальными контекстами, существующими исходя из принципа «господство — подчинение». Крайне важно отметить, что будущее Европы видится Питириму Сорокину в ракурсе интернациональной сверхгосударственной федерации, конструируемой на базе равенства прав, что очень напоминает идеи современных неолиберальных и постмодернистских идеологов.

Указанная позиция характерна для раннего творчества Питирима Сорокина. Она отчетливо прозвучала в 1917 году в его работе «Проблемы социального равенства». Тем не менее надо отметить, что уже в этот период отечественный социолог развивал ряд тезисов (например, о национальности как сложном социальном теле), которые противоречили его же релятивизму и были воспроизведены позднее. Это не позволяет однозначно причислить воззрения Питирима Сорокина к релятивистским подходам.

Зрелый Сорокин, будучи одним из светил социологической мысли, отказывается от релятивистских теорий нации. В 1967 году в статье «Существенные характеристики русской нации в XX веке» (The Essential Characteristics of the Russian Nation in the Twentieth Century), написанной для американского издания «The Annals of the American Academy of Political and Social Science» (1967. Mar. Vol. 370. P. 99—115), он дает собственное определение нации. «Нация является многосвязанной, многофункциональной, солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере, отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые, во-первых, являются гражданами одного государства; во-вторых, имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников; в-третьих, занимают общую территорию, на которой живут они и жили их предки», — утверждает мыслитель⁴. Отныне в нации он видит сложную единую социокультурную систему, многосвязный социальный организм, своеобразную многосвязную социальную группу. Им также разрабатывается теория исторического формирования коллективных общностей посредством символического взаимодействия, символизации, осуществляющих связывающую роль символических проводников межличностной коммуникации.

В статье «Существенные характеристики русской нации в XX веке» Питирим Сорокин указывает на огромную роль наций в историческом процессе. На его взгляд, нации играют важную историческую роль в XIX и XX столетиях.

Какова же причина трансформации взглядов Питирима Сорокина? Ее верно определил современный исследователь его творчества А. Г. Здравомыслов⁵. Именно события Второй мировой войны, трактуемые Питиримом Сорокиным в значении войны национально-освободительной, привели к пересмотру его ранних взглядов. Отныне он признает исключительное значение наций в хо-

де развития человеческой истории. Несомненно, события Второй мировой войны способствовали осмыслению отечественным социологом русского историко-культурного пути, глубокому анализу существенных черт русской нации.

Рассматривая основные черты русской нации в прошлых и нынешних столетиях, П. Сорокин отмечает «ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни»⁶. «С момента своего возникновения в девятом веке нашей эры русская нация существует уже тысячу лет... Несмотря на многие великие испытания... русская нация сумела не только сохранить свою целостность и суверенность, но и смогла, со временными отступлениями и потерями, развиваться от маленькой группы в период Киевской Руси в огромную территориальную, демографическую, политическую, экономическую, социальную и культурную империю», — считает он⁷. И далее: «Русская нация смогла защитить себя, свою независимость, свободу и другие великие ценности от постоянных попыток захватить ее территорию...»⁸.

К существенным чертам русской нации П. Сорокин относит энергию, упорство, изобретательность в социально-политической жизни и сфере культурного творчества. Русская нация предстает нацией, обладающей выдающимися творческими способностями. Она способна в короткие периоды наверстывать упущенное, создавать адекватный историческим вызовам политический режим, творчески преобразовывать социальную жизнь и совершенствовать культурное развитие.

Итак, русские — историческая нация, обладающая длительной историей. Это нация, которая дорожит своими свободой и достоинством, отстаивала и готова отстаивать свои целостность и суверенитет. Это творческая нация, благополучно раскрывающая в историческом процессе свои созидательные дарования.

Систему ценностей русской нации П. А. Сорокин характеризует исходя из собственной теории культурных суперсистем. Как известно, мыслитель выделял три их типа: идеациональный, идеалистический и чувственный. В исторической жизни русской нации, на его взгляд, отчетливо преобладала идеациональная культурная суперсистема. Русские — творцы великой идеациональной культуры. Русская нация творчески продолжила идеациональные культурные традиции Византии. В идеациональной системе культуры «господствующие нравы и обычаи, образ жизни, мышления поддерживали свое единство с Богом как единственную и высшую цель...»⁹. Идеациональная культура религиозна по своей сути. Высшая идеациональная истина есть истина веры, дающая адекватное знание о подлинно реальных ценностях. Идеациональные нравственные ценности зиждутся на единении со сверхчувственным.

Почему так важно обращение к наследию Питирима Сорокина в наши дни?

В настоящее время широко тиражируются специфические постмодернистские и модернистские подходы к нации. Следуя им, пора преобладания идеала национального единства — 1789—1945 годы. Нации — явления эпохи европейской современности, с исчезновением которой утратит смысл и миф о национальном братстве. 1789—1945 годы — некий недлительный аберрантный этап истории наций, период-мираж. Следуя же Питириму Сорокину, нации эры современности восходят к глубинным историческим солидарным узам. Нации социологически реальны. Национальные нарративы остаются и будут масштабными нарративами. Нет оснований приписывать им фиктивный характер, видеть их податливыми социальными конструкциями, обусловленными властными отношениями и обреченными на распад.

Принципиально значима концепция Второй мировой войны отечественного социолога. Она предстает альтернативой неолиберальным и постмодернистским подходам. В контексте последних катастрофические события Второй мировой войны во многом являются итогом истории наций как истории роста «патологии власти», развития обреченных на фашизоидность национальных субъектов. Мировая война — не просто демонстрация «издержек» национального единства. Она обнажила сущностные корни национальной мифологии, судьба которой — породить нацистское варварство. «Из опыта военной и духовной мобилизации друг против друга эти нации после Второй мировой войны сделали вывод о необходимости развивать новые наднациональные формы

сотрудничества. Успешная история Евросоюза укрепила европейцев в убеждении, что отказ от осуществления государственного насилия требует и на глобальном уровне взаимного сокращения пространства для суверенных действий»¹⁰. С постмодернистских и неолиберальных позиций европейцам целесообразно преодолеть суверенитет и сущностные черты национальной ментальности в пользу наднациональных сообществ. В связи с чем допустимо использование по отношению к национальному сознанию деконструктивистских техник.

Питирим Сорокин отстаивает классическое видение исторического. Его историзм — фундированный презумпцией творческого присутствия больших национальных субъектов в историческом процессе. При всей катастрофичности периода Второй мировой войны П. Сорокин прослеживает линии преемственности национального развития. Исходя из видения непрерывности исторического процесса послевоенный период трактуется им в ракурсе продолжения развертывания творческих возможностей национальной мощи.

Для Питирима Сорокина Вторая мировая война — победа народов СССР под руководством русской нации над фашизмом. Подвижническое отстаивание русскими своего суверенитета в ходе Второй мировой войны — всемирно-историческая демонстрация духовной силы и творческой жизнеспособности национального начала. Послевоенная история отнюдь не сводится к обнаружению неких «пределов» национального развития. Это эпоха усиления исторической роли русской нации и народов Советского Союза, а также нации американской. Если следовать логике мыслителя, то будущее отнюдь не приведет к триумфу отказа от этнонациональных нарративов — торжеству т. н. «постмодернистского империализма». Вопреки неолиберализму экономическая глобализация не сделает «процедуру экспансии» этнонациональных нарративов невозможной. Преобладание принципа единства в многообразии, усиление всех форм человеческой кооперации автоматически не обернется растворением национально-своеобразного как «излишне антропоцентристского» в больших структурах мировых рынков и международных социально-политических институтов.

Тезис Питирима Сорокина о сравнительно длительном существовании и исторической жизнеспособности русской нации чрезвычайно важен в связи с бездоказательными модернистскими и постмодернистскими заявлениями о ее недавней организации и неисторичности. Концепция русской нации как творческой, несомненно, обладает значением в связи с неолиберальными заявлениями о ее «неэффективности» и постмодернистскими ожиданиями ее «смерти в деконструкции». Тезис о преобладании идеациональных начал в духовной истории позволяет увидеть русский нарратив грандиозной метанарративной, вдохновляющей человечество великими духовными смыслами.

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 248.

² Там же. С. 249.

³ Там же. С. 250.

⁴ О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 466.

⁵ Здравомыслов А. Г. Питирим Сорокин и национальный вопрос / Возвращение Питирима Сорокина: Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения Питирима Александровича Сорокина / Под ред. Ю. В. Яковца. М.: Московский общественный научный фонд; МФК, 2000. С. 213–219.

⁶ О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 472.

⁷ Там же. С. 473.

⁸ Там же. С. 475.

⁹ Сорокин П. Социодинамика культуры // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1902. С. 430.

¹⁰ Derrida J., Habermas J. Unsere Erneuerung // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2003. May 31.

3.9. РУССКИЕ КАК ТРАДИЦИОННАЯ НАЦИЯ

Известный норвежский историк Ивэр Нойманн обоснованно утверждает, что поскольку Европа воспринимала и воспринимает себя христианским миром, постольку русская тема обладает чрезвычайной важностью¹. Она становится ключевой для формирования представлений о европейском универсуме. Действительно, если Европа видится домом христианских народов, то роль русских оказывается существенной в его созидании. Русские выступили инициаторами построения

грандиозного государства, которое определяет духовно-исторические границы европейского мира. Посредством России европейский дом обретает целостность и завершенность.

Опираясь на исследования Михаэля Хорбсмайера, приходится констатировать, что Россия стала вызовом для западноевропейской космологии эпохи Возрождения². В XVI веке Запад заново «открывает» русских. Вернее все же говорить об «открытии» России интеллектуалами западного Ренессанса. Так, у Рабле русские становятся неверующими дикарями. Он ставит в один ряд «московитов, индейцев, персов и троглодитов».

Сигизмунд Герберштейн в своем трактате «Записки о Московии» видит в русских варваров. Между тем работа над указанным трактатом сопровождалась консультациями гуманистов Австрии, Германии и Фландрии. Последние взяли на себя миссию совершенствования труда Герберштейна, участвуя в редактировании чернового варианта «Записок». Ренессансная космология XVI столетия достаточно неожиданно начинает сомневаться в европейском характере России, ее цивилизованности. Жизнь в России начинает описываться точно так же, как некогда описывалась жизнь в Турции. Образ русских неожиданно трансформируется в образ необразованных варваров-азиатов. Россия все более трактуется как неевропейское пространство, должное стать объектом цивилизаторских усилий. Вызывает недоумение западная идеологическая пропаганда времен Ливонской войны, выдающая в русских «варваров у ворот».

Ивэр Нойманн верно утверждает, что в XVI веке усиление контактов России с Западом отнюдь не воспринималось в системе координат Великих географических открытий. Россия была известным миром. Тем более удивляет прямо-таки революционное изменение ее образа в глазах интеллектуалов западного Возрождения. Как из оплота христианского мира, важной части европейского дома Россия стала превращаться в азиатскую, лишенную цивилизации варварскую деспотию?

Общеизвестно, Восточная Европа в отличие от Западной не знала Ренессанса. Россия в XVI веке укрепила в воззрении на себя как оплот традиционных христианских ценностей во всем мире. Она воспринимала себя Третьим Римом. Русское национальное самосознание формировалось в неразрывной связи с отстаиванием значения традиционных ценностей и образов жизни. Другие народы русские лицеизредли неповторимыми носителями божественных замыслов, призванными к свободно-творческому раскрытию их в истории.

Говоря современным языком, в России утвердилось надконтекстуальное и эссенциалистское видение истории народов. Это означает, что смысл их исторического бытия не может быть сведен к социальным контекстам. Он не есть продукт искусственного субъективного конструирования, но обладает глубинным содержанием, восходящим к фундаментальным духовным ценностям и смыслам.

Западный Ренессанс ознаменовался упадком традиционной духовности. Образ Европы как христианского мира начинает оспариваться интеллектуалами эпохи Возрождения. Ими предлагается новое видение принципов формирования коллективной идентичности — через абстрагирование от традиционно понимаемых социальных уз. Идея конструируемой Европы заслоняет представление о традиционной Европе, Европе ценностей, что отражает попытки перестройки европейского «Я». Деятели Ренессанса открывают для себя возможности экспериментирования с идентичностью, конструктивистские подходы к ней, что увязывается с радикальным оппонированием традиционным идентичностям как архаическим и несовременным. Довольно быстро обозначается ограниченность конструктивизма, отсутствие прочного фундамента для образования новой идентичности Европы. Такая идентичность дается в виде туманных перспектив, а отнюдь не в виде очевидной истины, превращая Европу в мир с неопределенной судьбой.

В своей позитивно-содержательной составляющей она предстает как крайне нестабильный нарратив. Ее характеризует движение от одной проектной формы к другой. Она пребывает в пути. И нередко этот путь означает движение от утопии к утопии. Подобная номадическая идентичность обретает себя не в утверждении положительных содержательных принципов, а в абсолютизации отрицательных. Она начинает конструироваться путем негативных дискурсов. При этом последние воспроизводят самые архаичные стереотипы и предрассудки. Содержательные основания идентичности утонченно подменяются третированием и нивелированием традиционных ценностей и форм жизни, примитивной фетишизацией собственного эго. Тем самым делаются попытки

прикрыть смысловую пустоту номадических авантюр. Приходится признать, что негативные дискурсы со временем приобретают гегемонистские формы, обнаруживая тяготение к ассимиляции, подавлению и разрушению различных социальных сценариев.

Русские оспариваются как цивилизованная и культурная нация в XVI веке, когда Европа оспаривается как христианский мир. Действительно, если европейская идентичность конструируется как соперничающая с традиционной, то Россия предстает как вызов. Номадическая идентичность оказывается в проигрыше. Русские рассказывают историю европейских народов как историю над-контекстуальных «Я». Они связывают историю с традиционными нарративами. Сама русская нация предстает как традиционная — сформированная под влиянием традиционной духовности, осознанно отстаивающая ее принципы.

Однако интеллектуалы Ренессанса прочитывают во всем этом лишь конкурирующий нарратив, что дает импульс формированию идеологической машины, производящей русофобские мифы. Последние призваны камуфлировать несостоятельность номадических странствий в поисках содержательной идентичности.

Русские подвергаются тотальной критике в XVI веке со стороны интеллектуалов Возрождения. Обвинение в нецивилизованности — возмездие за эссенциализацию представлений о человеческих сообществах, отстаивание питающих идентичность традиционных нарративов. Репрезентация альтернативной истории русских как варваров — маскировка неудач экспериментирования с европейской идентичностью. Новое «открытие» русских в XVI веке — их «наказание» за отстаивание традиционных ценностей и стилей жизни. Упорное нежелание русских связать свою судьбу с «дивным новым миром» номадической идентичности, оппонирование ее различным версиям делают их оплотом традиционной духовности. Так было в XVI веке. Но, похоже, XVI век продолжается сегодня.

¹ Нойманн И. Б. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

² Harbsmeier M. Early Travels to Europe: Some Remarks on the Magic of Writing // Europe and Its Others / Ed. By Francis Barker et al. Colchester: University of Essex, 1985.

3.10. РУССКИЕ КАК ЦЕЛОСТНАЯ НАЦИЯ

Русский славянофил Аксаков когда-то верно рассматривал нацию как психофизическое целое, включающее внешнюю форму (государство, учреждения, территория) и внутреннее содержание (культура, традиции). На его взгляд, нация целостно проявляется при согласованном сочетании институционального оформления и духовного содержания. Их гармоничное соединение и придает национальному бытию целостность. Само по себе институциональное оформление без развитой духовной культуры, как и развитие культуры вне институционального оформления, не делает нацию целостной.

Действительно, целостная нация представляет собой как культурную, так и институциональную величину. Она объективируется как в культурных ценностях, так и в институтах. Целостная нация стремится к исчерпывающей объективации как в мире культуры, так и в социальной сфере. Она устремлена к соединению в своем бытии «Staatsnationen» и «Kulturnationen». Культурное творчество здесь сопрягается с общественно-государственным, становится имманентным ему. Развитое национально-культурное самосознание устремлено к институциональному оформлению, структурированию социального пространства, его обращению в общее пространство культурной работы, воссоединению мира культуры и социально-политической жизни.

Отечественный социолог П. А. Сорокин верно видел в нации сложную социокультурную систему. Последнее подразумевает институциональное оформление, развитие нации посредством институтов свободного народа. Великие нравственные ценности находят свое воплощение в народных институтах. Речь идет об институтах, одействующих национальные принципы. Институциональное оформление подразумевает идентификацию идеи нации с реально существующими институтами, соответствующими национальному характеру и сохраняющими его. Национальная

идентичность институционализована — это означает ее концентрацию в институтах, пребывание в их взаимосвязанной сети.

Развитие нации тесно связано с институциональным ростом, ростом национальных институтов, формированием особого институционального «ландшафта». Целостная нация — общество с богатыми культурными традициями и хорошо развитой институциональной структурой.

Интенсивное развитие духовной культуры, рост государственной мощи, сопряженный с ними рост общественно-государственных институтов — составляющие единого процесса русского национального развития. В нем поражает глубокая вовлеченность одновременно в культурную работу и в оформление национальных институтов, благодаря чему нация осуществляется во всей полноте. Государство, общество, культура, духовность никогда не предстают в русской истории некими антитетическими моментами.

История России — многовековая история неуклонного роста русской нации. В отечественной истории внешняя форма национального бытия неотделима от внутреннего духовного содержания, что свидетельствует о национальной творческой мощи. Проблемы общественно-государственного строительства воспринимались русским человеком как духовно-культурное задание, в ракурсе созидательного духовного творчества. В процессе русского исторического развития свершилась вся целостность и «конкретность» национальной жизни.

В русской истории поражает целостность национального бытия, его духовно-материальная оформленность, гармоничное соединение всех его многообразных компонентов. Даже поверхностное ознакомление с отечественной историей демонстрирует очевидное отсутствие в ней дискретности духовной сущности и институционального оформления, культурной жизни и общественно-государственного созидания. Глубокая сращенность элементов национального бытия сохранялась в самых сложных исторических ситуациях — во времена оборонительных войн и модернизационных прорывов.

Когда сегодня некоторые неолиберальные идеологи утверждают, что государство исторически было «чуждым» русскому обществу, являясь для него «инородным бременем», что в России не сложились некие «чистые» гражданские союзы, свободные от «чистого» государства, что высокий уровень институционального оформления русской нации означает «подавление» нациестроительных процессов государственными, что русская нация есть нация еще «неоформленная», «неготовая», то это может быть однозначно истолковано как призыв к деконструкции национального бытия. Неолиберальный императив дискретности русской национальной жизни при ее очевидной целостности может быть со всем основанием обозначен как стратегия разрушения. Неолиберальных теоретиков явно не устраивают согласованность, слаженность, консолидация, гармония и цельность национального бытия. Именно поэтому русская национальная общность должна быть разложена на части. Именно поэтому мы слышим, что гражданское общество должно быть «в дистанции от государства», которое «всегда тоталитарно». Глубокое общественно-государственное единство, которое является показателем плотного развития любой исторически сложившейся нации, выступает для идеологов неолиберализма как «порок» русской жизни. Синергетическое взаимодействие институтов гражданского общества и государственных структур ложно трактуется в смысле недостаточной развитости того и другого. Пронизанность общественно-государственной жизни возвышенными культурно-религиозными началами (то, к чему стремится каждая нация в своем развитии) необоснованно видится «архаизмом».

В связи с современными информационными войнами, направленными на деконструкцию русского национального бытия, принципиально важно указать на его целостность, органичность, институциональную оформленность, пронизанность большого институционального «ландшафта» великими духовными смыслами.

3.11. РУССКИЕ ИДЕАЛЫ КАЗАЧЕСТВА

3.11.1. Казачество как часть русского народа

В связи с современными дискуссиями о путях развития казачества, а также искажающей историю позицией ряда экспертов, отождествляющих казачество с особым этносом, не связанным с русским

народом, представляется важным обратиться к творческому наследию отечественных мыслителей и историков XX—XXI столетий.

Всем известны гениальные достижения Дмитрия Ивановича Менделеева в области естествознания. Думается, сегодня весьма актуально его гуманитарное наследие. Великий ученый не раз указывал на такие черты русского народа, как миролюбие, отсутствие склонности к завоевательным войнам, неразвитость порока эгоистического самообожания. Русский человек стремится обнять весь мир. Он нетерпим к похвальбе самообожания, всегда старается увидеть особые достоинства у других народов. Исторически русские несли бремя исключительно оборонительных войн. Речь идет о защитных войнах «от половцев, от татар, от тевтонских рыцарей, поляков и шведов да турок, от набегов черкесских, киргизских и хивинских, да от посягательств западных европейцев, и если мы после этих войн часто расширялись, то лишь для того, чтобы оберегать себя от дальнейших покушений на наши земли...»¹. «Завоевателей у нас не было ни одного, и завоевательных стремлений у нас не было и нет, да и быть по всему духу народному не может», — писал великий ученый².

В концепции исторического развития нашего Отечества Д. И. Менделеев отводит казачеству значительную роль. «Тот путь, которым Россия расширилась до громадной современной величины, особенно в Азии, определился больше всего тем, что почти без войн делали казаки, присоединяя к Русской державе земли маленьких народов, затем охотно сливавшихся с Россией, так как через это слияние их выгоды были, очевидно, большими, чем для покоряющей России»³. Бесспорные исторические достижения казачества обусловлены раскрытием им во всей полноте духовных свойств русского народа — миролюбия, нетерпимости к самообожанию, уважения к другим народам, стремления к братскому единению с ними.

Выдающийся отечественный историк Антон Владимирович Карташев видел в вольнолюбивом казачестве сосредоточение народной силы, самоутверждающей свою русскость. Следуя его взглядам, казачество облагородило и возвысило смысл своей вольницы, подняв знамя русской народности и православной народно-русской веры. Называя казачество «возглавителем и вождем русской национальности», А. В. Карташев указывает на великую роль казачества в деле отстаивания и утверждения русских духовных ценностей, в деле защиты всего цивилизационного мира России, именуемого им греко-евразийским в силу преемственности с Византией⁴.

Излагая взгляды Д. И. Менделеева и А. В. Карташева, надо отметить, что казачество исторически выступало инициативным носителем русского культурного кода, русской культурной доминанты, на основании которой возводился Российский цивилизационный Дом. Выступая активным носителем и творческим выразителем русской культурной доминанты, казачество выполняло великую объединительную миссию. Оно создало Россию как целостное государство-цивилизацию, несло начала мира и единства в евразийские пространства. В историческом подвиге казачества во всей полноте отразилась присущая русской духовности всемирная отзывчивость.

Замечательный мыслитель, историк и общественный деятель Петр Бернгардович Струве видел в казачестве самобытную силу отечественной истории. «Казачья вольница сыграла в истории России двоякую роль. Во-первых, как единственная вольная сила тяглой в остальном России, как единственный вольный “мир” в великом русском море тяглых “миров”... Во-вторых, как мир или миры, свободно-организованные, вольностью своей собранные в некие воинские братства среди всей остальной, свободно-распыленной, громады русского народа, казачество или, точнее, казачества были и остаются единственным явлением в русской политической действительности. Казачества не суть государства и в то же время они не просто вольные сообщества случайно и временно сошедшихся, несомых историческим ветром пылинок-людей»⁵.

П. Б. Струве указывал на великое прошлое казачества и предвидел его великое призвание. «В будущем государственном строительстве Великой России казачества (я нарочно употребляю тут множественное число) сильнее, чем прежде, выявят — надо думать — свой государственный характер и, в то же время, став более самозаконными («автономными»), еще ярче обнаружат свою исконную природу особой вольницы. Как это произойдет, никто не может сказать, но всем русским, казакам и не казакам, нужно понять и продумать великую историческую и в то же время живую ценность казачества»⁶.

Казачьи миры рассматриваются мыслителем в их органической связи с русской нацией и культурой. Не будучи самостоятельными государственными образованиями, они предстают как общественные силы, обретающие свое фундаментальное целеполагание в российском общественно-государственном строительстве.

Исходя из идей П. Б. Струве важно отметить, что казачество исторически выразило глубинное соработничество Земли и Государства как коренное явление российского цивилизационного процесса. Будучи созидательной общественной силой, выросшей из истинного патриотизма и традиционных ценностей, способствующей нравственному обогащению личности, озабоченной сохранением социального мира и духовной солидарности, оно являлось опорой российской государственности.

Исторически казачество выразило присущую Российской цивилизации модель общественно-государственного соработничества. Созидая общественную и государственную жизнь страны, оно нормативно выразило общественно-государственное единство России, неразрывность общественных и государственных задач, синергетическое взаимодействие, стратегическую кооперацию общества и государства, обозначило стандарты общественно-государственной жизни как высокую степень общественно-государственной консолидации.

Думается, в настоящее время казачество способно сыграть великую роль в духовной безопасности России — отстаивании и защите русской культурной доминанты как ценностном стержне Российской цивилизации, сохранении русской национальной и российской цивилизационной идентичности, укреплении единства русского мира, многонародной Российской цивилизации. Сегодня как никогда востребован явленный в казачестве образец гражданской жизни нашей страны. Речь идет о ценностно-насыщенной идее гражданства, предполагающей ответственность за судьбу Родины, патриотическую солидарность, укорененность в традициях. Казачье понимание гражданства означает неразрывность гражданской и культурной идентичности, сопричастие гражданина стране как исторической общности. Оно предполагает наличие формирующей гражданина целостной культурной среды, выработанной в ходе коллективной истории, означает следование возвышенной этике служения.

Как никогда сегодня востребованы казачье понимание общественной и государственной жизни, присущие казачеству идеалы общественного и государственного служения, общественно-государственного единения во всенародном созидании России. Проверенные временем, выработанные в сложных условиях отстаивания суверенитета страны образы жизни, ценности и идеалы казачества крайне актуальны сейчас, когда осуществляются попытки разрушения гуманитарного суверенитета нашей Родины.

Известный отечественный историк и общественный деятель Александр Александрович Кизеветтер подверг критическому рассмотрению «вздорные теории о том, что казачество есть особая нация, отдельная от русского народа»⁷. Им также было дано опровержение мысли С. Г. Сватикова о существовании будто бы независимого республиканского государства донских казаков в XVI—XVII веках. Важно отметить, что сам С. Г. Сватиков, несмотря на достаточно поверхностное обобщение собранного им исторического материала, верно видел во Всевеликом войске Донском вольную колонию русского народа⁸.

С позиции отечественного философа Ивана Александровича Ильина, Историческую Россию созидали две силы. Прежде всего она творилась народным почином. Народный почин восполняло «собирающее государство». Последнее закрепляло, оформляло и довершало самочинное народное творчество. Речь идет о процессе общественного и государственного формирования страны, при котором решающие творческие инициативы принадлежали народу. Государственные силы опирались на органические народно-творческие процессы, следовали за ними, руководствовались ими и придерживались их. История казачества есть выражение творчества инициативного и даровитого русского народа.

Мыслитель видит формирование русского казачества на культурных путях новгородского ушкуйничества, участвовавшего в освоении северных пространств России. Для него в духовном облике казака отчетливо проступают общерусские культурные традиции с такой характерной чертой, как тяга к самостоятельному активному творчеству.

И. А. Ильин определял Русскую Идею как созидание жизни и культуры на основе свободно и предметно созерцающей любви. Следуя мыслителю, казачество раскрыло в своей истории Русскую Идею свободного сердечного созерцания, наполненного глубоким предметным содержанием. Русское казачество на путях свободы обрело предметное служение государственному патриотизму.

Выдающийся отечественный политический философ конца XX — начала XXI века Александр Сергеевич Панарин подчеркивал особое значение казачества в отечественной истории. На его взгляд, казачество зарекомендовало себя как наиболее консервативно-охранительное сословие из всех сословий России, как сословие, неуклонно отстаивающее мир традиционных ценностей. Казачество являлось сословием, настроенным наиболее государственно. Мыслитель указывал на глубокий и возвышенный патриотизм казаков⁹.

Представляется важным затронуть ряд аспектов творческого наследия известного русского философа, правоведа, историка Николая Николаевича Алексея¹⁰. Мыслитель известен раскрытием учения о государстве правды как общерусском общественно-политическом идеале. Он также знаменит и как глубокий аналитик общественно-государственных представлений казачества.

Николай Алексеев видел в процессе мирной колонизации один из факторов, определявших историю России. Казачеству принадлежала ключевая роль в этом движении как общенародном русском деле.

Исторически казачество было и осталось хранителем подлинно народных представлений о правде и справедливости. Следуя Н. Н. Алексею, в общественно-политических идеалах казачества нашла выражение самобытная «философия государства» русского народа. В мире казачества была раскрыта русская интуиция политической жизни.

Сложно не согласиться с воззрениями Николая Алексея. Казачество было и остается хранителем русской национально-культурной самобытности, уникального ценностного мира русского народа. Общественно-политические идеалы казачества имеют общерусское и общероссийское значение. Выраженные казачеством нравственные и государственные представления лежат в основании русского общественно-политического идеала народного государства правды.

Общественно-политический идеал казачества — русский идеал народного государства правды. Основопологающая сила такого государства — свободный народ. Оно зиждется на проявляемой в свободном служении народной мощи. Оно творится путем вольного народного служения. В русском былинном эпосе о казаках-богатырях властные отношения возникают свободно и вольно. Вольный казак, обладающий богатырской силой, свободно претворяет свою силу и права в служение Отчизне. Он умеет употребить свою свободу в возвышенном смысле служения. Именно в таком значении казачество есть русская вольница, как есть русская вольница и Российское народное государство, созданное вольным историческим служением и подвижничеством всего русского народа.

Государство правды — государство, возведенное на глубоких народных основаниях, соответствующее народной воле, строящееся на приоритетах народного правосознания. Речь идет о нравственно-правовом государстве, в котором правовое регулирование подчинено народным этическим идеалам, формальное правотворчество органически вытекает из нравственных принципов, правовая регламентация человеческих отношений обнаруживает свою зависимость от нравственного формирования общественной жизни, нравственное право выступает основанием позитивного, последнее подчинено народным представлениям о служении правде и справедливости. Государство правды — правовое государство, где права соразмерны обязанностям, глубинно связаны с ними, могут быть увидены как правообязанности. Государство правды — нравственно-правовое народное суверенное государство.

Представляется важным выделить две идеи мыслителя. Во-первых, раскрывая присущий казачеству русский идеал государства правды, он особо подчеркивает, что такое государство призвано сформировать условия для духовного совершенствования личности — условия для осуществления права на духовное развитие, приобщение к культурному наследию. Государство правды немислимо без отстаивания права на духовное совершенствование, выступающего непреложной основой истинного учения о правах человека. Созидание государства правды несоединимо с идеологиями,

утверждающими образ человека как «объекта хозяйства», за которым не признается делающей человека человеком духовной жизни.

Во-вторых, раскрывая казачий идеал государства правды, мыслитель глубоко выявляет суть народного суверенитета. На его взгляд, всегда надо помнить, что речь идет именно о суверенитете народа, а не некоего абстрактного «населения» страны. Носителями суверенитета отнюдь не являются некие отвлеченные «граждане», из совокупности которых возникает абстрактно трактуемое «население». Он не равен механическому агрегату суждений абстрактных «граждан». При таком неверном понимании речь идет не о народном суверенитете, а о суверенитете анархическом. Нет никаких гарантий, что устами абстрактно выделяемого «населения» говорит нация.

Более того, неверное понимание суверенитета может служить обоснованию и установлению олигархии абстрактного «народа» над реальной нацией, что ведет к замещению последней. Действительный народ (а не его искусственно конструируемые суррогаты) представляет собой целостность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих единство культурной жизни. Безусловно суверенной общей волей обладает народ как носитель культурной идеи, принадлежащий к самобытному духовному миру, призванный к осуществлению осознанной им исторической миссии.

Учение мыслителя об общерусских социально-политических идеалах казачества представляется чрезвычайно значимым сегодня, когда очевидны бездоказательные стремления противопоставить казачество русскому народу. Важно указать и на другое. В современном мире русский народ во многом именно посредством казачества успешно отстаивает свое право на культурное своеобразие и духовную самобытность. Несомненна существенная роль казачества и в утверждении суверенитета русского народа — народа как целостности исторических поколений в единстве культурной жизни.

Во взглядах отечественных мыслителей и историков ясно прослеживается единая смысловая линия. Казачество — неотделимая часть русского народа. Казачья история глубоко раскрывает мир русских духовных ценностей. В течение многовековой истории нашей Родины казачество явило себя уникальным носителем и оплотом русских ценностей и традиций.

¹ Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли. М., 2008. С. 290.

² Там же. С. 395.

³ Там же. С. 290.

⁴ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 2.

^{5, 6} См.: Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935) / Вступ. ст. М. Г. Вандалковской, Н. А. Струве; подг. т-та, коммент., указ. А. Н. Шаханова. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004.

⁷ Проблемы истории казачества: Сб. науч. трудов. Волгоград, 1995. С. 283.

⁸ Кизветтер А. А. [рец.], Сватиков С. Г. Россия и Дон. 1549–1917. Издание донской исторической комиссии. 1924 г. // Современные записки. 1925. № XXIII. С. 492–495; Сватиков С. Г. Россия и Дон (1549–1917). Белград, 1924.

⁹ Панарин А. С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. С. 143.

¹⁰ Николай Алексеев (1879–1964) являлся учеником знаменитого мыслителя П. И. Новгородцева и преподавал в Московском университете, в Праге и Берлине, Сорбонне и Белграде. Среди его работ — «Очерки по истории и методологии общественных наук» (М., 1911), «Введение в изучение права» (М., 1918), «Общее учение о праве» (Симферополь, 1919), «Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки» (М., 1919), «Основы философии права» (Прага, 1924) и другие.

3.11.2. Ценностный мир казачества в путях современной России

Сегодня перед Россией встает важная задача, заключающаяся в обеспечении национальной безопасности. Нашей стране необходимо приложить немало усилий для защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз.

Основанием стабильного развития России являются прежде всего фундаментальные ценности национальной культуры. На них покоится неуклонное созидательное формирование личности, общества и государства. В процессе такого формирования безопасность может быть естественно гарантирована.

Проверенные многовековой историей ценности национальной культуры выступают залогом безопасности и долгосрочного стабильного развития страны.

Национально-культурные ценности не существуют вне своего исторического носителя. Говоря о них, мы всегда обращаемся к той части народа, которая успешно хранила и развивала их

на протяжении веков. Именно такую часть народа и представляет российское казачество. В течение многовековой истории нашей Родины казачество явилось уникальным носителем и оплотом фундаментальных ценностей национальной культуры.

Ценностный мир казачества отразил жизнь военного сословия, призванного защищать национальные интересы. Исторической задачей казачества было отстаивание национальной безопасности России, прежде всего в виде внешних военных угроз. В то же время казачество играло немалую роль и в поддержании духовной безопасности страны.

Все основополагающие ценности казачества неразрывно связаны с обеспечением стабильного развития нашей Родины, защитой жизненно важных интересов личности, общества и государства. Именно поэтому ценности казачества должны рассматриваться как стратегически значимые общенациональные ценности.

Среди ценностей казачества можно выделить духовно-религиозные и патриотические. К патриотическим ценностям возможно отнести государственные (государственность или державность) и общественные (соборность, демократизм, семейные и воспитательные ценности). Подчеркнем, что такое деление условно и не означает их обособления. Все ценности казачества представляют нераздельное целое.

Духовным основанием казачества, безусловно, является православие. Именно православие, выверенное духовным опытом столетий, доказавшее свою истинность на протяжении многовековой человеческой истории, являлось объединяющим и сплачивающим началом казачьей общины.

Как отмечает патриарх Кирилл, казачество всегда было наиболее крепкой в вере частью общества, между Церковью и казачеством существовала органическая связь¹. Православная Церковь дала казачеству духовные ценности, ставшие фундаментом нравственного кодекса казака. Следуя этим ценностям в повседневной жизни, казаки усвоили и исторически оправдали благородный титул православного рыцарства.

Православная вера несет высшие абсолютные ценности. Служение им является залогом формирования высоконравственной личности. К этим ценностям относятся Бог, который есть сама Истина, само Добро и сама Красота, а также созданный по Божественному образу и подобию человек.

Утверждение ценности Бога и человека подразумевает жертвенную любовь. Бог есть Любовь. Он Сам осуществил Крестную Жертву, воплотившись в Иисусе Христе, а потому призывает человека к жертвенному служению Себе и ближнему. Православная идея жертвенного служения пронизывает все ценности казаков, отражая их основополагающие представления о жизненном призвании человека.

Православие — ведущая традиционная конфессия нашей страны, средоточие ее духовных сил. Сохраняя и распространяя православные ценности, казачество активно содействует духовно-нравственному возрождению России.

Будучи признанной общественной организацией и носителем православных ценностей, казачество вносит неоспоримый вклад в поддержание духовно-нравственных оснований общественной жизни.

Казачество привлекается к защите и сохранению культурно-исторического наследия православия — от встречи и охраны православных святынь до всесторонней помощи в возрождении храмов и монастырей. Казачество помогает в деле формирования и развития духовно-нравственного воспитания населения, создавая церковно-приходские школы и учебные заведения, сочетающие общеобразовательные дисциплины с православными. Активной духовно-просветительской работой казачество препятствует деятельности тоталитарных религиозных организаций и деструктивных культов, поработавших людей, полагая, что познание Истины есть дело свободного человека.

Фундаментальной ценностью казачества является ценность патриотизма. Патриотизм казачества имеет своим истоком исполнение Божьей заповеди о любви к ближнему, включающей любовь к своей семье, соплеменникам и согражданам. Патриотизм казачества выражается в беззаветном служении Родине — служении, неразрывно связанном с осознанной любовью к России и способностью пожертвовать собой ради нее. Патриотизм казачества предполагает служение российскому народу, создавшему великие государство и культуру.

Патриотизм казаков есть патриотизм действенный. Он проявляется в ценностях казачества — государственных, соборных, воспитательных, семейных, которые многогранно раскрывают казачью идею служения Отечеству. Все эти ценности неразрывно взаимосвязаны между собой, не существуют порознь, взаимно проникают друг в друга. Претворение этих ценностей в жизнь и образует своеобразие казачьего патриотизма.

Важной частью казачьего патриотизма является державность (государственность). Державность — неотъемлемая часть политической культуры казачества. Державность казачества выражается в своеобразном государственном самосознании казаков, в их особом ценностном восприятии государства.

Российское государство всегда воспринималось казачеством как позитивная стабилизирующая сила. Сильное централизованное государство, обеспечивающее общественный порядок и целостность Отечества, защищающее страну от иноземных вторжений, отражает традиционный идеал казаков. В их представлении Российское государство сплачивает в единое целое многонациональный народ России, обеспечивает мир в стране, придает стране величие и обеспечивает уважение в мире.

Казачеству свойственно рассматривать государство как форму исторического действия народа на традиционных ценностных основаниях. Казачество выступает за органическую взаимосвязь государства и ценностей национальной культуры. Государственное самосознание казачества основывается на правиле: государство не должно действовать исходя из взглядов и представлений, которые сам народ не обретает в своей истории.

Казачьей державности присущ особый политический реализм. Следуя ему, великое государство возможно созидать лишь на почве национальной культуры, поскольку подлинные жизненные силы великое государство черпает только из вековых ценностей народной жизни.

Задачи государственного строительства для казаков неразрывно связаны с ценностными основаниями народной жизни. Государство должно всемерно содействовать сохранению, распространению и развитию ценностей национальной культуры. Оно не имеет права строить общественную жизнь по искусственным проектам, несущим отчуждение от основополагающих ценностей народного бытия.

Казачья державность не означает абсолютизации государства самого по себе. Государство не должно посягать на свободу личности. Оно не должно вырождаться в тиранию, превращаться в тоталитарного оборотня, контролирующего все сферы жизни общества. Стремление государства посягать на культурно-исторический фундамент собственного народа, игнорировать его ценностные основания, проводить гонения и репрессии против ценностей национальной культуры и их носителей с точки зрения казачества категорически недопустимо. Сегодня казаки ведут широкую деятельность по реабилитации жертв политических репрессий, а также по возрождению, сохранению и распространению ценностей национальной культуры.

Подчеркнем, что реальная роль России в мире неотделима от ее самостоятельного положения, подкрепляемого государственной силой. Россия всегда была самодостаточной, суверенной и независимой частью мирового сообщества, выступая в роли великой и единой державы по причине своей мощной государственности. Учитывая особую значимость сильного государственного начала на текущем этапе исторического существования России, важно отметить немалую роль казачества в деле его сохранения и развития.

Провозглашая ценность державности приоритетной, казачество превращается в серьезную созидательную общественную силу, строящую государственность современной России. Казачество решительно препятствует негативным центробежным тенденциям, носители которых стремятся расколоть страну, не признают за Российским государством высокого значения. Казачество последовательно выступает за суверенитет и территориальную целостность России, желая видеть ее в качестве великой и единой державы, в качестве одного из ключевых субъектов многополярных международных отношений.

Казачество энергично участвует в государствообразующих процессах — политических, общественных, гражданских, прежде всего на региональном уровне. Зная интересы населения и традиции, казаки решают множество вопросов местного значения. Их уникальный опыт востребован органами государственной власти и местного самоуправления. Казачьи общества становятся

реальной силой, влияющей на государственную политику в области национальной обороны, превращаются в защитников государственного суверенитета и национальных интересов.

Отстаивая ценность державности, казачество связывает государственное развитие с духовно-нравственными ценностями. Державность для казачества является этически значимой ценностью, государство должно неизменно воплощать нравственное начало.

Казачество восприняло и впитало в себя одну из основных ценностей Российской цивилизации — соборность. Ценность соборности предстает мироустроительным принципом казачества, оформляющим его общественную жизнь. Ценность соборности заключается в сочетании свободы и единства людей на основе их общей любви к высшим ценностям.

Соборность есть цельность общественной жизни, ее внутренняя полнота, в которой множество личностей собирается силой любви в свободное и органическое единство.

Казачья соборность очевидно раскрывается в двух явлениях жизни казачества — казачьем Круге (Сборе) и казачьем товариществе.

Традиционно казачий Круг, или Сбор, являлся обозначением всенародного собрания казачества. Круг предстает высшим органом любого казачьего общества, где все казаки, обладающие правом голоса, равны. Решения на Круге принимаются простым большинством и прямым голосованием. Главенство соборных решений Круга для казака всегда было обязательно. Круг всегда признавался превыше всех других структур, регулирующих общественную жизнь казаков.

Казачье товарищество состоит во взаимной солидарной ответственности казаков друг за друга, основанной на доверии и самопожертвовании. Казачье товарищество — неотъемлемая часть кодекса чести каждого казака. «Нет уз святее товарищества», — гласит казачий кодекс чести. Товарищество являет особое состояние казачьего братства, в котором взаимная поддержка и взаимная помощь вплоть до жертвования жизнью ради ближнего провозглашаются основанием общественного единения.

Утверждая ценность соборности, казачество демонстрирует уникальный образец единения людей в свободе ради претворения в жизнь принципов патриотизма.

Казачий опыт соборности значим в деле развития российского патриотизма. Этот опыт красноречиво свидетельствует о том, что патриотическое сознание может рождаться из недр свободной общественной жизни, что солидарное патриотически настроенное общество может существовать на началах взаимного уважения и свободы.

Развитие и распространение казачьего опыта соборности способствует сохранению гражданского мира и национального согласия в стране, политической стабильности и общественному благополучию. Оно имеет неоспоримое значение для созидания внутреннего аспекта национальной безопасности России.

С соборностью неразрывно связан казачий демократизм. Казачеству издавна присуща демократическая организация, выразившаяся в выборном самоуправлении и равноправии. Воля и народоправство — неотъемлемые стороны казачьего самосознания. Казачество высоко ценит свободу, полагая, что именно свободный человек может правильно организовать общественное устройство.

Казачий демократизм — это демократизм особый, патриотический. Казачий демократизм и казачий патриотизм — неразделимые понятия!

Казачий демократизм есть демократизм ответственный, демократизм служения, а не демократизм, направленный на удовлетворение своей прихоти и эгоизма. Казачество высоко ценит свободу не просто ради нее самой, а ради плодотворного служения Отечеству.

Казачье свободолюбие неизменно связано со служением родному краю, с исполнением долга перед своим народом. Отстаивание своих прав и свобод для казака всегда предполагало неукоснительное следование своему долгу и обязанностям. Казачество всегда отличала истинная гармония между свободой и служением.

Опыт казачьего демократизма содействует росту патриотического сознания, общественной стабильности и укреплению российской государственности. Он важен для правильного понимания и строительства гражданского общества, в котором идея свободы не должна разрываться с идеей ответственного солидарного служения Родине.

В самосознании казаков укоренены представления о глубокой связи личных свобод и личной ответственности, о том, что свободная независимость членов общества выступает условием их

взаимного служения друг другу. Такие представления ценны для достижения устойчивого общественного единства, для созидания внутренне сплоченного, цельного общества, пронизанного взаимным сотрудничеством и ответственным солидарным служением. Их осознание и воплощение в жизнь являются серьезным препятствием на пути деструктивных антиобщественных сил, видящих в обществе лишь обособленных эгоистов, взаимодействие которых представляет только временное совпадение интересов и не ведет к глубинной внутренней связи.

Ценности казачества были пронесены сквозь века благодаря крепкой семье и своеобразной системе воспитания. Из поколения в поколение через семью и воспитание передавались ценности казаков. Казачья семья и народная система воспитания сами предстают особыми ценностями казачьего мира, без которых он лишился бы своей жизненной силы.

В среде казачества семья рассматривалась как важное начало выработки патриотических качеств личности. Семья всегда была основой казачьего общества. Именно в ней закладывался идеал защитника, воина и трудолюбивой хозяйки как оплота казачьего мироустройства.

Казачеству свойственна суверенность семьи — никто не имеет права вмешиваться в жизнь семьи без ее просьбы. При этом семья воспринимается как святыня брака — воплощение самых возвышенных нравственных отношений. Первостепенная роль отца семьи основывается на его моральном авторитете и глубоком взаимопонимании с остальными членами семьи. Высокая роль и значение женщины-казачки в семье определялись необходимостью брать на себя часть мужских функций во время несения мужем службы, когда он отлучался из дома. Казачьей семье всегда были присущи высокий нравственный облик, устойчивость и многодетность.

Сохранение и распространение семейных ценностей казачества актуальны для современной России, в которой демографическая ситуация стала одной из злободневных социальных проблем. В выверенном веками казачьем идеале семьи современная Россия может почерпнуть образец крепких семейных отношений, найти ценности, которые станут залогом демографического возрождения страны. Храня и распространяя семейные ценности, казачество принимает активное участие в формировании демографической безопасности России, в сбережении ее народа.

Семейное воспитание казаков тесно связано с казачьей народной педагогикой. За долгую историю существования казачеством был накоплен большой опыт в деле патриотического воспитания молодежи. Этот опыт организован в стройную систему, несущую идеал патриотически настроенной личности. Приоритетным в казачьей народной педагогике является военно-патриотическое воспитание. Вместе с тем казачья педагогика уделяет самое серьезное внимание выработке нравственного сознания и национального самосознания.

Формирование патриотически настроенного подрастающего поколения предстает важной задачей для современной России. В современных условиях очевидна необходимость разработки и реализации новых подходов в деле патриотического воспитания молодежи. В силу своей доступности и понятности традиционная казачья народная педагогика является плодотворным и мощным по своему воспитательному потенциалу средством, которое должно активно использоваться в практике воспитания подрастающего поколения. Сегодня казачество активно участвует в распространении и дальнейшем совершенствовании своей педагогики, ведет широкую работу в молодежной среде, выполняя благородную задачу воспитания патриотов России.

Современное российское казачество являет собой сознательную и действенную часть нации, для которой воспитание высоконравственной патриотической личности, строительство гармоничного общества и мощного государства предстают первостепенными задачами развития страны. Сохраняя, развивая и распространяя свои ценности, современное российское казачество всемерно способствует формированию национальной безопасности России, содействует ее стабильному развитию. По своему содержанию ценности казачества представляют стратегически значимые ценности общероссийского масштаба. Их изучение и освоение должны стать общенациональной задачей.

¹ См.: Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на заседании Совета по делам казачества при Президенте РФ 14 октября 2009 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Патриархата. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/813963.html> (дата обращения: 20.01.16).

3.12. РОССИЯ КАК МИРОСТРОИТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И СОБОРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Интерпретация базовых ценностей Российской цивилизации традиционно связана с обращением к славянофильским и почвенническим концепциям отечественного историко-культурного процесса. В их контексте основополагающие ценности русской культуры оказали существенное влияние на формирование творческого ядра Российской цивилизации. Славянофилы и почвенники выделяли в качестве стержневых ценностей России глубинным образом взаимосвязанные, подразумевающие друг друга ценности целостной личности и соборности (глубокого духовного общения личностей, единства одухотворенных целостных персон). Соборное единство виделось им основой устройства всей социокультурной жизни России.

Русская культура — культура соборного самоопределения, соборной духовно-ценностной парадигмы. Культуротворческая деятельность русской нации связана с осуществлением ценности соборного бытия.

Соборность как образ коммуникации целостных одухотворенных персон глубочайшим образом выражена, с исключительной глубиной раскрыта в русской культуре (что и дает основания говорить о соборности как ее базовой ценностной доминанте). Очевидно, русская соборность вызрела под воздействием православия, стала итогом творческого наследования византийской культурно-цивилизационной модели, представляет собой творческое восприятие ценности личного бытия, сформированной в Византии.

Соборность — ценность отечественной культуры, подразумевающая свободное духовное единство личностей, сохраняющее идентичность участников общения. Соборность связана с сочетанием в высшем синтезе индивидуально-личного и общественного начал. Собрание сил души в живое единство, делающее личность неповторимым средоточием бытия, обретение персональной целостности, гармонии разума, воли, чувств, совести, прекрасного и истинного, милосердного и справедливого предполагают обретение соборности, становление «большого субъекта». Соборность выражает осуществление личности в духовно-творческой коммуникации. Соборность делает личность проводником духовно-объединяющего начала во Вселенной, хранящим уникальное своеобразие ее форм.

Русская культура обогатила ценностью соборности народы России, пробудила начала соборности в их бытии, выступая в качестве связующего начала для различных культурных миров, последовательно формируя российский культурно-цивилизационный синтез. Присущая русской культуре жизнестроительная ценность соборности стала ценностью общероссийской, что дает право рассматривать ее как духовное основание Российской цивилизации, видеть в ней начало, организующее самобытное российское культурно-цивилизационное пространство.

Вслед за славянофилами и почвенниками в наше время обратил внимание на соборность как характерную черту русской культуры Д. С. Лихачев. «Соборность — это проявление христианской склонности к общественному и духовному началу», — отмечал он¹. И далее: «С этим соседствует терпимость в национальных отношениях. Вспомним, что легендарное начало Руси было ознаменовано совместным призванием варяжских князей, в котором вместе участвовали и восточнославянские, и финно-угорские племена, а в дальнейшем государство Руси было всегда многонациональным. Универсализм и прямая тяга к другим национальным культурам были характерны и для Древней Руси, и для России XVIII—XX веков. Здесь снова вспомним Достоевского с его характеристикой русских в его знаменитой речи на Пушкинских торжествах»². Соборность проявилась в терпимости в национальных отношениях. Выражением соборности являются характерные для русской культуры открытость к восприятию других культурных миров, стремление к их сохранению и творческому освоению.

Вплощая в исторической жизни ценность соборности, русская культура объединила культуры различных народов. Именно в этом объединении, с точки зрения Д. С. Лихачева, и состоит историческая миссия русской культуры. Русская культура инициировала грандиозный культурный синтез, творчески способствовала формированию российского собора культур, став связующим началом между различными культурными мирами.

Д. С. Лихачев говорил и об исторической миссии России. Она состоит в том, чтобы служить мостом между народами. Мыслитель совершенно верно соединял историческую миссию России и русской культуры, придавал миссии русской культуры общероссийский смысл, так как в ходе истории ценность соборной творческой открытости другим культурам стала ценностью общероссийского масштаба, достоянием всех народов страны.

Миссия России осуществима, так как фундаментом развития страны стала ценность соборности, выраженная в терпимости, активном миролюбии, творческой открытости, стремлении к взаимопониманию, духовно-творческому единству с другими культурными мирами. В силу ценностной доминанты соборности многовековой опыт России связан с мирным покорением огромных пространств, сохранением уникальных культурных традиций, бесконфликтным формированием многонационального государства.

Д. С. Лихачев предложил понимание евразийской идеи как взаимообогащающего общения культур Европы и Азии, выступающего основанием политического и экономического сотрудничества народов с разнообразными культурами. В сущности, именно историческая миссия России, вытекающая из ценности соборности, органически делает ее носителем евразийской идеи.

С позиции А. С. Панарина, на российском цивилизационном пространстве доминирует интенция соборности. В российском цивилизационном контексте соборность — это «духовное единство, в пределе объемлющее весь род человеческий»³. С точки зрения мыслителя, миссия России — в содействии мирной всечеловеческой интеграции при сохранении духовного многообразия. На его взгляд, наша страна способна предложить справедливый, основанный на любви к ближнему, миру и духовном единстве сценарий глобализации именно в силу своего соборно-миростроительного исторического пути.

Всемирная роль России исторически определялась не сепаратными стратегиями решения своих проблем за счет других, а началами глобального служения. Она всегда подразумевала взаимообогащающую межкультурную коммуникацию, бережное сохранение исторически сформированных идентичностей, сложившихся духовных практик, многообразных культурных форм. Исторически Россия стремилась к реализации справедливой системы управления глобальными процессами — системы, которая обеспечивает равное участие народов, подотчетна им, решения которой приемлемы для всех.

С позиции академика Н. Н. Моисеева, в основе Российской цивилизации лежит ценность соборности. «Благодаря этой особенности нашего духовного мира, мы преодолели смуту XVII века, изгнали полчища Наполеона, разгромили фашизм. Благодаря нему мы преодолели послевоенную разруху и сделали вторым государством мира», — справедливо считает он⁴. Существенная характеристика России как самостоятельной и целостной цивилизации, раскрывающая начало соборности — «умение разноплеменного существования»⁵. Указанная черта Российской цивилизации имеет общепланетарное значение. Ее раскрытие представляется стратегически важным в целях обретения мировой стабильности.

Следуя воззрениям Н. Н. Моисеева, в настоящее время принципиально значимо обращение к российскому опыту многовекового развития, включающему бесценный опыт проживания народов в мире и согласии, уникальный опыт совместного жизнестроительства. Выработанные в ходе длительного исторического пути миростроительные образы жизни, ставшие традиционными для России, имеют значение как для самой страны, так и для всей планеты. Их творческая актуализация может служить формированию стратегической общепланетарной стабильности и безопасности.

Несомненно, соборность — целостная стратегия человека, подразумевающая обретаемое в межперсональном взаимодействии духовное единство, преобразующую силу солидарного творчества, гуманизацию Вселенной через внесение в ее мир духовных смыслов, сохранение ее уникальных форм и их созидательное одухотворение. В ней обнаруживают себя ценностные начала русской культуры и всероссийской культурной жизни. Ценность соборности — фундаментальная составляющая аксиосферы отечественной культуры. Она выступает системообразующим началом российского цивилизационного домостроительства, задает многоуровневый характер российской

идентичности (собор наций и культур, гражданская нация как единство в многообразии, страна-цивилизация), сочетающей в себе глубоко национальное и вселенское.

Н. Н. Моисеев верно указал на то, что ценностная доминанта соборности определяет миростроительный характер Российской цивилизации. Несомненно, справедлива его мысль об общепланетарной востребованности российского опыта проживания народов в мире и согласии.

В связи с отмеченным стоит обратиться к наследию великого отечественного ученого Д. И. Менделеева. В союзности и любви он видел основу преобладания человечества в природном мире. В развитии мировой кооперации и солидарности, формировании общечеловеческого единства в многообразии усматривал он общечеловеческий прогресс.

Разнообразие стран и народов с их самобытными духовными традициями, на его взгляд, принципиально для прогрессивного развития человечества. Им категорически осуждались любые формы колониализма в прошлом и настоящем, имеющие целью нивелировать мир с помощью материального господства.

Наше Отечество Д. И. Менделеев характеризует как мирную Россию. Русский народ — как принадлежащий к числу мирнейших. Ему чужд национальный эгоизм. Россия никогда не имела эксплуатируемой колониальной периферии. Народы, свободно сливавшиеся с Россией, приобретали через такое объединение выгоды большие, чем она сама. Они органически вливались в коренное население страны. Колониальной политике Россия предпочла мирное сотрудничество и сосредоточение. Страна несла бремя исключительно оборонительных войн. «Завоевателей у нас не было ни одного, и завоевательных стремлений у нас не было и нет, да и быть по всему духу народному не может», — писал великий ученый⁶.

Исторически силы России направлены на творческий труд по объединению Востока и Запада, примирению Европы и Азии, на укрепление кооперации стран и народов. «Если мысль о равенстве прав людей в государстве составляет прогрессивный венец XVIII ст., то мысль о равенстве народов и стран составляет один из результатов, завещанных XIX ст. для всех будущих веков...» — считал мыслитель⁷. На его взгляд, наша эпоха призвана к окончательному отвержению представлений о низших и высших народах.

«В этом последнем отношении Россия по духу народному и потому, что содержит немало рас иной крови, равно как и потому, что признает по существу равенство всех своих народов, стоит впереди не только перед Китаем, но даже и перед Англией и Соединенными Штатами», — утверждал он⁸. Таким образом, Россия имеет все основания стать лидером в процессе освобождения человечества от колониализма, расизма, позорной практики попрания прав народов на суверенное развитие.

В контексте воззрений великого ученого, России принадлежит существенная роль в общечеловеческом прогрессе как возрастании солидарности стран и народов при сохранении их уникального своеобразия. Принципы развития Российской цивилизации подразумевают утверждение возвышенных духовно-нравственных представлений о достоинстве как отдельных лиц, так и больших сообществ. Страна выступает носителем обществосберегающих и культуросохраняющих стратегий, которые она всегда готова предложить глобальному миру. Самим своим бытием Россия свидетельствует о равном достоинстве народов и рас. Ее миростроительный исторический путь имеет нормативное значение. Он служит опровержением различных форм колониализма, несправедливого деления народов на цивилизованные и варварские, внедряемой идеи о неизбежном противоборстве народов и цивилизаций.

«Одним из величайших, нами недостаточно оцениваемых благ, даваемых государством, является принадлежность наша к единому целому, к большому государству. Большое государство есть всегда явление в истории человечества прогрессивное — а свободное большое государство дает такие возможности роста и влияния человеческой личности и такие удобства, какие недоступны мелким формам государственности. По мере роста мировой культуры значение граждан великих государств будет всё увеличиваться, и их духовная жизнь достигнет максимально возможного размаха и широты проявления», — писал В. И. Вернадский⁹. На его взгляд, «огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться, как общечеловеческое достижение...»¹⁰. «Задача сохранения единства Российского государства — уменьшение

центробежных сил в его государственной организации — является одной из наиболее важных задач государственной политики», — утверждал он¹¹.

С позиции великого ученого, Россия представляет собой большое многонародное государство. Такое государство есть явление прогрессивное в силу возрастания человеческой солидарности и мирной кооперации. В. И. Вернадский аргументированно утверждает идею о России как прообразе мирового сожительства народов. Наша страна являет образец мирного проживания народов всему человечеству. Она может выступать примером многонародного союза для населения планеты.

Развивая взгляды В. И. Вернадского и Д. И. Менделеева, можно уверенно охарактеризовать Россию как миростроительное народно-историческое государство. Речь идет о государстве, которое формировалось естественным путем, посредством мирных народных инициатив. Речь идет о государстве, где народы сохраняют свою самобытность, где им созданы условия для всестороннего мирного развития. В нем народы и расы равны. Под его покровом самобытные культурные миры соединяются в большой цивилизационный дом. Оно служит примером согласия, содействует укреплению общепланетарной солидарности и кооперации.

Ценность соборности выступает системообразующим началом российского цивилизационного домостроительства, определяет саму онтологию, само строение Российской цивилизации. Она стала неотделимой от российского исторического бытия. Соборность сделалась целостностью ценностных значений, связей и отношений, созерцаемых в конкретно-исторических проявлениях России как страны-цивилизации. Воплощая их, Россия предстает как универсально значимая духовно-ценностная парадигма, способная обогащать страны и народы.

Российский опыт цивилизационного домостроительства способен задавать параметры, определять нормативную модель глобального мироустройства. Жиздущееся на соборных традициях бытие нашего Отечества может быть увидено в качестве образца бесконфликтного многополярного мира. Цивилизационное домостроительство России сегодня имеет все основания стать опорой формирования ценностной модели глобального развития как альтернативы его постмодернистскому и неолиберальному пониманию, маскирующему откровенно зооморфные сценарии организации жизни.

Оно позволяет обосновать значимость такого общепланетарного пути, в который вовлечено все человечество, а не только «привилегированные» сообщества. Оно нормативно исключает попрание прав народов на суверенное самобытное бытие, категорически несовместимо с агрессивными попытками навязывания нравственно бессодержательного «цивилизационного» униформизма. Оно аргументирует общечеловеческую солидарность, равное соучастие людей в научно-техническом прогрессе, хозяйственном преобразовании Вселенной, управлении глобальными процессами.

Российский опыт востребован сегодня и в силу того, что страны и народы сталкиваются с вызовом фальсификации миротворческих процессов. Нередко разговорами о мире и согласии камуфлируются катастрофические революции, разрушительные интервенции, рафинированные формы колониализма. Обращение к российскому опыту позволяет отличить истинное миротворение от его постмодернистских суррогатов. Исторически российский опыт способствовал стабильному, поступательному развитию народов, их духовному единению и углубленному сотрудничеству во всех сферах жизни. Для народов нашей страны всегда были нравственно неприемлемы любые попытки лицемерно прятать за словами о мире эгоистические интересы, хищнические стремления манипулировать ближним вплоть до его прямого порабощения. Народы нашей страны отстаивали подлинную суть миротворчества, имеющую в виду благо для всех.

Одна из ключевых особенностей Российской цивилизации состоит в мирном, добрососедском совместном проживании народов. Народы России сообща строили общий цивилизационный дом, вместе отстаивали суверенитет Отечества. Их согласие стало источником духовной силы и материального процветания нашей Родины. Соборность — важнейшая характеристика Российской цивилизации.

В ходе своего многовекового развития Россия творит формы жизни, идеи и ценности, укрепляющие согласие между людьми. Российский опыт имеет всемирное значение. Он может и должен

служить общепланетарной стабильности и безопасности. Им могут воспользоваться все народы ради достижения миротворческих целей.

К сожалению, приходится констатировать, что сегодня мировому сообществу продолжают навязываться неолиберальные и постмодернистские модели глобализации. Их воплощение оборачивается не формированием разумной и эффективной системы глобального управления, а искусственным отчуждением стран и народов от достижений цивилизации, нарушением их прав на суверенное развитие, распространением очагов напряженности, эскалацией насилия и терроризма. Системное навязывание таких подходов обязывает говорить о российском опыте цивилизационного созидания как универсально значимом, являющем макроэтические императивы, воплощающем принципы глобальной этики.

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 32.

² Там же.

³ Православная цивилизация в глобальном мире // Москва, 2001. №1–10.

^{4,5} Моисеев Н. Н. Русский вопрос // Н. Н. Моисеев. Время определять национальные цели. М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. С. 62–77.

⁶ Менделеев Д. И. Познание России. Заветные мысли. М., 2008. С. 395.

⁷ Там же. С. 233.

⁸ Там же.

⁹ Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 257.

¹⁰ Там же. С. 247–248.

¹¹ Там же.

3.13. РОССИЯ КАК НАРОДНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И НАВРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Отечественное славянофильство справедливо рассматривало российскую историю в ракурсе органического взаимодействия Земли и Государства. Дела Земли — строительство общественной жизни, осуществляющееся в органической связи с народным духовным ростом. Имеется в виду жизнь нравственно-общественная, основанная на свободе духовного творчества. Дела Земли глубоко связаны с широким развитием самоуправления. Соучастие в них подразумевает созидательную работу наравне со всеми, восприятие человеком себя как свободного творца, обладающего равным достоинством с другими.

Следуя славянофилам, Российское государство в своей деятельности опиралось на общественное мнение народа. Его сила заключалась в следовании голосу народа, народном доверии. Будучи олицетворенной волей народа, оно проявляло себя служебным началом. Выражая его волю, оно вело народ по избранному им же пути. Его работа обусловлена ценностными началами народного организма. Прислушиваясь к голосу народа, угадывая его потребности, государство выступало проводником его жизненных принципов.

Славянофильский идеал гражданского общежития — союз людей, основанный на нравственном начале, управляемый внутренним законом. Мирская соборность общественной жизни творится духовными силами народа, формируется исходя из требований законов духовно-нравственных. Подобный идеал был осуществлен в отечественной истории. Российское общество выступало носителем представлений о духовности и нравственности. Именно опираясь на них, государство формировало внешние юридические нормы, правовой порядок. Организация внешнего закона, положительный закон государства зиждились на внутренней правде Земли. Ценностно-консолидированное общество, пронизанная солидарностью и патриотизмом Земля, являлась подлинной опорой государственного развития. Внутренняя правда Земли была основанием внешней государственной правды. Дела Земли органически перерастали в государственные. Общественные союзы Земли и Государства оказывались не только неслиянны, но и нераздельны. Глубинное соработничество Земли и Государства сделалось коренным явлением российского цивилизационного процесса.

Когда славянофилы утверждали, что Российское государство немислимо без общества как своей непосредственной основы, поскольку именно из его ценностного мира оно черпает стратегии

развития, то, конечно, ими имелась в виду определенная модель гражданской жизни. Не эгоистические ценностно-индифферентные союзы, а созидательно настроенные солидарные духовные общности, вырастающие из истинного патриотизма и традиционных ценностей, способствующие нравственному обогащению личности, озабоченные сохранением социального мира исторически выступали опорными составляющими российской государственности. Речь идет об обществе духовно ответственных граждан, обладающих моральным долгом и разделяющих принципы этики служения.

В нашей стране общественная жизнь исторически формировалась под определяющим воздействием ценностного фактора, на основании высоких нравственных принципов, патриотизма и солидарности. Обладая ярко выраженной ценностной составляющей, общественные силы притязали на то, чтобы быть хранителями и выразителями цивилизационной идентичности. Своеобразная черта развития России состояла в том, что общественные силы брали на себя обществосберегающие и государствосберегающие функции в целом. Глубоко ощущая свою ответственность за судьбу Родины, они воспринимали себя в качестве опоры государства. Общественные силы могли нести государственные функции, были способны органически реализовывать задачи государственного управления, что означало наличие вовлеченного общества. Речь идет об обществе, ответственно вовлеченном в созидание государственно-цивилизационной общности, осознающем единство общественных и государственных задач, активно участвующем в творении единого цивилизационного пространства.

Несомненно, жизнестойкость многонародной и многоконфессиональной России как целостного государственно-цивилизационного образования обусловлена устойчивым общественно-государственным соработничеством. Своеобразие общественно-государственной жизни в России заключается в тесном и интенсивном взаимодействии общества с государством, высокой степени общественно-государственной консолидации. Так, до революции страна была покрыта плотной сетью гражданских ассоциаций, которые оказывали поддержку работе государственного аппарата, интенсивно сотрудничали с властью. Совершенно верно определяли подобную модель общественно-государственных отношений теоретики российского консерватизма, используя понятие «сочетанного управления». Такое управление означает, что между государством и общественными силами осуществляется синергетическое взаимодействие, стратегическая кооперация, когда свободные гражданские инициативы, творчество снизу гармонично восполняются и подхватываются творческой работой сверху, поддерживаются государственной мощью, обеспечивая единство и непрерывность развития цивилизационного организма в целом.

Российская архитектура взаимоотношений власти и общества предполагает созидание общественно-государственного бытия в качестве единого комплекса. Непрерывно взаимодействуя с общественными силами, государство исторически росло по мере их укрепления. Посредством теснейшей кооперации государства и общества Россия строилась как всенародное государство-цивилизация. Будучи историческим покровом и домом народа, хранителем и выразителем исторически вызревших цивилизационных начал его жизни, Российское государство может быть охарактеризовано как народно-историческое.

Славянофилы верно увидели специфику развития России в стремлении государства возводить предписания нравственности в степень положительного закона, формировать юридические начала при опоре на духовно-нравственные принципы народной жизни, рассматривать внутреннюю правду Земли источником внешней государственной правды. В этой связи Российское государство со всем основанием может быть охарактеризовано как государство нравственное, так как оно выступает выразителем высшего нравственного порядка народной жизни, зиждется на нравственных приоритетах народного правосознания. Речь идет о нравственно-правовом государстве, в котором правовое регулирование органически вытекает из нравственного права, правовая регламентация человеческих отношений обнаруживает свою зависимость от нравственного порядка общественной жизни как общего блага.

Акцентирование славянофилами разницы закона нравственного и закона формально-юридического было призвано показать, что духовно-нравственные принципы, никоим образом не исключая права, имеют бесконечно большую глубину. Важно отметить, что для славянофильства характерно

отвержение духа юридического формализма, неприятие отвлеченного права, внутренне оторванного от нравственных корней. Его представители были убеждены, что отчуждение права от целостной духовной жизни порождает соблазн абстрактного юрицизма, «религию права», которая может обернуться коллизией права и духовности. Отводя принципу права достойное, но подчиненное место в иерархии ценностей, славянофилы, несомненно, предвидели опасность правотворчества, отчужденного от духовно-нравственных корней. Подчеркивая, что внешняя юридическая форма вполне не исчерпывает истины и справедливости, что правовой порядок питается нравами, они были обеспокоены возможной утратой высших ценностных санкций государственной жизни, возможной духовной беспочвенностью государственного бытия. Они критически воспринимали отношение к государству и праву как к цели, когда принципы власти и права выпадают из контекста более глубоких духовно-нравственных начал.

Славянофилы, несомненно, предвидели опасность распространения оторванной от духовно-нравственных корней формальной правовой демократии. Идеи мыслителей чрезвычайно актуальны в наше время, так как сегодня в России постмодернистскими и нелиберальными идеологами проект духовно беспочвенного правового государства выдвигается как альтернативный цивилизационному.

В XXI веке благодаря работе нелиберальных и постмодернистских социальных технологов осуществляется экспансия неклассических моделей гражданского общества. В данном случае ассоциации гражданского общества полагают свое развитие в непрерывном конфликте с государством, следующим общему благу. Они противопоставляют себя традиционным формам и стилям жизни, жестко оппонировав классическим картинам человека, утверждающим общественную и нравственную сущность личности. Обращение к российскому опыту цивилизационного строительства позволяет преодолеть такую модель гражданского общества, когда его представители видят себя независимыми от общего блага, истории и морали, культурных практик и традиций. Обращение к российскому опыту позволяет отстоять классическое видение гражданских ассоциаций, означающее, что они возводятся людьми, разделяющими классическую этику добродетелей и укорененными в традициях, являются ценностно-интегрированными формами жизни народа, объединенными представлениями об общем благе. Важно отметить и другое. Именно гражданские ассоциации, ответственные за судьбу страны, выражающие ее ценности, органически связанные с ее прошлым и в силу этого устремленные в будущее, в состоянии остановить разрушительную колонизацию социальных тканей государством, зараженным постмодернистской идеологией. Утратившее представление о солидарности государство делается способным к подрыву социального и культурного единства народа. Оно превращается в проводника репрессивной политики по отношению к фундаментальным социальным связям, демонстрирует возможность тоталитарной интервенции в жизненный мир личности, чему может воспрепятствовать ответственное гражданское общество.

3.14. ВСЕЛЕНСКОСТЬ РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Известный американский теоретик цивилизационного подхода Р. У. Вескот¹ верно отмечал, что история России, включающая историю Европы и Азии, представляет собой историю такой цивилизации, которая ассоциируется с процессами глобализации. История России предстает как глобальная история.

Действительно, модель глобализации заложена в само основание российского цивилизационного процесса. Россия формировалась как русская многонациональная и многоконфессиональная страна, сложное целостное глобальное многонационально-многоконфессиональное цивилизационное образование.

Несомненно, вселенскость цивилизационного процесса во многом обусловлена тем, что Россия творчески продолжила византийские традиции. Византия, христианизировав эллинизм, творчески соединив христианские ценности с культурой греко-римского мира и эллинистического Востока, предложила универсальную цивилизационно-культурную парадигму. Византия не знала эксплуатируемой периферии. Эллинизация славянского мира Византией способствовала укреплению сла-

вянских национальных начал, обернулась национальным самоопределением народов славянского мира. С падением Византии Россия перенимает ее глобальную инициативу.

Формирование русской культуры как миростроительной определяется во многом именно ее греко-византийскими истоками. Русский язык сыграл ту же роль, что и койне, связывая Восток и Запад на глобальном евразийском пространстве. Русская культура, как и греческая, выступила собирателем великого цивилизационного пространства Евразии.

Греческий логос не только оформил греков как народ, но и описал наиболее глубинную структуру бытия, закономерности мироздания. Им было осуществлено преобразование социального пространства в социокультурный космос. Он породил европейскую культуру и во многом определил развитие мировой. Несомненно, греческий логос был преображен Логосом христианским. Вселенско-преображающее значение имело и русское слово.

Историческое творчество русских, как и греков, обладает вселенским измерением. У обоих народов национальное самосознание неотделимо от миростроительной идеи. Русских и греков можно назвать глобальными народами — народами с глобальным миростроительным сознанием.

Русский народ создал целостную культуру. Это подлинно вселенская культура, дающая ответы на фундаментальные вопросы человеческого бытия. Подвиг построения целостной культуры, имеющей всемирное значение, есть осуществление дара всечеловечности. Через изумительные творческие достижения русский народ доказал, что он вселенский и всечеловеческий по своему духу. Русская культура воплотила в жизнь всеобъемлющий синтез воссоединения социокультурного космоса. Она — объединительная культура, соединяющая духовный мир человека в органическое духовное целое, преобразующе соединяющая личности и мироздание.

Выдающийся отечественный мыслитель К. Н. Леонтьев когда-то проникновенно указал на всемирный дух России. Творчески впитав идеалы и ценности экуменического Византийского Просвещения, многонародная и многоконфессиональная Россия восприняла себя призванной к духовно-преображающему возделыванию мироздания, к огромной исторической работе, имеющей целью созидание целостного цивилизационного космоса, к осуществлению всеобъемлющего цивилизационного синтеза.

Российское цивилизационное самосознание оформилось исходя из всемирно-исторических задач, духа вселенскости и тяготения к свободному универсализму. Территориальная обширность, многонациональность и многоконфессиональность, культурная полифоничность, институциональная сложность свидетельствуют о подлинном универсализме российского цивилизационного процесса.

Далее мы попытаемся проанализировать ряд концепций отечественных мыслителей XX–XXI столетий, имеющих отношение к намеченной теме.

3.14.1. Национально-русское как духовно-вселенское

Лев Платонович Карсавин — выдающийся историк, философ, один из глубочайших ученых и мыслителей XX столетия. В своих многочисленных трудах («А. С. Хомяков», «Достоевский и католичество», «Восток, Запад и русская идея», «Путь православия», «О сущности православия», «Европа и Евразия» и др.) он раскрывает свое понимание русской культуры. В его видении, она глубочайшим образом укоренена в православной традиции, имеет православные духовные основы. Ее корень и душа — в православии. Восприятие человеческой жизни в неразрывной связи с жизнью других персон и бытием всего мира, возвышенное устремление к абсолютному, стремление к духовному преображению космоса и обретению персональной целостности — эти базовые ценностные линии русской культуры выводимы из ее православных истоков.

Следуя Л. П. Карсавину, православие живет вселенской идеей творческого раскрытия каждой церковью самобытного духовного содержания. При этом собственный духовный труд восполняется трудом других. Осуществление своих дарований сочетается с созидательным преломлением и претворением духовных достижений других православных церквей. Это и есть вселенская идея соборности, православный путь вселенского соборного делания, сотрудничества, когда духовные усилия одних восполняются творческими устремлениями других.

Вселенско-православная идея с наибольшей полнотой была выражена сначала восточными церквями, позднее Церковью Византийской, а затем Русской. Русская Церковь, являясь национальной, во всей полноте воплощает вселенскую православную идею. В связи с этим делается понятным заявление Л. П. Карсавина о том, что Православная Церковь есть по преимуществу Церковь Русская, ибо Русская Церковь живет совершенной вселенской жизнью.

Следуя мыслителю, православная традиция направлена на целостное преображение культурной жизни. Культурная проекция вселенско-православной идеи подразумевает раскрытие собственных культурных дарований при их творческом восполнении другими культурными мирами. Понятия и язык русской культуры обладают подлинно вселенским измерением, поскольку культурная проекция вселенско-православной идеи целостно осуществлена культурой русской. Русская культура актуализирует вселенское в особом, русском аспекте. Обладая жертвенной самоотдачей, она способна воспринимать в себя самобытные культурные начала и возносить их в соборное всечеловеческое единство.

Русская культура наиболее полно раскрывает универсальную ценность всечеловеческого духовного единения. Эта ценность глубоко собственно русская и в то же время общезначимая, всечеловеческая. Перед нами русский национально-всечеловеческий идеал.

Итак, с позиции мыслителя, в универсализме русского культурного сознания национальное свободно раскрывается как духовно-вселенское. Оно глубочайшим образом выражает идею соборного преображения бытия при сохранении всего своеобразного и уникального. При этом мир русской культуры противостоит разрушительному растворению всего духовно-неповторимого в обезличенном. Он противостоит энтропийным процессам, вызванным распространением национального эгоизма, духовного разъединения, отрицанием национального.

3.14.2. Россия как Европа, осложненная Азией

П. Н. Милюков — известный отечественный общественно-политический деятель и ученый. В своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры» он подчеркивает зависимость собственной концепции отечественного исторического процесса от идей Н. Я. Данилевского. Отодвигая на второй план точку зрения всемирной истории, П. Н. Милюков выделяет национальный организм в качестве единицы научного исследования.

Подчеркивая влияние на ход собственных мыслей теории культурно-исторических типов автора «России и Европы», ученый выдвигает тезис о своеобразных формах исторического движения национального организма. Национальное развитие содержит индивидуальные и неповторимые черты. Ученый констатирует необходимость изучения национальной истории как особого целого.

П. Н. Милюков не следует за Н. Я. Данилевским до конца. В отличие от автора «России и Европы» он категорически утверждает, что научная социология не должна отождествлять отдельные национальные организмы с неизменными и неподвижными культурными формами. Исследуя развитие национального организма, возможно обнаружить черты, уподобляющие его другим. Целесообразно выделить общие черты целостных национальных образований, описать их взаимную зависимость.

Милюков обосновывает возможность сравнения культурных типов. Мысль Данилевского о принципиальной непередаваемости начал одного культурно-исторического типа другим подвергается им критике. Вопреки Данилевскому национальные организмы тесно взаимодействуют и влияют друг на друга. Фактор влияния способствует проявлению самодеятельности народа, ибо национальная история всегда творится его внутренними силами.

Освободив культурно-историческую монадологию Н. Я. Данилевского от партикуляризма, наделив цивилизационные монады «окнами», П. Н. Милюков описывает на базе ее принципов культурную историю Европы. Европа — целостный культурный мир. Тем не менее европеизм — многоликая культурная форма. Европа едина и в то же время Европ много. Европа содержит в себе несколько культур-цивилизаций (надо сказать, П. Н. Милюков старательно избегает традиции противопоставления этих терминов).

Европейский универсум исторически осуществляет себя в ряде своеобразных, динамично развивающихся, взаимовлияющих организмов. Европейское жизнестроительное пространство вбирает в себя своеобразные цивилизационные европеизмы. Среди них — Русская цивилизация.

Итак, Русская цивилизация — европейская. Она развивается в общеевропейских линиях, развивается своеобразно в пределах европейской семьи народов. Данный процесс осуществляется не благодаря внешнему заимствованию западных форм. Он обусловлен всем ходом внутреннего формирования, параллельного западному.

С позиции П. Н. Милюкова, Русская цивилизация формировалась параллельно с Западной Европой уже на самых ранних этапах, закладывающих основы национального характера. Европеизм — собственная стихия русской жизни. Русская цивилизация обладает европейским характером даже на территории Сибири. Европейской она стала через принятие христианства (не без влияния славянофилов для автора «Очерков...» культура коренится в религии), победу над азиатской степью, образование европеизированного образованного класса. В ее месторазвитии даны общие Европе элементы. Анализируя природные условия становления Русской цивилизации, ученый указал на то, что Центральная Россия связывает Россию с Западом как географически, так и исторически. Районы же, которые ближе к Азии, исторически связаны с центром. И географически, и культурно Россия связана с Европой.

В то же время Россия представляет собой Европу, осложненную Азией. Византийские и норманнские влияния в России сочетались с восточными. Если следовать логике ученого, то и европеизм, и евразиянизм выступают неотъемлемыми компонентами отечественной истории. При этом евразиянизм теснейшим образом переплетается с европеизмом. Так, европеизм Русской цивилизации вызвал ее продвижение на евразийские пространства. Самобытный европейский духовный уклад определяет евразийский вектор ее движения. Фактически речь идет о видении России как глобального цивилизационного пространства, где осуществлялось сложное сочетание азиатских и европейских культурных начал.

3.14.3. Российское воссоединение Евразии как цивилизационный синтез

Антон Владимирович Карташев (отечественный историк, мыслитель, видный государственный и общественный деятель) проникновенно отметил в одной из своих работ, что совсем не случайно в «Очерках по истории русской культуры» П. Н. Милюкова половина II тома посвящена Церкви. Культура формируется под сильнейшим воздействием религии. Русская культура сформировалась под влиянием православия.

Как и П. Н. Милюков, отечественный ученый разрабатывает теорию русского европеизма. Русская культура — одна из европейских культур. Когда Владимир сделал выбор в пользу Византии, русские преобразились в строителей культурного космоса Восточной Европы. Следуя идеям историка С. М. Соловьева, А. В. Карташев видит в отвержении Московской Русью Флорентийской унии одно из великих решений, определивших судьбу страны. Отказ от унии, дистанцирование русского мира от инославного Запада под влиянием мысли о Третьем Риме окончательно утвердили особый восточноевропейский характер русской культуры.

Большое значение для постижения воззрений А. В. Карташева имеет его осмысление реформ Петра. Сущность великих преобразований XVIII века — в синтезе достижений европейской культуры и русской жизни на основе неизменной глубины русской ментальности. Появившаяся в итоге реформ Петра русская интеллигенция стала неопровержимым доказательством европейской природы русского гения.

Ее представителям удалось осуществить творческий синтез православных основ русской души с высшими достижениями европейской культуры. С позиции А. В. Карташева, петровский период открывает новую эру в истории человечества. Россия, утвердившись как русско-евразийское государство, вывела европейские миры на евразийские просторы, объединила Европу и Азию, воссоединила Западную и Восточную Европу, осуществив общечеловеческий цивилизационный синтез. Фактически речь идет о построении глобальной цивилизации на евразийских пространствах.

3.14.4. Россия в парадигме цивилизационного универсализма

Следуя Д. И. Менделееву, Россия «назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить...»². Это возможно в силу наличия признаков как европейской, так и азиатской культуры в России. Занимая промежуточное положение между Европой и Азией, наша страна призвана к реализации грандиозного евроазиатского синтеза. Указанные идеи определенно близки взглядам Ключевского, утверждавшего, что Россия есть «переходная страна, посредница между двумя мирами»³. «Культура неразрывно связала ее с Европой: но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда влекли ее в Азию или в нее влекли Азию», — писал отечественный историк⁴.

Д. И. Менделеев был убежден, что Россия «назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравнивания между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью»⁵. «Очевидно всем вдумчивым людям надобность как-то сочетать индивидуализм, развившийся преимущественно в Европе, с общественно-государственным строем, родившимся в Азии и там развившимся...» — отмечал он⁶.

Ученый затрагивает чрезвычайно важную тему. Взаимосвязанное развитие личности и межперсональной солидарности, соответствующее идее соборности и означающее превосходение как атомизирующего индивидуализма, так и обезличивающего коллективизма, — классическая нормативная позиция Российской цивилизации. Россия с исключительной глубиной раскрыла слаженное сочетание ценности личного развития и коммунитарных ценностей. Историческое определение Россией баланса коммунитарных и персональных ценностей делает притягательной перспективу освоения российских миростроительных принципов странами и народами. Равновесие между уважением к свободе личности и следованием общему благу, гармоничное сочетание заботы об общественном развитии, социально-нормативном порядке с индивидуально-личными идеалами, исторически присущие Российской цивилизации, позволяют увидеть ее духовный мир ценностным ресурсом мирового значения.

Сегодня российская цивилизационная модель способна придать различным сообществам стимул для творческого раскрытия собственных путей сочетания социального порядка, основанного на нормативных принципах, с утверждением значения свободного развития личности. Вдумчивое изучение российской истории раскрывает глубинную взаимосвязь культуры личностного самоопределения и питающей ее культуры социальной. Россия исторически осуществила ценность соборности, связывающую ценность социальной общности с вниманием к личному достоинству и свободе, реализовала принципы социального персонализма. Она воплотила ценностный синтез персональной свободы и ее солидарных социальных контекстов в архитектуре глобального цивилизационного пространства, превзойдя тем самым как западный индивидуализм, так и азиатский путь авторитарного коммунизма.

«Россия по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе — страна не только европейская, но и азиатская. Мы являемся как бы представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только вглубь европейского, но и вглубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Европой, и мне кажется, что название “Восточная Европа”, которое почти совпадает с понятием “Европейская Россия”, далеко не охватывает всего того различия, какое представляет сейчас наше государство в общем сонме европейских стран...» — считал В. И. Вернадский⁷. Для россиян «в отличие от западных европейцев возрождение Азии, то есть возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, — это есть наше возрождение»⁸.

Александр Александрович Кизеветтер — выдающийся отечественный историк. Причисляя себя к школе С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, он исходил из взгляда на историю России как части европейского культурного процесса. Для него русская культура принадлежит европейскому миру. В то же время ее историческое развитие глубоко своеобразно. Историк отвергает линейно-прогрессивные модели интерпретации исторического процесса, унифицирующие уникальные черты

национального пути. При всем том А. А. Кизеветтер утверждает наличие универсальных нормативных принципов, которые придают культуре общечеловеческий смысл, несмотря на всю систему национальных своеобразий.

Считая, что Россия сложилась на рубеже Европы и Азии, он говорит о сочетании европейских и азиатских начал в ее жизни, выдвигает тезис о большом значении азиатского элемента в историческом развитии страны. Однако такое соединение для него недопустимо трактовать в смысле поглощения европейских элементов азиатскими.

Близкие А. А. Кизеветтеру идеи развивал другой выдающийся мыслитель русского зарубежья — Петр Михайлович Бицилли. Отечественный историк убежден — в основе европейского культурного мира лежат христианские ценности. Их восприятие европейскими народами обернулось появлением своеобразных духовных стилей. Возможно выделение католической, протестантской и православной культур в Европе. Но и среди них допустимо выделять культурные типы. Например, целесообразно различать византийскую и русскую культуры в пределах единого православного мира.

«Колоссальные размеры полученного Россией наследия и полная свобода распоряжения им — что объясняется вовсе не отсутствием культурной традиции (потенциально русский народ принадлежал всегда к европейскому культурному кругу, будучи связан с ним единством веры, основой и источником культуры; культурная же традиция в подобных случаях усваивается сразу и полностью), но отсутствием порожденной культурой рутины — обусловили собою необычайное, исключительное совершенство русской культуры. Она явилась подлинной культурой свершений, осуществлений, апогеем европейской культуры», — считает мыслитель⁹. Итак, русская культура видится ему высшей формой культурной жизни Европы.

Выступая сторонником осуществления общечеловеческих начал в культурном бытии, П. М. Бицилли склонен считать, что Европа как величина культурная переросла свои географические границы. Выход за пределы провинциального культурного типа придал ей универсальный культурный смысл. Именно на путях духовной универсализации стала формироваться Русь-Евразия, Евразийская империя. Ее просторы превратились в пространство осуществления творческого синтеза европейских и азиатских начал. Начиная с XVI века историю России возможно анализировать в смысле грандиозной попытки восстановления стратегического культурного центра Евразии и тем самым воссоздания ее целостности.

Рассматривая взгляды отечественных ученых, важно отметить, что Россия-Евразия, представляя собой своеобразное совмещение азиатских и европейских жизненных стихий, тем самым являет принципы общечеловеческого культурного синтеза, а никак не замкнутого и отделенного непроходимыми границами от других культурного типа. В этом синтезе участвуют европеизм и азиатская культура в качестве субъектов культуротворческого процесса. Итогом синтезирующего взаимодействия выступает целостная форма универсальной общечеловеческой цивилизации.

3.14.5. Большая цивилизационная идея как российский путь Евразии

Размышляя о судьбах России и мира, выдающийся отечественный мыслитель А. С. Панарин отмечал, что современная Россия столкнулась с пониженным тоном Западной цивилизации, ситуацией бунта Запада против классического наследия Европы, революционно-нигилистического отрицания, разрушительной деконструкции Западом собственных духовных основ. После постмодернистских культурных революций и победы в холодной войне классический для Европы универсалистско-гуманистический дискурс подвергся серьезной ревизии. Универсалистский просвещенческий дискурс, имеющий христианские истоки, стал замещаться на Западе сепаратными стратегиями общества потребления, навязыванием миру несправедливой и бездуховной модели глобализации, противоречащей наследию европейского культурного универсализма и грозящей общепланетарной катастрофой.

А. С. Панариным предлагается славянофильский подход к преодолению европейского кризиса, подразумевающий его осознание в качестве собственной проблемы. Речь идет о пути совестливого глобализма, поиске решения европейских вопросов через обращение к просвещенческо-гуманистическим началам, данным в российской истории.

Напомним, что именно классическое славянофильство выдвинуло проект Русского Просвещения в качестве универсального ответа на европейские и, шире, общемировые вызовы, что предполагало восприятие русской культуры как принадлежащей европейской семье народов, а России — как глобального миростроительного пространства.

Следуя мыслителю, Русская Идея Евразии зиждилась на принципах Просвещения, которое воспринималось в общецивилизационном ключе. Проект Просвещения означал экуменическое цивилизационное строительство. Евразийский мессианизм России был обусловлен ценностями цивилизационного универсализма, большой цивилизационной идеей.

Рубеж XVII—XVIII веков видится мыслителю осевым временем русской истории. Посредством реформы Никону удалось преобразовать этнографическое православие в цивилизационную церковь — церковь, ориентирующуюся на великую письменную (цивилизационную) традицию, а не малую народную (устную). Отныне Русская Церковь предстала как спланирующая в единой вере множество этносов. Петровские реформы привели к возведению здания Большой государственности. Отвергая романтическую идеализацию традиций, мыслитель выдвигает тезис, что они нуждаются в творческом разумно-сознательном продолжении, неустанной культивации. В петербургский период как раз и была осуществлена культивация российской народной почвы. Петербург — воплощение духовной творческой свободы и высочайших достижений русской культуры. Собственно, в петербургскую эру и произошло цивилизационное оформление евразийского пространства — не в качестве замкнутого культурного типа, а в смысле экуменических цивилизационных просторов, на которых реализуется диалог народов мира.

Мыслитель убежден — XVIII век был крайне продуктивным для России. То была эпоха оптимистического просвещенческого ойкуменизма, совпавшего во многих существенных моментах с интенциями русского православного мессианизма. Иными словами, миссия России в Евразии была итогом глубинного синтеза русского мессианизма с цивилизационным мессианизмом Просвещения, следствием включения последнего в православные духовные поля.

Большое государственное строительство органически соединило Просвещение и жертвенно-мессианский христианский дух, что привело к коллективному прорыву в современность народов Евразии в контексте осознания единой евразийской судьбы, целостного евразийского цивилизационного пространства.

С эпохи Петра Россия окончательно заняла место духовного центра Евразии, став носителем универсалистского цивилизационного дискурса, что способствовало максимальному высвобождению творческих энергий на евразийских просторах.

Следуя А. С. Панарину, исторически Россия воплотила идею единого цивилизационного пространства, включающую и утверждение единых прав человека вне зависимости от конфессиональной и национальной принадлежности.

На взгляд мыслителя, роль России в Евразии сегодня должна снова совпасть с цивилизационной миссией Просвещения. Речь идет об универсальном Просвещении в лучах русского слова.

В отношении с Западом России необходимо прибегнуть к избирательному социокультурному протекционизму, основанному на акцентировании собственного цивилизационного пути. Важен такой режим работы социокультурных фильтров, когда открывается путь проникновению технологических инноваций (речь идет и о социальных технологиях), культурных достижений, но ставятся преграды на пути информационных потоков, сознательно направленных или могущих привести к подрыву российских ценностных систем.

По отношению к ближнему зарубежью мыслителем предлагается стратегия открытого социокультурного пространства, где страна выступает в роли культуры-донора. Беспрепятственные контакты с Россией посредством сохранившейся единой информационной и экономической инфраструктуры могут обеспечить трансляцию современных культурных достижений, передового модернизационного опыта в целях его эффективного применения. Институирование подобных контактов обернется новой фазой развития единого экономического, правового, информационного пространства.

А. С. Панарин также настаивает на объединении идеи цивилизационной, восходящей к римско-византийским истокам, с идеей демократической. С его точки зрения, важно увидеть перспективу

их интеграции. Цивилизационная трактовка демократии означает ее осознание системой социокультурного плюрализма и терпимости. Современная западная модель демократии рассматривается мыслителем как гегемонистская. Будучи нетерпимо-гегемонистской и западоцентристской, она игнорирует культурную, конфессиональную, этническую терпимость, что во многом дистанцирует ее от собственно цивилизационного принципа. Преодоление гегемонизма и нетерпимости делает демократию адекватной цивилизационной идее. Цивилизационная демократия — значимая составляющая развития евразийского пространства с точки зрения А. С. Панарина. На наш взгляд, важно подчеркнуть, что проект цивилизационной демократии системно осуществлялся Россией на евразийских просторах.

Итак, основанием российской интеграции Евразии исторически выступает универсальный цивилизационный текст. Он может быть назван евразийским в общечеловеческом значении. Именно в таком смысле, следуя мыслителю, можно говорить о евразийском Просвещении. А. С. Панарин убедительно призывает к актуализации российско-евразийского цивилизационного проекта, видя в такой актуализации стратегию предотвращения возможной общепланетарной катастрофы, которую в состоянии спровоцировать западная модель глобализации.

На наш взгляд, идеи отечественных мыслителей носят взаимодополняющий характер. Россия сложилась на путях универсализации культуры, в общечеловеческих духовных синтезах. Принципиально значимо цивилизационно-универсалистское прочтение российского историко-культурного пути. Российская цивилизационная форма характеризуется универсализмом. Она имеет вселенско-общечеловеческое значение.

- 1 См.: Wescott R. W. Comparing Civilizations: An Unconsensual View of Culture-History. Atherton, 2000.
- 2 Менделеев Д. И. К познанию России. М., 2002. С. 180.
- 3,4 Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 46.
- 5 Менделеев Д. И. Указ. соч. С. 181–182.
- 6 Там же. С. 276–277.
- 7 Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 63–64, 246.
- 8 Вернадский В. И. О науке. СПб., 2002. Т. 11. С. 64.
- 9 Бицилли П. Трагедия русской культуры. Современные записки. 1933. LIII. С. 298–299.

3.15. ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ И РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

3.15.1. Истинный образ Византии

Сегодня объектом неолиберальной и постмодернистской деконструкции выступают история и культура Византии. Разрушительная критика Византии, на взгляд идеологов постмодернизма и неолиберализма, позволяет «справиться» с тремя задачами. Во-первых, «осуществить» ревизию европейской идентичности, оторвав ее от христианского и античного классического наследия (транслятором которых выступала Византия), провозгласив, что мир Европы лишен укорененности в истории и должен строиться с чистого листа. Во-вторых, «ниспровержение» Византии дает «новые шансы» в информационной войне против России как ее легитимной продолжительницы, не желающей терять свой суверенитет в ходе социально-технологических операций, ведущих к упразднению независимых сообществ. В-третьих, деконструкция Византии должна воспрепятствовать раскрытию интеграционного потенциала византийского наследия на евразийском пространстве.

Неолиберальная и постмодернистская критика Византии отнюдь не блещет идеями и аргументами. Можно услышать исторически несостоятельные тезисы о тоталитарном государстве, неэффективной азиатской деспотии, нетолерантной, презирающей право варварской империи. На первый взгляд кажется, что речь идет об эпигонах Эдуарда Гиббона (1737—1794), который выразил взгляд на исторический путь Византии как процесс упадка Римской империи¹. Но более пристальный анализ показывает, что постмодернистские деконструкторы далеки от давно опровергнутой наукой теории Гиббона. Последний при всем холодном отношении к Византии видел в ней продолжение истории идеализируемого им Рима — носителя идеалов просвещения и гражданской культуры.

Не так сложно узнать в концепции Гиббона традиции гуманистической историографии Византийской империи, не отделявшей византийский мир от классического². Нельзя забывать, что ученые эры Просвещения (к которым принадлежал Гиббон) усматривали истоки своей деятельности в классическом Риме и Греции. Для адептов же постмодернизма по отношению к классическому наследию Рима и Греции допустимы те же техники деконструкции, что и по отношению к Византии. Им важно провозгласить эмансипацию как от христианской Античности Византии, так и от Античности дохристианской. Для них значимо «освобождение» от Античности как таковой, во всех формах, поскольку в ее смысловом пространстве формировались неприемлемые для постмодернизма классические представления о суверенном субъекте, а также теснейшим образом взаимосвязанные с ними представления о народном суверенитете. Напомним, византийцы видели основания своего единства в суверенитете, отождествляя себя с суверенным римским народом — исторической общностью, ждущейся на соучастии в государственной жизни царства римлян и культурном континуитете.

В целях воссоздания подлинного образа Византии мы предлагаем обратиться к анализу достижений зарубежной исследовательской традиции. Западным постмодернистским идеологемам, фальсифицирующим историю, может быть противопоставлен образ Византии, выработанный усилиями евроамериканских исследователей. Попытаемся изобразить его основные черты.

¹ См.: Gibbon E. The History of the decline and fall of the Roman Empire: L., 1776–1788. Vol. 1–7.

² См.: Леонардо Бруни Аретино (1369–1444): Bruni L. (Aretino). Historiarum Florentini populi libri duodecim, Ditta di Castello, 1927; Флавио Бьондо. Historiarum ab inclinatione Romanorum imperiae Decades III. Roma, 1483.

3.15.1.1. История Византии — продолжение истории Римской империи

Византийская империя есть преобразенная Римская¹. История Византии представляет собой эволюцию греко-римских традиций и образов жизни². Византия была органическим продолжением и развитием империи Римской. Византийское общество являлось продолжением античного. Интересно отметить, что основатель английской школы византиноведения Дж. Б. Бьюри принципиально отказался от названия «Византийская» и говорил о «Позднеримской» (до 800 года), а затем «Восточно-римской» (с ее эллинизацией в IX веке) империи³. Если на территории Западной Европы свершился разрыв с римскими традициями, то в Византии претворилось в жизнь непрерывное развитие римской государственности, учреждений, публичного права, римского города, техники, искусств и науки⁴. Византийская история представляет собой историю Античности в эру Средневековья⁵.

¹ См.: Heisenberg A. Staat u. Gesellschaft des byzantinischen Reiches. «Kultur der Gegenwart», 2 Aufl., Leipzig, 1923; Острогорский Г. Отношения церкви и государства в Византии. «Seminarium Kondakovianum», IV, 1931; Charanis P. On the Social Structure of the Later Roman Empire, «Byzantion», v. XVII, 1944–1945; Darko E. Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'empire romain aux premiers siècles du moyen âge, «Byzantion», 1946–1948, t. XVIII; Byzantium. An introduction to East Roman civilization / Ed. by N. H. Baylies and H. St. L. B. Moss, Oxford, 1949.

² См.: Demougeot E. De l'unité à la division de l'Empire romain (395–410). Paris, 1951; Rouillard G. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1953.

³ См.: Bury J. B. History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). 2 vols. L., 1889; Bury J. B. History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (802–867). L., 1912; См. также: Dagron G. La romanité chrétienne en Orient. Heritages et mutation. L.: Variorum Reprints, 1984.

⁴ См.: Geanakoplos D. T. Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966.

⁵ См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949. T. II.

3.15.1.2. Византия — цивилизация культурного континуитета, творческих синтезов, ценностного универсализма

В Византии продолжали жить греко-римское наследие, традиции римского государственного устройства и права, эллинские и эллинистические традиции общественной жизни и культуры. Византия была восприимчивой культур Древнего Востока. Мир Востока являлся органической составляющей Византийской цивилизации. Разнообразные культурные миры цвели в Византии своей самобытной жизнью, сохраняя непрерывное и преемственное развитие. Греческая и римская культуры, эллинистические традиции, восточные ценности были слагающими византийского цивилизационного процесса. На глобальном пространстве Византии осуществлялось взаимопроникновение культурных вселенных.

Византийская цивилизация несла начала духовного универсализма. Расположенная между Востоком и Западом, она вбирала в себя оба мира. Раскрывая европейскую культурную самобытность, она являла неповторимые культурные лики Востока¹. Вместе с тем это именно характеризующаяся универсализмом особая цивилизация, а не лишенное цивилизационной субъектности поле культурных контактов. Перед нами самостоятельная и самодостаточная цивилизационная структура², творчески претворяющая взаимодействие культур в органические синтезы (греко-римский, евроафроазиатский, латино-греко-азиатский и др.).

¹ См.: Hussey J. M. The Byzantine World. London, 1957; Winkelmann F., Gomolka-Fuchs G. Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987; Ducellier A. Les Byzantins — Histoire et culture. P., 1988; Каплан М. Византия. М., 2011. См. также работы Vryonis S.: Byzantium: The Social Basis of Decline in the Eleventh Century. Greek, Roman and Byzantine Studies, 11, 1959; Byzantium its internal history and relations with the Muslim World. L., 1971. См.: Stein E. Histoire du Bas-Empire. Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949. T. II.

² См.: Otto W. Kulturgeschichte des Altertums. München, 1925; Диль. Ш. Основные проблемы византийской истории. М., 1947.

3.15.1.3. Византия — цивилизация христианского гуманизма

Византия — Римская империя, преобразенная христианскими ценностями, христианизированная Римская империя¹. Византийская церковь со всем основанием может быть названа народной. Она не отделяла себя от общества. Это была свободная церковь, более свободная, чем римская. Ее деятельность не может быть истолкована в ракурсе цезарепапизма, конформистского обслуживания государственных интересов². Православие стимулировало историческое развитие империи³. Это была культуротворческая сила, поддерживающая империю⁴, что оборачивалось нераздельностью империи и ортодоксии в византийском цивилизационном организме⁵. Христианство — основополагающая суть византийской цивилизации⁶. Православие способствовало утверждению идеи достоинства личности, ее правовой защиты от различных форм насилия и принуждения⁷. Византийский исихазм, будучи всенародным движением, распространяя идею обожения, утверждал представление о высочайшем достоинстве личности и может быть назван «демократией в рясах»⁸. Православие отнюдь не означало разрыва с культурой прошлого. В Византии был осуществлен синтез христианства и античного наследия. Церковь выступила творческой силой, содействовавшей сохранению достижений и продолжению традиций античной цивилизации. Развитие Византии определялось принципами гуманизма. Византийский гуманизм был христианским. Он был наполнен христианскими ценностями⁹. Будучи религиозным обществом, Византия была носителем светских традиций образования. Византии присущи разумный баланс светского и религиозного¹⁰, их гармоничное единство в цивилизационном организме¹¹.

¹ См.: Грегуар А. Византийская церковь // Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization / Ed. by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. С. 86–135.

² См. там же работы Н. Бэйна, Ш. Дили и А. Грегуара. О том, что церковная жизнь Византии не строилась на основании принципов цезарепапизма и церковь не отделяла себя от общества, см.: Geanakoplos D. T. Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966; Браунворт Л. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012.

³ См.: Seston W. Diocletian et la tetrarchie. Paris, 1946; Holsapple L. B. Constantine the Great. New York, 1942; Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz, Wien, Köln, 1965.

⁴ См.: Jenkins R. Byzantium: The Imperial Centuries. A. D. 610 — to 1071. London, 1966.

⁵ См.: Ducellier A. Les Byzantins — Histoire et culture. P., 1988.

⁶ См.: Winkelmann F., Gomolka-Fuchs G. Frühbyzantinische Kultur. Leipzig, 1987.

⁷ См.: Frank Thiess. Die griechischen Kaiser. Die Geburt Europas. Hamburg / Wien, 1959.

⁸ См. п. 2.

⁹ См.: Ducellier A. Les Byzantins — Histoire et culture. P., 1988; Dagron G. La romanité chrétienne en Orient. Heritages et mutation. L.: Reprints, 1984; а также см.: Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization / Edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss. Oxford: At the Clarendon Press, 1948; Лемерль П. Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века. СПб., 2012.

¹⁰ См.: Браунворт Л. Указ. соч.; Лемерль П. Указ. соч.

¹¹ См.: Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.

3.15.1.4. Византия — целостный государственно-цивилизационный организм

Византия исторически представляла собой единый и целостный государственно-цивилизационный организм. Мощное духовное влияние Византии обусловлено как ее интенсивной культурной

жизнью, так и продуманной культурной политикой государства¹. Последняя выступила силой, осознающей всё значение задач сохранения, передачи и распространения античного наследия². Государственный аппарат обеспечил сохранение и трансляцию античного наследия через создаваемые и регулируемые им механизмы. Он был задействован в целях культурного расцвета империи³. Вдохновляемое возвышенными культурными идеалами, византийское государство спасло для будущих поколений наследие Античности⁴. Это было возможным, так как единство страны, общественно-государственную целостность скреплял выражающийся в уважении к традициям консервативный дух⁵.

- ¹ См. работы родоначальника французского византиноведения А. Рамбо: L'Empire grec au dixieme siecle. Constantin Porphyrogenete. Paris, 1870; Etudes sur l'histoire byzantine. Paris, 1912.
² См.: Энслин В. Император и имперская администрация // Byzantium. An Introduction to East Rome Civilization / Edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss. Oxford: At the Clarendon Press, 1948. С. 268–307.
³ См.: Rambaud A. Etudes sur l'histoire byzantine. Paris 1912; Bréhier L. Vie et mort de Byzance. Paris, 1947.
⁴ См.: Karayannopoulos I. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.
⁵ Bréhier Louis. Le Monde byzantine. Paris, 1947–1950 (3 volumes).

3.15.1.5. Византия – народное государство, империя общего блага, монархия с демократическими чертами

Органическое сочетание монархического принципа с суверенностью народа — фундамент общественно-политической жизни Византии. Византия была народной монархией — сильным централизованным государством, созидающимся народной энергией и являющимся проводником народной воли¹. Византийская монархия была чужда цезарепапизму и не может быть однозначно отождествлена с восточной деспотией. Она была ограничена следованием общему благу, подразумевавшему единство материальных и духовных ценностей, христианскую нравственность, задачи сохранения, трансляции, распространения культурного наследия, ответственность перед народом. Ограничивалась она церковью, подчинением нормам естественного права, различными учреждениями и др. Византийская монархия имела демократические черты. Демократические элементы придавали византийской государственности гибкость и устойчивость². Некоторые исследователи склонны видеть в византийской государственности форму конституционной монархии — монархии, ограниченной конституцией и правом на революцию³. Византийская общественная жизнь характеризовалась динамизмом. Социально-политические институты империи находились в непрерывном развитии⁴. Социальная структура Византии была близка современной и обеспечивала значительно больше свободы, нежели в государствах Западной Европы того времени⁵.

- ¹ См.: Paillard À. Histoire de la transmission du pouvoir imperial à Rome et à Constantinople. Paris, 1875.
² См.: Ensslin W. Der Kaiser in der Spätantike, «Historische Zeitschrift». 1954. Bd. 7; Karayannopoulos J., Der frühbyzantinische Kaiser, «Byzantinische Zeitschrift». 1956. Bd. 49; Diehl Ch. Le Senat et le Peuple Byzantin au VII et VIII siecles, «Byzantion». 1924. Vol. 1; Bréhier L. La civilisation byzantine, Paris, 1950. См. работы Р. Гийана: Recherches sur les institutions byzantines, Amsterdam, 1967. Vol. I–II. См.: Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz: Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln, Weimar, Wien, 2001.
³ См.: Bury J. B. The Constitution of the Later Roman Empire. L., 1910; Bury J. B. The Imperial Administrative System in the Ninth Century. L., 1911.
⁴ См.: Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1940.
⁵ См.: Браунворт Л. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012.

3.15.1.6. Византия – центр исторического развития, источник проекта современности, средоточие стратегической стабильности и миростроительное государство

Глубокое исследование истории Средневековья поколебало западоцентристские трактовки этой эпохи. Центром исторического развития в эру Средних веков была отнюдь не Западная Европа. Напротив, в средневековом мире Западная Европа являлась слабо развитой периферией. Именно Средиземноморский бассейн, на который распространялась власть Константинополя, выступал средоточием развития в средневековую эру. Мир Средних веков может быть увиден эпохой раз-

вития и влияний греко-римской цивилизации со столицей в Константинополе, эпохой, ограниченной периодом от основания Константинополя до его падения¹. Пространство Византийской империи было осью цивилизованного универсума². Византия — государство, ставшее факелом цивилизации³.

Византия — великая держава в современном значении этого слова⁴. Цветущая экономика, развитие правосудия, финансовой системы, дипломатии, почты, армии, зиждущейся на принципах закона гражданской жизни, рационального бюрократического аппарата, сильной центральной власти, успешно обеспечивающей социальный порядок и независимость экономики, дают основания считать Византию образцом современного государства в эру Средневековья⁵. Византийская империя своими великими цивилизационными достижениями участвовала в создании современного мира⁶.

Византия справедливо может быть увидена средоточием стабильного развития посреди трех континентов⁷. Это было миростроительное государство, не стремящееся к колониальным захватам, а лишь к удержанию границ и распространению цивилизационного влияния⁸. Между Византией и рядом стран (прежде всего Восточной Европы) существовали глубинные религиозные, культурные, экономические и другие связи, дающие основания говорить о наличии Византийского содружества как универсалистской общности, византизированной социокультурном пространстве. Оно не имело ничего общего с моделью зависимых государств, а также с западным пониманием вассальных связей. Византийское содружество не знало эксплуатации и угнетения одних стран другими⁹.

- ¹ См. работу американского профессора Дж. Ла Монте: La Monte J. L. The World of the Middle Ages. New York, 1949.
² Byzantion XVI, t. 2 (1942/3), Book Reviews; Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, Beck, 1940.
^{3,4} См.: Karayannopoulos I. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.
⁵ См.: Bréhier Louis. Le Monde byzantin, Paris 1947–50 (3 volumes). См. также: Андреадис А. Общественные финансы: монетная система, общественные расходы, бюджет, общественные доходы // Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization / Edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss. Oxford, At the Clarendon Press, 1948. P. 71–85
⁶ См.: Браунворт Л. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012. См. также 5.
⁷ См.: Мосс Г. Очерк истории Византийской империи // Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization / Edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss. Oxford, At the Clarendon Press, 1948. P. 1–32
⁸ Ducellier A. Les Byzantins – Histoire et culture. P., 1988.
⁹ Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500–1453. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971.

3.15.1.7. Византийское влияние на развитие Западной Европы как фундаментальное

Византия оказывала большое влияние на судьбы западноевропейского мира. Формирование последнего не может быть понято вне контекста византийской истории¹. Развитием городов, организацией флота, торговли и ремесла, подъемом промышленности, бурным развитием экономики с IX века, формированием правовых систем, хорошо управляемых и упорядоченных государств Западной Европа обязана Византии². Византия задала вектор развития западноевропейского мира. Она стала источником политических и культурных форм для Европы. Византийское влияние на Западную Европу может быть названо фундаментальным³.

Опираясь на зарубежные исследования, надо сказать, что Византийская цивилизация представляла собой единый и целостный государственно-цивилизационный организм, осуществляющий сохранение и трансляцию культурного наследия. Византийская государственность, будучи имперско-монархической, обладала демократическими чертами. Византия — народная империя, зиждущаяся на творческих энергиях свободного народа. Она являлась империей, следующей общему благу, означающему ориентацию как на материальные ценности, так и возвышенные культурные блага. Это было миростроительное государство, стремящееся не к колониальным захватам, а к развитию своего цивилизационного пространства и распространению цивилизационной идеи. Византия несла стратегическую стабильность в евразийские миры.

Миростроительное, стабилизирующее, цивилизующее, культурирующее значение Византии определялось особыми характеристиками ее духовного мира. Это была цивилизация культурного континуитета, всемирных духовных синтезов (культурного универсализма), христианского

гуманизма. На ее пространстве культурные традиции сохранялись, претворялось в жизнь их непрерывное, преемственное развитие, они вступали в творческие диалоги и формировали синтезы. Византия — самостоятельная и самодостаточная цивилизационная структура, характеризующаяся культурным универсализмом. Восполнение христианского видения личности формами античной культуры привело к образованию христианского гуманизма и превращению его в стержневое начало византийской духовной жизни.

Несомненно, именно в Византии осуществился прорыв к современной эре. Византия — источник проекта современности. Своими очевидными достижениями (в сфере экономики, права, общественной и политической жизни, науки, техники и другими), жидущимися на тщательно разработанном учении о свободном суверенном субъекте, Византийская империя участвовала в организации современного мира. Безусловно, Западная Европа испытала сильное влияние Византии. Народы Запада черпали из Византии социально-политические, правовые, экономические, технологические, культурные формы, становящиеся движущими силами их развития и давшие им конкурентные преимущества в борьбе за лидерство. Византийское влияние на западный мир приобрело тем самым фундаментальный характер.

¹ См.: La Monte J. L. The World of the Middle Ages. New York, 1949.

² См.: Geanakoplos D. T. Byzantine East and Latin West: two Worlds of Christendom in Middle Ages and Renaissance. Oxford, 1966.

³ См.: Jack Lindsay. Byzantium into Europe. London, 1952.

3.15.2. Византизм: сущностные характеристики и пути усвоения

Известный отечественный мыслитель и историк Тимофей Николаевич Грановский справедливо говорил о том, что «мы приняли от Царьграда лучшую часть народного достояния нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования»¹. Подчеркнем, Т. Н. Грановский рассматривает византийское наследие как часть национального достояния. Византийская традиция оказывается тем самым органически включенной в отечественную культуру, делается неотъемлемой составляющей российского культурного наследия.

«Наше русское прошлое связало нас нерасторжимыми узами с Византией, и на этой основе определилось наше русское национальное самосознание», — отмечал выдающийся отечественный византист Юлиан Андреевич Кулаковский². На взгляд ученого, непосредственное культурное взаимодействие с Византией повлияло на сами основы русского национального самоопределения и самосознания. Обращение России на Запад, начавшееся в ходе петровских преобразований, не затронуло этих основ. Через принятие христианства византийские начала вошли в народное сознание и русскую жизнь³.

Ю. А. Кулаковский верно описывает взаимодействие России с Византией как целостный религиозно-культурный процесс, не отделяя религиозное воздействие Византии от культурного. Действительно, принятие христианства повлекло сложение нерасторжимых культурных уз. Речь, конечно, идет о свободных культурных узах. Византийские начала свободно вошли в ткань русской жизни. Они повлияли на русское национальное самоопределение, которое осуществлялось в творческой свободе. Представляется верным говорить о свободных российско-византийских культурных узах, свободном соединении византийских и русских духовных начал, определивших пути отечественного историко-культурного процесса.

Великий русский византист Федор Иванович Успенский считал, что «утверждение знаний о Византии и выяснение наших к ней отношений в высшей степени обязательно для русского ученого и не менее полезно как для образования, так и для направления на верный путь русского политического и национального самосознания»⁴. Несомненно, усвоение византийского наследия стало мощным фактором сложения национально-цивилизационного самосознания России. Византийская традиция во многом определила стезю Российской цивилизации. Но каковы были пути усвоения византийского наследия? Что и как усвоила Россия?

Ф. И. Успенский обоснованно видел в Византии очаг и светоч просвещения, источник цивилизующего воздействия. Под византизмом он понимал начала, организующие историческую

жизнь византийского государства. Речь идет о началах, которые привели к постепенному преобразованию Римской империи в Византийскую⁵. Он говорит также о византизме как о созданном народами Европы и Азии своеобразном культурном типе⁶.

Обе трактовки византизма у Ф. И. Успенского глубоко взаимосвязаны. Начала, организующие историческую жизнь византийского государства, являются и началами, формирующими своеобразие византийского культурного типа. Подобное взаимоотношение трактовок объяснима тем, что говоря современным языком, Византия была государством-цивилизацией, государством, неотделимым от целостной культурно-цивилизационной парадигмы. Поэтому начала, организующие государственную жизнь Византии, во многом совпадают с началами ее культурной жизни.

С позиции Ф. И. Успенского, византизму как типу культуры свойственны начала православной духовности. Эти начала привели к формированию многонародной православной империи.

Ученый считает, что византизм формируется в итоге влияний восточных и эллинской культур на романизм. Эти влияния привели к постепенной замене латинского языка на греческий, а также к своеобразному характеру развития культуры в целом, включающему в качестве неотъемлемой составляющей восточные культурные предания и образцы⁷. «На Востоке романизм встретился со старыми культурами: иудейской, персидской и эллинской, которые не только оказали ему значительное противодействие, но, в свою очередь, имели на него разнообразные влияния. На почве римской администрации и правовых римских воззрений появляются наслоения и придатки особого рода...» — отмечал Ф. И. Успенский⁸. Следуя его взглядам, византизму как культурному типу свойственно сложное взаимовлияние многообразных культурных традиций Азии и Европы. Эти традиции сохраняли свою самобытность, преемственное и непрерывное развитие, взаимопроникали и синтезировались на пространстве империи. При этом во взаимодействии греческих, римских, славянских, азиатских и др. культурных миров организационная роль принадлежит культуре греческого народа.

С позиции Ф. И. Успенского, повлияла на развитие Византии и славянская иммиграция. Она повлекла реформы в социальной, экономической, военной системах. Славянская мирная колонизация принесла свободные общинные порядки, ставшие опорой византийской монархии. Тем самым проникновение славян серьезно затронуло общественно-государственные отношения внутри империи. Фактор славянской мирной колонизации способствовал утверждению Византии как народной монархии, народного государства, созидающегося вольным почином суверенного народа, что выражало начала византизма.

«Задача обновления древней империи принятием новых народов разрешилась на Востоке гораздо благоприятнее, чем на Западе. В этом отношении главнейше имеется в виду славянская колонизация. Византийская империя не только нашла способ воспринять в себя новые этнографические элементы, т. е. поставить варваров в такое положение, в котором бы они с наибольшей пользой служили целям империи, но еще представила опыт согласования романизма и эллинизма с началами, воспринятыми от новых народов», — писал ученый⁹. Византия не разрушила социокультурные основания жизни славян, как не делала этого и по отношению к другим народам. Она не обрывала преемственность их социокультурного бытия, а согласовывала их жизнь с принципами эллинизма и романизма. Она признавала за всеми народами право на культурное наследие.

Если исходить из идей Ф. И. Успенского, то своеобразие Византии как государственно-культурной формы было связано с началами православной духовности, повлекшими оформление православной империи, культурного универсализма, превратившего империю в пространство сочетания многообразных традиций Европы и Азии. Оно определялось народным характером сложения государственности, а также воплощением целостных стратегий сохранения самобытности и преемственного развития культурных организмов, вошедших в состав империи. Иными словами, культурно-государственная жизнь Византии жидилась на началах народности и культурного континуитета.

Ф. И. Успенский, как и Т. Н. Грановский, отмечает отсутствие органической связи между Византией и народами Западной Европы¹⁰. «Таковы отношения, которые существовали между Византией и Западной Европой. Первая была рассадником культуры, а вместе с тем и предметом разного рода хищений и мирных заимствований, тогда как западноевропейские народы платили ей лишь завистью, недоброжелательством и жестокостями. Не то нужно сказать об отношениях Византии

к Восточной Европе и к славянам», — небезосновательно замечает он¹¹. На его взгляд, византизм стал организующим началом исторического процесса, принципом исторической жизни восточноевропейских народов, а также идеалом развития славянского мира. Это сделалось возможным посредством особого, органического характера византийско-славянских отношений¹².

Сложно не согласиться с Ф. И. Успенским: гармоничное и тесное взаимодействие Византии со славянами привело к превращению византизма в организующее начало исторического развития и идеал славянского мира. Но в таком случае следует признать, что православная духовность, культурный универсализм, стратегии сохранения культурной самобытности и преемственности духовного развития народов, всенародный характер формирования государственной системы сделали Русско-Российской цивилизации как преемнице Византии. Следует признать передачу и усвоение начал византийской государственной и культурной жизни Россией.

Немаловажное значение имеет тезис Ф. И. Успенского о Российской империи как восточном государстве¹³. На взгляд ученого, включающая огромные восточноазиатские регионы Российская империя предстает как восточное государство. С его позиции, расширение России на восток обусловлено усвоением византийского наследия. Византия культурно и территориально вбирала в себя восточноазиатские пространства. Россия наследует и развивает данную тенденцию.

Думается, что идеи Ф. И. Успенского могут быть гармонично дополнены размышлениями великого отечественного востоковеда Бориса Александровича Тураева: «Если, таким образом, до сих пор Европа многим пользуется из того, что выработано на Востоке несколько тысячелетий тому назад, то наше отечество находится с ним в еще более близких связях. Я уже говорил о наших [до метрических] мерах и нашем алфавите, более близком к своему первоисточнику. Кроме этого, у нас были и литературные связи. Влияние византийской культуры на нашу сблизило нас духовно с другими потомками великих древневосточных культур, ведь и сама Византия покоится не на одной Греции и даже не на одном эллинизме. Восточная империя переварила в себе богатое культурное наследство, полученное из разных источников и от разных народов, вошедших в ее состав, и уже в таком виде передавала его дальше подчинившимся ее культуре народам. Вот почему одни и те же литературные памятники так часто оказываются и в славянском, и в коптском, эфиопском, армянском, сирийском облике, вот почему церковную живопись коптов можно принять по ошибке за старые русские иконы, а произведения песнопевцев греческой и русской церкви по манере, стилю и тону напоминают не Гомера и Пиндара, а древневавилонские и египетские гимны»¹⁴.

Продвижение России в Азию, несомненно, обусловлено ее глубинными духовными связями с Востоком. Эти связи, духовная близость с Востоком во многом имеют источником цивилизационное взаимодействие Византии и России. Принципиально важно отметить факт наследования всей полноты универсального византийского культурно-цивилизационного синтеза Россией. Через Византию Россия во всей полноте стала сопричастна как культурному наследию Европы, так и Азии. Вслед за Византией она интегрировала оба культурных мира.

«Византийскую империю часто сравнивают с мостом, перекинутым между Западом и Востоком; и дело не только в разнообразнейших связях — торговых, экономических, дипломатических; вся византийская культура представляла собой неповторимый сплав живых и до самого конца не утраченных в ней своего значения античных традиций с древней культурой населявших восточные области империи египтян, сирийцев, народов Малой Азии и Закавказья, а также племен Крыма, славян, иллирийцев, других народов. Не следует, однако, думать, что это хаотическое нагромождение разнородных культурных элементов; напротив, Византию отличало единство — языковое, конфессиональное и государственное. При всей многоэтничности империя имела одно главное этническое ядро — греков, в ее культурной жизни с VI века преобладал греческий язык. В стране господствовала христианская религия в ее православном исповедании. Наконец, империя Ромеев сохранила не только имя, но и главное наследство Рима — устойчивую государственность, сильную императорскую власть и централизованное управление», — характеризует жизнь Византийской империи известный отечественный византист Зинаида Владимировна Удальцова¹⁵. На ее взгляд, Византия воплотила в жизнь реальное и полнокровное синтезирование греко-римских и восточных традиций. Подчеркнем, это был именно синтез — ценностно-организованное и рационально-упорядоченное гармоничное соединение элементов. Как справедливо указывает З. В. Удальцова, синтез осуществ-

лялся под воздействием греко-римских начал, при их превалировании, что никоим образом не снижает роль восточных традиций, которые всегда были неотъемлемой составляющей византийской жизни¹⁶. Характеристики Византии, данные З. В. Удальцовой, означают наличие этнокультурного и этноконфессионального ядра империи. Опиравшееся на римские государственные традиции и православие, византийское многонародное государство обладало исповедовавшим христианство греческим этнокультурным ядром, что неминуемо ведет к признанию христианизированной греческой культуры в качестве направляющей силы византийского глобального синтезирования. Если отдельно выделять синтез греко-римских начал, то в нем преобладали греческие элементы. «В органическом сплаве собственно греко-латинской культуры с традициями местных культур (египетской, сирийской, армянской, грузинской и др.) преобладал творческий гений греческого народа...» — верно утверждает академик Геннадий Григорьевич Литаврин¹⁷. Речь, конечно, должна идти уже о греческом гении, озаренном светом христианских ценностей.

Культурный универсализм Византии, византийский глобальный евро-афро-азиатский культурный текст представлял собой целостное смысловое пространство, структурированное и интегрированное греческим культурным кодом. В свою очередь, последний был преображен началами православия.

А. Ф. Лосев указывал на осуществленный в Византии перенос античной символически-идеальной диалектики в раскрытую христианством сферу личностного духа. На его взгляд, выразивший мировоззренческую суть византизма как культурного типа православный платонизм передал христианское восприятие мироздания, христианский опыт духовно-личностного бытия на языке греческой философии. Византизм основывается на органическом соединении христианского опыта духовно-личностной стихии и греческого философского мышления, православия и платонизма как высочайшей формы античной культуры¹⁸.

Говоря о византизме как типе культуры, А. Ф. Лосев принципиально не отделяет Византию от России. Им утверждается преемственность византийско-московской духовной жизни. Византийско-московский духовный мир рассматривается им как целостный культурный тип, зиждущийся на мировоззренческих принципах православного платонизма¹⁹. Это, конечно, означает усвоение Россией во всей полноте византийского синтезирования христианских начал и античного наследия, усвоение Россией византийского синтеза раскрытого христианством опыта персональной жизни с высшими формами античной духовности.

С. Н. Булгаков сравнивает принятие православия Русью с обретением священного ковчега, который она была призвана хранить в творческой любви: «В этом ковчеге заключено было не только вселенское христианство в его неповрежденности и чистоте, но и все духовное наследие эллинского гения, которое является безусловной основой европейской культуры, как некий первоизданный Эдем, сверкнувший своей божественной наготой на этой грешной земле. В восточном, византийском православии in pace заключено все эллинство в его неумиряющих ценностях: в его богословии, мистике, литургике, иконографии, архитектуре. Здесь претворено то, что было религиозно подлинного в эллинской религии и мистике, трагедии и пластике: Дельфы и Элевзин, орфика и пифагорейство, Деметра и Дионис, архитектура и эллинское ваяние, художественно доказавшее и показавшее божественность человека; сюда вошло все, что было великого в величайшем умозрении эллинов, ибо Платон и Плотин, Пифагор и Парменид, Анаксагор и Аристотель интегрально восприняты и живут в христианском богословии»²⁰. С позиции русского мыслителя, Русь восприняла в крещении все духовное наследие эллинского гения. «Вообще эллинство есть как бы некоторое натуральное православие, как и православие содержит в себе стихию благодатствованного эллинства», — утверждает он²¹. Речь здесь идет об эллинстве, преображенном христианством. Имеется в виду интегральное восприятие христианством греческого просвещения и гуманизма.

Итак, в итоге христианизации начала византийской государственной и культурной жизни проникли в Россию. Она восприняла православную духовность, модель православной многонациональной империи, а также начала культурного универсализма — всемирного сплава культурных традиций, интегрируемого греко-христианской культурой. Очевидно, русская культура достаточно гармонично заняла объединяющие позиции греческой в новом вселенском (уже российском) культурном сплаве. Россия усвоила византийские стратегии сохранения культурной самобытности и преемственности духовного развития народов, народный характер формирования государственности. Она восприняла

достижения греческого гения, выработанное им под влиянием христианских ценностей учение о персоне, великий синтез высот греческой культуры с христианскими представлениями о свободном творческом лице и, следовательно, рожденные в Византии принципы христианского гуманизма. Россия восприняла византийское наследие во всей полноте, как целостную систему. Социокультурные начала Византии сделались началами, организующими ее бытие.

Большое значение имеет и следующий тезис С. Н. Булгакова: «По культурному своему наследию мы богаче Запада, который наследовал эллинизму косвенным путем чрез римскую церковь, а позднее уже в языческой реставрации гуманизма»²². Следуя логике мыслителя, Русь восприняла наследие эллинского гения непосредственно в акте крещения. Греки сами передали Руси свои духовные традиции. Ими был осуществлен акт непосредственной, прямой трансляции своей культуры, всей полноты собственных духовных достижений. Это, в свою очередь, с позиции С. Н. Булгакова, определило высоту культурного призвания Руси, заключающегося в творческом продолжении дела эллинского гения.

Важно отметить, что социокультурные начала Византийской цивилизации Русь воспринимает в духовных актах непосредственной, прямой трансляции. Эллины непосредственно транслировали их Руси. Передача осуществляется отнюдь не опосредованно, косвенным путем. Это стало возможным благодаря органическому характеру русско-византийских связей. Этим обусловлено величие и богатство культурного наследия России.

В целях прояснения особенности русско-византийских культурных связей обратимся к идеям известного литературоведа, культуролога и историка Юрия Михайловича Лотмана. Ю. М. Лотман создал целостную концепцию русско-византийского культурного диалога²³.

С точки зрения ученого, взаимодействие культур осуществляется посредством диалога, имеющего особое строение. Передающий и принимающий участники диалога попеременно активны. Передающий участник располагает теми культурными текстами, который принимающий усваивает. В период трансляции культурных текстов принимающая сторона выдерживает паузу. Она воспринимает текстовые потоки, накапливает их в своей памяти. Затем принимающая сторона овладевает языком формирования текстов и начинает свободно им пользоваться. И наконец, она превращает чужое в свое: тексты передающей стороны трансформируются в соответствии с культурными кодами принимающей, видоизменяя свой облик. Отныне поток текстов движется в обратном направлении. Бывший принимающий участник диалога делается передающим. Вобрав в себя традицию, творчески претворив ее в свою, он оказывает воздействие на передающую тексты сторону, которая отныне становится воспринимающей.

Ю. М. Лотман указывает на асимметричность отношений диалогического партнерства как типологическую черту культурного диалога. Передающий участник с момента начала диалога, будучи доминирующей стороной, описывает свои позиции в культурной ойкумене как центральные, а позиции принимающего участника — как периферийные, что добровольно усваивается принимающей стороной. В ходе творческого преобразования традиции на центральные позиции в культурной ойкумене уже претендует принимающий участник. Важно и то, что впитавшая традицию, оплодотворенная культура генерирует в ответ большее число текстов, чем усвоила. Она резко увеличивает ареал собственного воздействия. Ее активность характеризуется скачкообразным энергетическим ростом, приобретает формы культурного взрыва.

На взгляд Ю. М. Лотмана, проникновение текстов передающего участника не замещает творческие силы принимающей культуры, а пробуждает и активизирует их. Ученый также указывает на своеобразный характер осуществления диалога в конкретно-исторических условиях, при всех логически выделяемых его общих параметрах. Типологические формы культурного диалога, будучи идеальной логической типизацией, повторяются, не повторяясь.

«Принятое из Византии христианство сделалось основой для исключительно интенсивного потока текстов, в буквальном смысле хлынувшего на Русь. Правда, картина здесь несколько усложнялась тем, что загоревшиеся от византийского факела южнославянские культуры уже вступили в стадию активного создания собственных текстов, так что Русь получала как бы двойной их поток. Однако культурным и конфессиональным центром ареала, бесспорно, оставалась Византия», — пишет Ю. М. Лотман²⁴. И далее: «К XII в. Киевская культура, видимо, вполне созрела к тому, чтобы

сделаться активным транслятором в романском культурном пространстве. «Слово о полку Игореве» — убедительное тому свидетельство. Однако вторжение татаро-монголов сорвало эту возможность. В другой раз аналогичная ситуация начала складываться в XIV—XV вв. Но и на этот раз взятие Царьграда турками разрушило всю структуру культурного пространства... Накопленная в результате русско-византийского диалога культурная энергия, сложно трансформируясь, вошла в дальнейшем как часть в культурный взрыв XVIII в.»²⁵. С позиции ученого, в русской культурной жизни период изоляции сменился развитием диалоговой ситуации, приведшей в XVIII столетии к бурной деятельности по наполнению текстами окружающей семиосферы.

Несомненно, культурному взаимодействию сопутствует диалогическая ситуация. «Вторжение» культурных текстов Византии, восприятие ее культурных энергий обернулось их творческим усвоением. Духовные энергии Византии были национализированы, что вызвало к жизни новое мощное энергетическое излучение. Оно было связано с культурным взрывом Нового времени, русско-европейским культурным диалогом XVIII—XIX веков, активизацией трансляции духовных смыслов с XVIII века на евразийском пространстве в целом. Вселенское излучение энергий русской культуры в XVIII столетии, сопровождавшееся созданием евразийского цивилизационного пространства, культурно-государственный экуменизм Русского Просвещения можно понять лишь в контексте развертывания накопленной духовной энергии русско-византийского диалога. Взрыв духовных сил XVIII века, имевший общеевропейское и общеевразийское значение, объясним историческим движением культурной энергетики, сконцентрированной в ходе русско-византийского взаимодействия.

Исходя из концепции Ю. М. Лотмана, очевидно, что диалог с Византией для отечественной культуры не являлся одним среди многих. Этот диалог обладает исключительным значением, так как определил пути развития русской культуры от глубокого прошлого до современного времени. Ведь культурный взрыв XVIII века обусловил последующие линии движения русской культуры, включая современные. Более верно сказать, что все развитие русской культуры представляет творческий ответ на тексты византийских традиций. Этот ответ стал вселенским духовно-энергетическим излучением, озарившим Восток и Запад, Европу и Азию.

Следуя концепции Ю. М. Лотмана, византийская традиция не является одной из многих, впитанных Россией. Византийский текст органически и непрерывно присутствует в отечественном историко-культурном процессе, пребывает в качестве его существенной составляющей на протяжении времени большой длительности, затрагивая глубинные структуры отечественной истории и культуры.

«Ю. М. Лотман предложил термин «диалог культур», преимущества которого состоят, на мой взгляд, в том, что он предполагает, во-первых, признание существования дохристианской культуры у языческих народов и, во-вторых, имеет в виду восприятие и переосмысление потока новой информации, буквально захлестывавшей неопитов после крещения. Недостаток же этого понятия заключается в том, что оно элиминирует учительную роль стороны, вовлекшей язычников в лоно христианской цивилизации», — указывает академик Г. Г. Литаврин²⁶. Действительно, описание русско-византийских отношений посредством термина «диалог культур» выявляет некоторую ограниченность данного концепта, который не в состоянии передать всю сложность русско-византийского контакта. Изображение русско-византийских взаимоотношений как диалогического процесса далеко неполно раскрывает учительную роль Византии.

Г. Г. Литаврин дает глубокую характеристику взаимодействия между странами: «Достижения византийской культуры продолжали жить особой жизнью в единственном православном государстве, оставшемся после 1461 г. не подвластным мусульманам, — в Московской Руси. Здесь формы, приемы, традиции византийской культуры обрели как бы новую родину, где они подвергались усвоению, переработке и дальнейшему развитию. Немало элементов византийской культуры органически слились с культурой древнерусской, ареал которой с XVI в. стал быстро расширяться за счет бескрайних просторов Азии»²⁷.

Итак, Россия сделалась новой родиной для традиций византийской культуры. Г. Г. Литаврин говорит об органическом слиянии составляющих византийской культуры с культурой Руси. Им также устанавливается, что среди всех стран Византийского содружества наиболее тесные и прочные отношения были у Византии именно с Русью²⁸. Он, конечно, верно отмечает расширение ареала воздействия русской культуры с XVI века посредством ее движения в Азию. На наш взгляд, распространение

русской культуры на Восток являет собой культурный взрыв, ставший итогом русско-византийского диалога. Он хронологически предшествовал культурному взрыву XVIII века.

Рассматривая проникновение Византийской цивилизации на Русь, целесообразно восполнить теорию диалога Ю. М. Лотмана концепцией трансплантации Д. С. Лихачева. Именно соединение этих двух теорий позволяет адекватно отразить всю сложность российско-византийских культурных связей²⁹.

С позиции Д. С. Лихачева, обращение к Византии было обусловлено внутренними потребностями отечественной культуры. Итогом стал перенос культурных явлений Византии на славянскую почву с крещением Руси. Этот перенос не носил механического характера. Перенесенные культурные явления развивались, приобретали местные черты, становились частью славянской культуры под влиянием фактора творческой свободы.

«Все изложенное позволяет выделить категорию явлений культурного воздействия Византии, в которых мы должны видеть не проявления влияния, а проявления трансплантации византийской культуры на славянскую почву. Памятники пересаживаются, трансплантируются на новую почву и здесь продолжают самостоятельную жизнь в новых условиях и иногда в новых формах, подобно тому как пересаженное растение начинает жить и расти в новой обстановке. Не только отдельные произведения, но целые культурные пласты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспособлялись, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы. Их жизнь мало чем отличалась от жизни местных произведений — разве только своею большею сложностью в связи со вторичными воздействиями греческих оригиналов», — утверждает Д. С. Лихачев³⁰. Он считает, что с крещением освоение культурного опыта Византии приобретает по преимуществу характер трансплантации.

При этом Д. С. Лихачев категорически настаивает на неправомерности разделения явлений древнерусской культуры на оригинальные и переводные. Последние носили творческий характер и были органической частью славянской культуры. Для ученого акт трансплантации — творческий акт. «Эта византийская культура за пределами Византии воссоздавалась на новой основе и в новых формах на всех уровнях мысли и творчества. Славянская “рецензия” византийской культуры создавалась при этом, как мы уже отметили, не только на основе произведений, вышедших из Византии, и определялась она своими внутренними потребностями. Трансплантация византийской культуры, как и всякая трансплантация, отнюдь не была механическим переносом ее в новые условия. Трансплантация культуры была связана с ее изменением, иногда очень существенным. Нельзя ставить знак равенства между византийской культурой у себя на родине и той византийской культурой, которая была трансплантирована в славянские страны... Византийская культура в славянских пределах была порождена византийской культурой, выросла на ее основе, но она не была ей тождественна. Славянская “рецензия” византийской культуры имела поэтому собственное лицо. Это было некоторое новое единство религии, воззрений на мир и на общество, литературы, живописи и архитектуры», — отмечает Д. С. Лихачев³¹.

Следуя логике Д. С. Лихачева, Русь осуществила воссоздание византийской традиции на славянской почве и в новых культурных формах. Это была творчески воссозданная, творчески преобразованная византийская традиция.

Лихачевской концепции трансплантации придерживался другой отечественный ученый — Александр Панченко³². Он подчеркивал, что суверенный выбор Владимира обусловил специфику трансплантации византийской литературы. На Руси не переводили современную литературу. Отбирались произведения, созданные во II—VIII веках. «Трансплантируя византийскую литературу, Русь трансплантировала прежде всего ее фундаментальную основу...» — устанавливает Александр Панченко³³. Отметим, во II—VIII веках в Византии расцвела патристика. Это было время, когда вырабатывались мировоззренческие основания Византийской цивилизации, возводился грандиозный синтез античной философской культуры и христианства, определялись пути преобразования Античности христианскими началами, раскрывались христианские представления о личности, складывались принципы христианского гуманизма. Это был период образования фундаментальных оснований цивилизационного организма Византии. Русь транспланти-

ровала литературу именно указанного периода, то есть периода сложения основ Византийской цивилизации.

Итак, важно обратить внимание на пути восприятия и усвоения византийского наследия. Русь восприняла византийское наследие непосредственно в акте крещения. Крещение — не просто принятие веры, а целостное восприятие всей полноты духовных достижений Византии. Культурные сокровища Византии передавались в духовных актах непосредственной, прямой трансляции, чем обусловлено величие и богатство культурного наследия России и что стало возможным благодаря органическому характеру русско-византийских связей.

Восприятие византийского наследия осуществлялось в ходе русско-византийского культурного диалога. Этот диалог обладает исключительным значением, так как определяет пути развития русской культуры и России от глубокого прошлого до современности. Оно представляет творческий ответ на культурные тексты византийских традиций. Этот ответ стал вселенским духовно-энергетическим излучением, озарившим Восток и Запад, Европу и Азию.

Концепцию диалога важно дополнить концепцией трансплантации, подчеркивающей наставническую роль Византии. С крещением Руси осуществляется перенос культурных явлений Византии на славянскую почву. Освоение духовного опыта Византии приобретает по преимуществу характер трансплантации, поскольку многие культурные явления Руси еще не приобрели законченных форм. При этом Русь трансплантировала фундаментальные основы византийской культурно-цивилизационной парадигмы. Акт трансплантации — творческий акт. Русь осуществила воссоздание византийской традиции на славянской почве и в новых культурных формах. Это была творчески воссозданная традиция.

- 1 Грановский Т. Н. Собр. соч. М., 1900. С. 378. См.: Бороздин И. Н. Т. Н. Грановский и вопросы истории Византии // Византийский временник. 1956. Т. XI. С. 272–278.
- 2 Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб., 2003. Т. I. С. 51.
- 3 Там же. С. 62–64.
- 4 Успенский Ф. И. История Византийской империи. СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1913. Т. 1. С. XIV.
- 5 Там же. С. 39.
- 6 Там же. См., например, с. 261.
- 7 Там же. С. 40.
- 8 Там же. С. 39.
- 9 Там же. С. 14–15. См. также с. 13.
- 10 Грановский Т. Н. Указ. соч. С. 377–378. См.: Бороздин И. Н. Указ. соч. С. 272–278.
- 11 Успенский Ф. И. История Византийской империи. С. 43.
- 12 Там же. С. 41.
- 13 Успенский Ф. И. История Византийской империи: Отдел VI–VIII. Восточный вопрос. М., 1997. С. 814.
- 14 Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л.: Социально-экономическое издательство, 1936. Т. 1. С. 4–5.
- 15 История средних веков: в 2 т. Учеб. для вузов / Л. М. Брагина, Е. В. Гутнова, С. П. Карпов и др.; под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова. М.: Высш. шк., 1990. Т. I. С. 462.
- 16 См.: Самодурова З. Г. З. В. Удальцова: Творческий путь // Византийский временник. 1988. Т. 49. С. 3–12; Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. № 41. С. 54–56; Удальцова З. В. Заключение. Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в. // Культура Византии IV — первая половина VII в. / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова. М., 1984. С. 668–685.
- 17 История средних веков: в 2 т.: Учеб. / Под ред. С. П. Карпова. М., 2008. Т. I. С. 614
- 18 Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993; Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая Гвардия, 2000.
- 19 Там же.
- 20 Булгаков Сергей. Война и русское самосознание. М., 1915. С. 32–33.
- 21 Там же. С. 33.
- 22 Там же.
- 23 Лотман Ю. М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин, 1992. Т. 1. С. 121–129.
- 24 Там же. С. 126.
- 25 Там же. С. 127.
- 26 Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX—начало XII в.). СПб., 2000. С. 300.
- 27 Культура Византии XIII — первая половина XV в. М., 1991. С. 607.
- 28 Литаврин Г. Г. Указ. соч. С. 303, 304, 357, 358.
- 29 Плодотворность соединения этих подходов была продемонстрирована Дмитрием Оболенским. См.: Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. М., 1998 (особо см. предисловие с. 11–12); Dimitri Obolensky, Medieval Russian Culture in the Writings of D. S. Likhachev // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1976. Vol. IX.
- 30 Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб.: Наука, 1999. С. 21–22.
- 31 Там же. С. 32.
- 32 Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- 33 Панченко А. М. Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 387.

3.15.3. Культурное наследие как основание цивилизации

При анализе российского и византийского цивилизационного процесса представляется целесообразным опираться на концепцию культурного наследия как основание цивилизации. Данная концепция может быть раскрыта в виде следующих стержневых принципов.

Цивилизации представляют собой целостное единство ценностных и институциональных систем. Речь идет о институционально и ценностно оформленных больших социальных пространствах — пространствах, сложившихся в единстве институтов и ценностей. Речь идет о больших социальных системах, образованных вокруг ценностного ядра культурной жизни — универсально значимых, больших духовных смыслов.

Космос исторически самобытных, тяготеющих к универсальности, транслируемых и воплощаемых ценностных форм как ценностный мир культурного наследия выступает сущностным основанием цивилизации. Цивилизация зиждется на культурном наследии, образующем ее устойчивый базис. Культурное наследие конституирует бытие цивилизации, выступает началом устройства ее систем. Цивилизация вырастает из ценностного пространства наследия. Фундаментальные духовные принципы, заключенные в наследии, будучи ценностным творческим ядром цивилизации, выражают само ее существо. Культурное наследие являет субстанциальные начала цивилизационного организма.

Наследие — незапамятное и надежное достояние, на которое люди опираются для решения творческих задач, которое выступает ориентиром повседневной жизни. К наследию апеллируют как к миру устоявшихся и подлинных ценностей. Речь идет о ценностях непрерывно поддерживаемых и утверждаемых, ценностях наследуемых.

Наследование культуры есть сущностная характеристика цивилизационного процесса. Поддержание культурной преемственности в течение длительного времени — не просто одна из важнейших функций цивилизации. Таким поддержанием обеспечивается ее жизнедеятельность как целостного социокультурного организма, единого социально-исторического тела. Временная и пространственная устойчивость цивилизации обусловлена осуществляющейся культурной преемственностью. Преемственность обеспечивает устойчивость присущих цивилизации социально-символических форм.

Процессы наследования представляют собой глубинные механизмы бытия цивилизации, свойственные ей при всех изменениях. Это те связи, которые объединяют цивилизацию в историческую целостность, делают ее развивающейся, сложной и высокоинтегрированной общностью. Наследование культуры формирует единство цивилизации, придает ей интегрированность при всех внутренних различиях, совмещениях разнообразных характеристик бытия, обеспечивает связь исторического и современного. Это делается возможным в силу того, что наследуются высшие духовные принципы, на которые ориентированы многообразные компоненты цивилизации.

Культурное наследие, присущее цивилизационному сообществу, указывает на его самостоятельность, уникальность и самобытность. Наследие — основа самобытного развития цивилизации. Заждающееся на наследии, самобытное развитие подразумевает творческое значение заимствований и влияний, полиморфизма принципов культурной жизни, меняющего культурную жизнь новаторства. Оно раскрывает творческий дух цивилизации, так как строится на наследии, где пребывает ее сущностное ядро, выступающее ядром творческим.

Возможность преобразования культурных форм, созидательного присутствия прошлого в настоящем, интерпретативного характера культурно значимой деятельности коренится в самой сути наследия. Социокультурная динамика цивилизации вытекает из самого его существа. Культурное наследие содержит составляющие, делающие возможным воспроизводство, сохранение и развитие самобытной цивилизации, ее развертывание в истории как динамической системы. Цивилизация как феномен динамичный и саморазвивающийся является следствием усвоения творческих начал наследия. В самом культурном наследии заложены основания для созидательных культурных процессов, возникновения и порождения нового. Им обусловлено бытие цивилизации как самоорганизующейся целостности, динамической системы, творчески изменяющейся в пространстве

и времени. В нем обретаются духовно-энергетические принципы, делающие возможным преобразование ее облика.

3.15.4. Византийское наследие как фактор формирования Российской цивилизации

Опираясь на зарубежные исследования, надо сказать, что Византийская империя представляла собой единый и целостный государственно-цивилизационный организм, осуществляющий сохранение и трансляцию культурного наследия. Византийская государственность, будучи имперско-монархической, обладала демократическими чертами. Византия — народная империя, заждающаяся на творческих энергиях свободного народа. Она являлась империей, следующей общему благу, означающему ориентацию как на материальные ценности, так и возвышенные культурные блага. Это было миростроительное государство, стремящееся не к колониальным захватам, а к развитию своего цивилизационного пространства и распространению цивилизационной идеи. Византия утверждала стратегическую стабильность на евразийских территориях.

Миростроительное, стабилизирующее, цивилизующее, культивирующее значение Византии определялось особыми характеристиками ее духовного мира. Это была цивилизация культурного континуитета, всемирных духовных синтезов (культурного универсализма), христианского гуманизма. На ее пространстве культурные традиции сохранялись, претворялись в жизнь их непрерывное, преемственное развитие, они вступали в творческие диалоги и формировали синтезы. Византия — самостоятельная и самодостаточная цивилизационная структура, характеризующаяся культурным универсализмом. Восполнение христианского видения личности формами античной культуры привело к образованию христианского гуманизма и превращению его в стержневое начало византийской духовной жизни.

Если опираться на отечественную интеллектуальную традицию, то своеобразие Византии проявилось в православной духовности, православном многонациональном государстве, народном пути его сложения, культурном универсализме, превратившем империю в пространство сочетания многообразных традиций Европы и Азии. Оно выразилось в воплощении целостных стратегий сохранения самобытности и преемственного развития культурных организмов. В Византии был осуществлен синтез христианского опыта духовно-личностного бытия и греческого философского мышления, христианством были интегрально восприняты греческое просвещение и гуманизм.

На базе выявленных зарубежными исследователями и отечественными учеными черт Византии можно воссоздать ее образ. Византия была целостным государством-цивилизацией. Народный характер его сложения, многонациональная форма, миростроительные задачи, присущее ему стабилизирующее значение и цивилизующее влияние органически следуют из фундаментальных духовных принципов культурного континуитета, универсализма и христианского гуманизма. Эти духовные принципы выступают началами устройства византийского цивилизационного пространства и выражают творческое ядро византийской цивилизационной системы.

Целостный государственно-цивилизационный организм, обеспечивший сохранение и трансляцию культурного наследия, народная империя, следующая общему благу, миростроительное государство, несущее стратегическую стабильность, — во всех этих чертах отчетливо проявляется образ России. Россия также со всем основанием может быть названа цивилизацией культурного континуитета, универсализма и христианского гуманизма. Обозначенные фундаментальные духовные принципы присущи и творческому ядру Российской цивилизации.

Несомненно, именно в Византии осуществлялся прорыв к современной эре. Византия — источник проекта современности. Своими очевидными достижениями (в сфере экономики, права, общественной и политической жизни, науки, техники и др.) Византийская империя участвовала в организации современного мира.

Безусловно, Западная Европа испытала сильное влияние Византии. Народы Запада черпали из Византии социально-политические, правовые, экономические, технологические, культурные формы, становящиеся движущими силами их развития и давшие им конкурентные преимущества

в борьбе за лидерство. Византийское влияние приобретало тем самым фундаментальный характер. Оно содействовало всесторонней модернизации западного мира. К сожалению, последний зачастую отвечал Византии жестокостью и завистью. Прискорбно и другое: перенятые у Византии достижения нередко использовались в качестве инструмента установления господства над странами и народами.

Воздействие Византии на Россию не было подобным ее влиянию на страны Запада. Русско-византийские отношения приобрели особый характер органических связей. Крещение привело к сложению свободных и нерасторжимых культурных уз. О многом говорят пути усвоения византийского наследия. Целостное восприятие всей полноты византийской традиции осуществлялось в духовных актах непосредственной, прямой трансляции. С крещением Руси происходит перенос культурных явлений Византии на славянскую почву. Освоение духовного опыта Византии приобретает по преимуществу характер трансплантации. Трансплантируются фундаментальные основы византийской культурно-цивилизационной парадигмы. Русь творчески воссоздает византийскую традицию. Последняя обретает новую Родину. Русско-византийский культурный диалог определяет пути развития России от глубокого прошлого до современной эры. Очерченные формы восприятия византийского наследия говорят о том, что речь должна идти об усвоении именно творческого ядра Византийской цивилизации.

Поражает тотальность рецепции византийской культурно-цивилизационной парадигмы Россией. С принятием христианства совершается интегральное усвоение византийского наследия. Все это делается возможным в силу восприятия цивилизационных доминант Византии, сущностных оснований ее наследия, творческого ядра ее цивилизационного организма. Византийское наследие стало смыслообразующим и системообразующим началом Российской цивилизации. Оно стало источником оформления ее самобытного лика, фактором формирования цивилизационной субъектности и суверенитета.

Дохристианской Русью был достигнут достаточно высокий уровень развития, что и вызвало потребность обращения к Византии, позволило осуществить трансплантацию творческого ядра Византийской цивилизации. Обращение к Византии было подготовлено всем историко-культурным путем доправославной Руси. Византийское семя упало на возделанную почву. Многие элементы духовной жизни Древней Руси были созвучны составляющим духовности Византии. Вместе с тем до крещения Русь предстает как становящийся цивилизационный мир — цивилизационный мир в процессе оформления, не представляющий завершенной и оформленной системы. До крещения Русь пребывала в поиске своего цивилизационного образа. После крещения она обретает устойчивые принципы цивилизационного бытия, цивилизационную самоидентичность, удовлетворяет потребность в содержательном наполнении цивилизационной идентичности.

Никоим образом нельзя преуменьшать духовного подвига усвоения византийского наследия Россией. Творческое воссоздание византийской традиции на российских просторах, обретение византийской культурой новой родины было великим духовным дерзанием. Величие России — в осознании и исполнении возвышенного призвания быть творческим продолжателем Византии.

Византийское наследие органично вошло в ткань Российской цивилизации. Оно стало неотъемлемой составляющей российского культурного наследия, придав ему духовное величие.

Обращение к Византии пробудило грандиозные культуротворческие силы России. Восприняв византийские идеалы, Россия их осуществила и во многом творчески превзошла.

На вселенских просторах Евразии раскрылся интегративный потенциал русской культуры, была раскрыта интегративная природа Российской цивилизации. Ее интегративная сущность во многом определила пути развития евразийских миров.

Впитав начала византийского универсализма, Россия творчески превзошла их. Являя более, нежели Византия, включающие, инклюзивные способности, она соединила многонациональную и многоконфессиональную всечеловеческую цивилизационную ойкумену.

Россия более, чем Византия, проявила устремленность к выработыванию солидарных форм жизни. Она создала беспрецедентный в истории государственный союз, который был добровольной общностью народов. Опираясь на творчески преломленные византийские идентификаци-

онные ориентиры, она оказала стратегическое консолидирующее воздействие на евразийское пространство.

Россия максимально усиливает и углубляет присущие Византийской цивилизации стратегии сохранения культурной самобытности и преемственности духовного развития народов. Еще более, чем в Византии, расцвели в России многообразные культурные миры Европы и Азии. Еще более, чем Византии, России свойственна берегающая идентичность. Сохранение уникальных форм жизни во всей полноте и конкретности, жизненных структур, определяющих преемственность духовного пути сообществ, творческих начал жизнедеятельности социальных организмов стало приоритетом развития Российской цивилизации. Российская перспектива евразийской интеграции означала ее культуросберегающую нормативную направленность. России в полной мере удалось стать цивилизацией культурного континуитета, берегающим государством-цивилизацией.

Интегративная сущность Российской цивилизации, присущее ей стремление к формированию горизонтов совместного духовного опыта, свойственная ей берегающая идентичность органически следуют из ее гуманистических начал, имеющих православные корни. В духовном облике России более, чем в облике Византии, присутствуют черты милосердия, сострадания, жертвенности, совестливости, сердечности, братского единения в любви и соборности. Россия стремится обрести глубинные основания социальной жизни, социальных и правовых порядков в ценностном порядке соборности и сердечной любви. На фоне византийского российский гуманизм выделяется своими деятельными, преобразующими, эргетическими началами, что сделало Россию одной из наиболее динамично развивающихся цивилизаций в истории человечества.

Итак, с принятием христианства совершается интегральное усвоение византийского наследия, осуществляется восприятие творческого ядра Византийской цивилизации, заложенных в нем фундаментальных духовных принципов культурного континуитета, универсализма и христианского гуманизма. Византийское культурное наследие стало неотъемлемой составляющей российского, придав ему духовное величие. Оно сделалось фактором формирования цивилизационной субъектности и суверенитета, источником оформления самобытного лика Российской цивилизации, пробудило ее грандиозные культуротворческие силы.

3.15.5. Процессы наследования в российском цивилизационном пространстве

Византию принято считать библиотекарем человеческого рода. Сохранение общечеловеческого духовного наследия — приоритетная стратегия развития Византийской цивилизации. Вслед за Византией Россия также может быть названа цивилизацией культурного континуитета. Как уже отмечалось, Россия максимально усиливает и углубляет присущие Византийской цивилизации стратегии сохранения культурной самобытности и преемственности духовного развития народов. Еще более Византии России свойственна берегающая идентичность. Сохранение уникальных форм жизни во всей полноте и конкретности, жизненных структур, определяющих преемственность духовного пути сообществ, творческих начал жизнедеятельности социальных организмов стало приоритетом развития Российской цивилизации.

Интегративные процессы, инспирированные Россией, российская перспектива интеграции на просторах Евразии обладали очевидной нормативной направленностью — культуросберегающей. Россия со всем основанием может быть названа берегающим государством-цивилизацией. Саму историю Российской цивилизации важно увидеть процессом совершенствования, обогащения и углубления культурной памяти. История России — история творчески активного, деятельного, непрерывного накопления культурных ценностей народами в пространстве общей памяти.

Прежде чем мы попытаемся охарактеризовать (далеко не полно) процессы наследования культуры, присущие Российской цивилизации, выявить некоторые их характерные черты, целесообразно подчеркнуть, что наследование культуры, как и сама культура, есть явление сверхорганическое.

Наследование может быть описано с использованием биоорганических аналогий как метафор, включая их онтологическую трактовку (культура не рождается, не стареет, не умирает и не развивается в смысле природного организма, не наследуется генетически и т. п.). Важно указать и на отсутствие трансперсональных, биоорганических механизмов наследования, делающих излишним присутствие в его процессе свободной личности.

Процессы наследования культуры, присущие Российской цивилизации, будучи целостным жизнетворчеством, осуществляются в соединяющей поколения духовной солидарности. Они протекают в солидарной кооперации поколений. Речь идет о солидарности в творческой любви с поколениями отцов. Речь идет о солидарности с поколениями настоящими и грядущими в творческом и жертвенном служении им. Речь идет о солидарности, в которой обретается межпоколенный синтез — духовно-творческое единение поколений.

Российские процессы наследования характеризуются высоким уровнем коммуникативной сопряженности, «плотной» коммуникативной онтологией. Они раскрывают глубинные пласты человеческого общения, предполагают безграничную готовность к коммуникации, стремление к взаимному признанию, соприкосновению духовных миров. Они означают коммуникацию свободную, субъект-субъектную, диалогическую. В ее ходе мощные ценностные вертикали делают процесс общения не тождественным поверхностному коммуницированию персон. Общение, основанное на искренности, взаимной любви и братстве, то есть на коммунитарных ценностях, предстает как охватывающее всю личность. Процессы наследования осуществляются в ценностно насыщенном диалогическом пространстве. Они сопряжены с диалогически активными и духовно наполненными актами познания прошлого и настоящего.

Российские процессы наследования характеризуются соучастием в культурной традиции, со-бытием в ней. Наследование — со-действие, живое сопричастие историческому потоку, пребывание в нем. Оно представляет собой проникающее прикосновение к историческому потоку, в ходе которого человек делается носителем духовных смыслов.

В российском цивилизационном пространстве наследование культуры осуществляется в творчески активном, духовно-предметном сердечном созерцании — созерцании, сочетающем всю полноту душевно-духовных сил личности. Речь идет о наследовании как кардиогносии, о целостном сердечном, духовно-предметном созерцании-наследовании традиций. Такое наследование конкретно исторично. Наследуются конкретные культурные формы. Наследуются ценности культуры, воплощенные исторически определенным образом. Наследуются конкретные формы исторической жизни, в которых раскрываются универсальные начала культуры, ее общечеловеческое духовное измерение. Наследование предстает творческим, духовно предметным и целостным созерцанием исторического бытия народа.

Свойственные Российской цивилизации процессы наследования выражают духовную жизнь как отдельного человека, так и всего народа. Наследование народно, вытекает из глубин народной жизни, затрагивает освященные ценностями повседневные формы существования, представляющие целостный поток жизни духа. Наследуются от поколения к поколению как выдающиеся шедевры, так и сохраняемая и обогащаемая повседневная «ткань жизни». Наследование — творчески-поступательная жизнь народа в живой связи с его историческим прошлым. Процессы наследования — творческие потоки индивидуального и нерасторжимо с ним народного лицестроения, творческие акты созидания своей личности и народного лика как соборной персоны.

В российском цивилизационном пространстве наследование есть процесс динамически-наступательный, творческий и в то же время соединенный с предшествующими достижениями, духовно-ценностными корнями исторической жизни. Его характеризуют творческое устремление вперед, наступательная динамичность, стремление к созданию новых ценностей. Но это творческое устремление вырастает из корней предыдущего, уходит в духовно-ценностную почву прошлого, не будучи механически обусловлено им.

Российские процессы наследования характеризуют творческая динамика и преемственность с прошлым. Они связаны с творческим нарастанием и сохранением духовных ценностей. Это процесс творческий и динамический. И его отличают укорененность и почвенность, укорененность

в духовно-ценностных почвах прошлого, в совокупности его традиций. Подлинно жизненным и динамичным оказывается то, что укоренено в исторической почве. Наследование динамически открыто настоящему и будущему, и его характеризует глубокая историчность. Оно осуществляется в динамическом духовно-творческом росте, является культивацией ценного, созданного в истории.

В российском цивилизационном пространстве наследование — преобразование и обогащение наличествующего, исторически данного духовного опыта. Оно предстает сохранением, упрочением и преобразованием органически сложившейся, ценностно-организованной исторической ткани. При этом творческие трансформации упрочняют духовно-исторические почвы, а не разрушают их.

Итак, российскому процессу наследования свойственно органическое сочетание соборно-солидарных и персонных форм. Процессы наследования — творческие потоки личного и нерасторжимо с ним народного лицестроения, творческие акты созидания своей личности и народного лика как соборной персоны.

Для российских процессов наследования характерна глубинная, целостно охватывающая личность и ценностно насыщенная коммуникация. Им присуще духовное сопричастие, со-бытие историческому потоку.

В российском цивилизационном пространстве наследование культуры осуществляется как кардиогносия — творчески активное, духовно предметное сердечное созерцание, соединяющее всю полноту душевно-духовных сил личности. Наследование вытекает из глубин народной жизни, затрагивает освященные ценностями повседневные формы народного бытия, являющие целостный поток жизни духа. Оно осуществляется на базе исторически самобытного опыта народа. Причастность к духовно-историческим почвам сохраняет «внутреннюю идентичность», самоидентичность наследования.

Речь при этом идет о творческой причастности, о наследовании как непрерывном оживлении и обновлении традиций. В российском цивилизационном пространстве наследование есть процесс одновременно динамически-наступательный, характеризующийся творческой динамикой, динамическим духовно-творческим ростом и укорененный в духовно-ценностных почвах. При этом его динамически-наступательные, преобразующие-энергетические начала сохраняют, упрочняют и созидают духовно-ценностные почвы, а не разрушают их.

Указанные особенности процессов наследования органически связаны с особым характером гуманистических начал, присущих Российской цивилизации. Речь идет о действенных и преобразующих, соборных, коммюнитарных началах российского гуманизма, а также о его каритативном и кардиогностическом характере, означающем восприятие мироздания через собирающее все силы личности сердце. Присущая России специфика осуществления процессов наследования сделала возможным ее развитие как цивилизации с ярко выраженной берегающей идентичностью, как берегающего государства-цивилизации, осуществляющего во всей полноте принципы культурного континуитета.

В качестве основных современных угроз общечеловеческому развитию принято выделять унификацию человечества в элементарной (массовой) культуре, ее глобальном всеядном синкретизме. Такая унификация служит размыванию творческих ядер больших сообществ, эрозии их духовных почв, что грозит катастрофой общепланетарного масштаба. Творческое ядро — осевой ценностный мир великого сообщества-цивилизации, имеющий общечеловеческое значение, так как исходя из него истолковывается жизнь на планете. В связи со столь серьезными угрозами принципиальным представляется вопрос о сохранении основополагающих для цивилизационных сообществ исторически сформированных стержневых ценностных начал, удержании ценностных ядер великих цивилизационных систем, обеспечивающих их консолидацию, непрерывность суверенного развития, дающих духовные силы для исторического творчества. Именно в этом ракурсе видится все значение обращения к теме воздействия византийского наследия на российский цивилизационный процесс. Византийская цивилизация представляет собой одну из ведущих в человеческой истории. России удалось усвоить и творчески воссоздать ее стержневое ценностное измерение. Византийское культурное наследие стало неотъемлемой составляющей

российского, придав ему духовное величие и пробудив грандиозные творческие силы России. Обращение к теме византийских истоков Российской цивилизации означает обращение к проблеме формирования ее сущностных оснований. Оно подразумевает акцентирование темы сохранения творческих начал российского цивилизационного процесса, теснейшим образом переплетенного в своих фундаментальных основах с византийским. Призыв к сохранению византийского наследия оказывается глубинным образом взаимосвязанным с призывом к сохранению культурного наследия России.

3.15.6. Коммуникативная этика Российской цивилизации, коммюнитарность российского цивилизационного процесса, стратегия евразийского консенсуса

Сегодня мы живем в небезопасном, стратегически нестабильном мире. Приходится признать, что в формировании подобного образа мироздания во многом повинны именно так называемые современные экономически комфортные государства. Есть ли основания называть их подлинно безопасными, сводящими риски насилия к минимуму, стремящимися к предотвращению эскалации насилия в глобальных масштабах? В настоящее время именно они стали источником распространения жизненных стратегий, основанных на нигилистическом истолковании бытия, девальвации ценностей и смыслов. Подобные стратегии проявляют себя в формах перманентного разрушительного насилия над человеком, культурой и мирозданием. Они воспроизводятся через насильственную деформацию человека и мира, означающую принудительное обеднение бытия, упрощение многообразия, богатства и сложности форм жизни, их аннигиляцию в однородных полях перечеркнутых смыслов.

Несомненно, нигилистические стратегии способствуют легитимации терроризма и экстремизма. Самим своим развитием они провоцируют конкурентную разработку, а затем и безостановочный «труд» в социальных тканях идеологических машин, соревнующихся в репрессивных проектах дегуманизации, радикализме преодоления человеческого в человеке. В контексте нигилистических стратегий задача борьбы с терроризмом и экстремизмом отнюдь не сопряжена с обеспечением суверенитета стран, с сохранением их независимого политического и культурного позиционирования. Напротив, суверенитет видится препятствием. Инструменты «борьбы» обращаются против свободного развития стран и народов.

Война с терроризмом и экстремизмом осуществляется под знаменами балканизации государств, сопровождается их разрушением цветными революциями, навязыванием им роли агентов опосредованной конфронтации («конфронтации по доверенности»), когда они делаются проводниками чуждых им интересов («доверенных агентов» конфронтации) и искусственно сталкиваются в ходе управляемых извне конфликтов, что противоречит их истинным устремлениям. Но не тождественно ли подобное «сопротивление» террористической и экстремистской угрозе ей самой?

Нигилистическая деструкция, принуждающая человека и мироздание к обеднению и однообразию, в настоящее время институционально оформлена, воплощена в структурах, выражающих разрушительную позицию человека по отношению к себе и Земле. Речь идет о структурно укорененном насилии. Общества, где нарушается делающее человека человеком право на культурное наследие, где принудительно осуществляется поправление духовного достоинства личности, где разрабатываются утонченные механизмы экспорта стратегий отчуждения культурных благ, а также конструируются международные правовые и экономические поля, воплощающие практику репрессий естественного права на культурное своеобразие, не могут быть охарактеризованы как безопасные.

В настоящее время именно сохранение пространства культурных ценностей — аксиосферы человечества выступает залогом безопасного развития нашей планеты. Систематическое ее разрушение (откуда бы оно ни исходило), нарушение естественного права человека на приобщение к культурному наследию, права на духовное развитие содействуют разрушению глобальной безопасности, возрастанию всего спектра угроз для человеческой жизнедеятельности.

Российская цивилизация исторически сформировалась как коммуникативное сообщество, не преследующее целей глобального доминирования, как сообщество, жизнестроительный опыт которого опирается на глубокие нравственные принципы. Коммуникативная этика Российской цивилизации основывается на уважении духовного достоинства народов, умении увидеть всю глубину и своеобразие их исторического пути и культурного наследия. Принципы коммуникативной этики Российской цивилизации адекватны современной ситуации, характеризующейся глобальным пробуждением идентичности, требованием стран и народов сохранить самоидентификацию, превращением темы идентичности в ключевую тему международных отношений. Они отвечают интересам большинства населения Земли, могут быть востребованы всеми людьми, послужить обретению полноформатных механизмов стратегического взаимодействия между странами, раскрытию потенциала всемирной кооперации.

Николай Бердяев когда-то справедливо указал на то, что русский народ есть самый коммюнитарный (от лат. *communitas* — общность, общение) народ в мире. Вслед за отечественным мыслителем можно определить коммюнитарность как устремленность к духовному единению людей, к воплощению идеалов братства.

Коммюнитарность означает особый тип межличностного общения, которому присущи такие черты, как искренность, уважение другого, его восприятие как достойного субъекта общения, выступающего носителем уникальных ценностей и идентичности. Коммюнитарности свойственно глубинное взаимопонимание, обретение духовной родственности и близости в соприкосновении и взаимном открытии друг другу человеческих вселенных. В ней выявляется смысл личного бытия в ракурсе осуществления общения.

Несомненно, русская культура как коммюнитарная оформилась под воздействием православной ценности соборности. Коммюнитарность характерна и для пронизанной русской культурой Российской цивилизации. Последняя также со всем основанием может быть названа коммюнитарной.

Российская цивилизация, будучи многонародной и многоконфессиональной, зиждется на гармоничном сочетании индивидуализирующих и универсализирующих принципов — индивидуально-самобытных традиций и целостной человечности. Российская цивилизация как тяготеющая к парадигме универсализма есть цивилизация, вбирающая индивидуализации культурного бытия. Исторически для нее характерно связывание народов в целостный цивилизационный комплекс при их восприятии активными субъектами истории, обладающими неповторимыми идентичностями и своеобразными культурными формами.

Российской цивилизации присуще взаимодействие со странами как имеющими право на культурное наследие и самобытное развитие. Несомненно, ей свойственно архитектурное стремление. Оно выражается в склонности поддерживать и формировать определенный образ мироздания.

При этом речь не идет о конструировании некоей искусственной идентичности. Имеются в виду глубинное раскрытие идентичности общечеловеческой, обнаруживающей себя в различных формах, поддержание и содействие развитию мира как всечеловеческого солидарного космоса в неповторимых конфигурациях. Подобное архитектурное стремление обуславливает логику российского глобального мегатренда.

Несомненно, коммуникативная этика России, ее архитектурное устремление явно опонируют навязываемой в настоящее время мировому сообществу модели общественно-политической коммуникации, требующей дегуманизации содержательного коммуникативного процесса — отречения от собственно человеческого (традиционных ценностей и идентичности, культурных практик и т. д.) в ходе рациональной дискуссии, движимой к предустановленному ценностно-нейтральному «консенсусу». Такой «консенсус» характеризуется равнодушием по отношению к вопросам идентичности, ценностей и морали. Речь идет о «консенсусе» лишенных субъектности «договаривающихся машин». Установление консенсуса без идентичности имеет манипулятивный характер. Страны и народы «цивилизируются» путем отчуждения права на культурное своеобразие, посредством утраты возможности быть субъектами модернизационного движения.

Как уже отмечалось, Российская цивилизация и русская культура никогда не были высокомерными цивилизаторами, не претендовали на роль эксклюзивного монополиста культурных ценностей. Присущие им принципы коммюнитарности и коммуникативной этики могут быть всецело востребованы в современных евразийских интеграционных процессах. Опираясь на них, возможно выстроить стратегические линии взаимодействия между странами Евразии.

Речь идет о взаимодействии как кооперации между активными субъектами исторического процесса, о взаимодействии, зиждущемся на базе признания права на культурное достояние и сопряженного с ним права на суверенное развитие. На путях подобного взаимодействия возможно обретение евразийского консенсуса — согласия относительно безопасного и стратегически стабильного развития стран и народов Евразии на основании исторически вызревших ценностей и идентичностей.

Современные евразийские интеграционные процессы могут быть осмыслены в ключе стратегии евразийского консенсуса. Она воплощается через осуществление права на культурное наследие, реализацию естественного права на культурное своеобразие.

Важно обратить внимание на аналитические характеристики нашей эпохи как эры отстаивания суверенитета права в мировой общественно-политической жизни. Но о каком праве идет речь? Идет ли речь о позитивном праве, отчужденном от своих идеальных оснований, о разрушении связи позитивного права с правом естественным, что лишает позитивное право этической императивности, ведет к утрате личностью принципов оценки правотворчества, способствует правовому произволу и распространению нигилизма? Или же речь идет о правотворчестве, отвечающем нравственным запросам, призванном к раскрытию естественного права как идеальной, нравственно-должной основы формального законотворчества, определяющей линии его совершенствования и придающей ему характер нравственно обусловленного, подчиненного идее добра и служащего ей? Отстаивание суверенитета права имеет объективное значение, когда речь идет о праве, базирующемся на народных представлениях об общем благе, культурных ценностях, традиционной морали и религии. В контексте стратегии евразийского консенсуса интеграционные процессы подразумевают союз государств, ориентированных на классическое понимание права, когда естественное (или нравственное) право, вбирающее в себя морально-нравственные суждения, представления о солидарности и культурной идентичности, выступает источником формирования права позитивного.

Стратегия евразийского консенсуса связана с раскрытием общего понимания блага народами Евразии. Речь идет о согласии касательно признания значения традиционных ценностей и основанных на них образов жизни началами развития стран и народов. Речь идет о формулировании принципов достойной жизни в соответствии с исторически сформировавшимися стержневыми ценностями сообществ и традиционными формами идентичности. Несомненно, достойная жизнь подразумевает и материальное благосостояние, являющееся результатом динамичного модернизационного движения общества. Но традиционные ценности и идентичности как раз и выступают источником современного развития. Движение в современность осуществляется на основании, в органическом творческом единстве с исторически сформированными идентичностями, при творческом сохранении культурных почв, а не вопреки им. При этом сами материальные ценности являются производными от культурного достояния.

Очевидна связь стратегии евразийского консенсуса с развитием Евразии как коммуникативно-го сообщества, характеризующегося высокой диалогической культурой. Коммуникативная этика народов Евразии должна базироваться на принципах, утверждающих достоинство личности и народов, равенство народов и рас, признание своеобразия и духовной глубины участников диалогического процесса.

Стратегия евразийского консенсуса означает видение интеграционных процессов в ракурсе многонародного форума культурной памяти — форума взаимного признания, взаимного открытия духовной глубины другого, на котором осуществляется сближение и обретение общности, обнаруживаются горизонты общих ценностей и идентичности.

В контексте стратегии евразийского консенсуса интеграционные процессы призваны воплощаться в пространстве целостного исторического самосознания. Речь идет о видении народами

Евразии собственной кооперации в ракурсе исторической глубины, о видении укорененности интеграционного взаимодействия в глубинных пластах и коллективных идентичностях прошлого, об осознании исторического соприкосновения и взаимопроницаемости форм культурного наследия. В таком случае кооперация будет осуществляться в ракурсе культурного союза между народами, сложения союза народно-исторических государств (государств с высокой ценностно-насыщенной идентичностью), содействующего расширению их суверенитета через углубление взаимодействия.

Выделенные принципы стратегии евразийского консенсуса почерпнуты из опыта развития Российской цивилизации. Стратегия евразийского консенсуса в той или иной степени дана в российских миростроительных принципах. Она содержится во вселенском послании русской культуры.

3.16. ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ И ВОПРОСЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В нашем анализе мы будем исходить из концепции гражданской нации И. А. Ильина. Гражданская нация видится мыслителю общенациональным братством, всенациональным сотрудничеством народов России в русской культуре, связывается с их соучастием в общественно-политической жизни страны. Гражданскую нацию, следуя логике И. А. Ильина, можно определить и как выражение живого организма России, сформированного под историческим водительством русского народа.

Известно, что цели государственной национальной политики Российской Федерации подразумевают формирование общероссийского национально-гражданского самосознания, упрочнение духовной общности многонационального народа Российской Федерации (русской нации) при сохранении этнокультурного многообразия народов России.

Российская нация — исторически сложившаяся целостная единая социокультурная общность, объединенная русской культурой и характеризующаяся «многоцветием» этнокультурного разнообразия. К сожалению, приходится констатировать, что рядом представителей экспертного сообщества России продолжают навязываться обществу и государству скомпрометировавшие себя повсеместно мультикультуралистские теории и практики. Непреодоленное влияние мультикультурализма приводит к тому, что превратно трактуемое содействие этнокультурному многообразию народов России (в смысле поощрения искусственного конструирования многообразия в социальных тканях) приходит в противоречие с задачами укрепления единства многонационального народа Российской Федерации. В таком случае понятие «русская нация» может заведомо исказиться по лекалам мультикультурализма, утрачивая классическую культурно-историческую трактовку и приобретая трактовку чрезвычайно абстрактную, формальную, удобную для наполнения мультикультуралистским содержанием, что означает фальсификацию гражданского нациестроительства.

Непреодоленное влияние теорий мультикультурализма в российской экспертной среде делает целесообразным указание на комплекс мультикультуралистских идей и подходов, имеющий отношение к подрыву национально-гражданского строительства.

Следуя мультикультуралистским принципам, этничность представляет собой социальную конструкцию, характеризующуюся гибкостью и податливостью. Сущность этничности определяется теми, кто с ней «работает». Этничность «лепится» каждый раз в зависимости от властных отношений. Она может быть рассмотрена как нечто изменчивое, всегда открытое для трансформаций, носящее ситуативный характер, не укорененное в истории, не обладающее базовыми чертами, конструируемое извне. Речь идет о «дискурсе фиктивной идентичности», который фактически как угодно конструируется экспертами и продвигается во власть. Странники мультикультурализма целеустремленно стараются вдохновить власть идеей произвольного тиражирования «этнического многообразия». Искусственное культивирование мнимого «этнического многообразия» принципиально для мультикультурализма, так как дискурс «периферийной этничности» подрывает

исторически вышедшие в данной стране основополагающие модели гражданско-национального единства.

Именно приверженцы мультикультурализма настаивают на искусственном возвращении «этнокультурного многообразия», навязывая свои представления обществу и государству, желая превратить государство в «машину», непрерывно производящую всевозможные «многообразия» и «идентичности», не укорененные в исторических формах жизни. Государство, зараженное «политикой идентичности», основанной на произвольном тиражировании этничности, ее искусственном формировании и развитии, содействует фрагментации больших сообществ, заведомо подрывает основы гражданской нации, погружает народ страны в состояние идентификационного кризиса. Действительно, мир «этнических идентичностей», обращенных «в разные стороны», да еще старательно возделываемый государством, выглядит для гражданина утратившим связь с народными истоками. Последний оказывается «заброшенным» в состоящее из искусственных элементов конструируемое пространство, которое никак нельзя воспринять в качестве дома.

Серьезный «побочный эффект» практического воплощения мультикультуралистских теорий — фрагментация общественной жизни и рост этносепаратизма. Мультикультуралистские подходы позволяют безосновательно рассматривать любые социальные группы как этнокультурные. В их контексте фактически любое социальное объединение имеет право интерпретировать свою деятельность как программу этнокультурного развития. Мультикультурализм беспочвенно делегирует культурную идентичность любой группе, заявляющей о своих якобы культурных задачах. Он поощряет произвольное экспериментирование с культурой и этничностью на всех уровнях. Но тогда каждый может заявить право «на свою долю» в национальном общественно-государственном организме, причем именно так, как он это понимает. В таком случае сторонники «этнокультурного многообразия» способны оспаривать существование преобладающей общегражданской национальной культуры, утверждая тем самым фрагментацию общественной жизни и этносепаратизм.

Существенный «след» мультикультурализма состоит в замалчивании значения русской культуры как начала, собирающего и сплачивающего российскую нацию в единое целое. Системное искусственное замалчивание значения русской культуры в формировании российской нации, отсутствие ясного указания на важность ее поддержки в целях российского нациестроительства, позиционирование ее роли в виде «скрытого», неочевидного тезиса, требующего расшифровки и допускающего различные трактовки, способствуют идентификационной дезориентации, росту психологии внутреннего диссидентства, отчуждению народа от государства, распространению сомнений в целесообразности существования российской нации как таковой.

Задачей Российского государства выступает обеспечение приобщения к русскому языку и культуре на всей его территории и для всех его граждан. Несомненно, региональные власти и органы местного самоуправления вместе с общественными организациями и частным бизнесом имеют все основания поддерживать культурные и языковые запросы граждан в целях сохранения присущего России культурного многообразия. Тем не менее это не означает, что их творческая кооперация не должна затрагивать вопросы обеспечения приобщения к русскому языку и культуре, сводиться исключительно к одностороннему обеспечению предпочтений представителей миноритарных сообществ.

Сотрудничество общественных и государственных сил, которое в той или иной форме и степени всегда осуществляется на региональном уровне (даже будучи слабо институционализированным и в силу этого недостаточно очевидным), при одностороннем содействии «этническому многообразию» в смысле мультикультурализма способно провоцировать так называемую позитивную дискриминацию (дискриминацию наоборот), сопровождающуюся кризисом общегражданской идентичности, конфликтами между этнонациональной и общегражданской лояльностью, ощущением непричастности к общенациональной жизни у большинства. Эффективное взаимодействие общественных и государственных сил на региональном уровне определяется их способностью содействовать этнокультурному многообразию, не упуская из вида задачу поддержки русской культуры как связующего начала межэтнической коммуникации, сокращающего культурные дистанции, связующего начала, способствующего сохранению и расцвету этно-

культурного многообразия. Принципиально значимо творческое соединение программ и проектов, нацеленных на содействие русской культуре, с проектами и программами, содействующими этнокультурному многообразию. Существенно их творческое соединение, включенность первых во вторые, их синтезирование. Важно адекватное отражение в проектах и программах исторической вовлеченности русской культуры в процесс раскрытия этнокультурного многообразия, ее включенности в фундаментальные процессы истории и современной жизни различных народов страны. Речь идет не о том, чтобы симметрично дополнить содействие этнокультурному многообразию содействием русской культуре, а о его погружении в русский культурный контекст, отражении русской культуры как неотъемлемой части самосознания народов России, их этнопонимания, отражении ценностей русской культуры народами России как своих собственных, а не принятых по принуждению.

Безусловно, проекты и полномочия региональных органов власти обладают глубокой спецификой. Их работа требует понимания своеобразия региона, компетентной коммуникации с общественными организациями. Тем не менее она не может быть сведена к пассивной рецепции общественных инициатив. Региональная власть должна оставаться активным субъектом национальной политики. Эффективность ее работы напрямую связана с умением отделить подлинное этнокультурное своеобразие от его фальсификаций, с накоплением практики определения ценностных границ деятельности гражданских ассоциаций, со способностью последовательно приобщать к созиданию национального единства гражданские институты, содействовать этническим идентичностям, обладающим трансгосударственным характером, в их роли связующих звеньев гражданской нации, содействовать органическому сочетанию региональных и этнических лояльностей с национально-гражданской, кросс-этническому взаимодействию как фактору формирования общероссийского национального самосознания.

Важным видится преодоление региональной властью рецепционных, а также односторонне патерналистских и протекционистских принципов работы. Функции региональной власти не сводятся к регистрации происходящих процессов и их опеке. Подобные «пассивные» стратегии могут смыкаться с тиражированием искусственного этнокультурного многообразия, оборачиваться активным воплощением принципов мультикультурализма. Призывание региональной власти — в поощрении к деятельности на общее благо страны, вовлечении сообществ в гражданско-национальную интеграцию. Стратегии вовлечения и поощрения подразумевают работу с исторически укорененными идентичностями, а не умышленно созданными социальными конструктами.

В сотрудничестве региональной власти и общественных сил большое значение имеет верификация деятельности и программ сообществ, заявляющих о себе в качестве субъектов уникальных этнокультурных, национальных и цивилизационных идентичностей. Как известно, в России количество национальностей выросло за двадцать лет со 128 (1989) до 182 (2002), и в переписи населения 2010 года еще добавилось около десяти. Фактически удвоился список коренных малочисленных народов. Крайне важно, руководствуясь принципом информационной открытости, осуществлять публичное обсуждение истории работы сообществ, их современной деятельности, программ их развития.

Чрезвычайно значима серьезная экспертная оценка деятельности сообществ. Необходимо, чтобы они аргументированно обосновали свою связь с духовностью и культурой. Желательно, чтобы они зарекомендовали себя как работающие на благо общества в течение определенного времени. Если сообщество не доказало своей жизнеспособности в аспекте деятельности на общее благо страны, если оно лишено опыта созидательной культурно-творческой работы, если путь его развития не подразумевает разнообразные, но действенные механизмы включения в преобладающую национально-гражданскую культуру, если декларируемые им ценности и стили жизни при всем своеобразии не направлены на воплощение общероссийского национально-ценностно-нормативного гражданского консенсуса, то государственная поддержка его программ может быть оспорена.

Отнюдь не всякое сообщество, обозначившее свои цели как культурные и в силу этого заявляющее претензии на государственную поддержку, является подлинно таковым. Государственная поддержка должна оказываться сообществам, ориентированным на включение и интеграцию

в пространство гражданско-национальной жизни, на поддержание собственной идентичности в глубинной взаимосвязи с общенациональной, сообществам, действительно глубоко укорененным в истории страны, позиционирующим свою самобытность в горизонте русской культуры.

Можно положительно рассматривать инициативы касательно большей передачи ресурсов, полномочий и ответственности в области этнокультурной политики и регулирования межэтнических отношений на уровень региональной и местной властей, общественных сил, традиционных институтов. Действительно, этот уровень зарекомендовал себя как эффективный в разрешении межэтнических противоречий. Тем не менее эффективность подобных шагов все же будет очевидной при концептуальной консолидации экспертного сообщества, на основании оценок которого должны приниматься стратегические решения. Его работа должна осуществляться в едином концептуальном пространстве. Региональный уровень экспертного сообщества должен реализовывать деятельность в едином концептуальном поле с федеральным. Региональный компонент экспертного сообщества должен быть воссоединен с федеральным. Несомненно, работа экспертного сообщества в регионах может и должна воплощать принцип сотрудничества государственной власти и общества. При этом она должна опираться на единые принципы.

Глава 4 Современные проблемы в сфере состояния межнациональных отношений как результат внедрения в общественно-государственную жизнь страны западных моделей нациестроительства

4.1. БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В нашем анализе мы будем исходить из президентской концепции государственной национальной политики. Отметим, что она основывается на интеллектуальной традиции русской мысли (творческое наследие К. Леонтьева, И. Ильина, Н. Бердяева и многих других), зиждется на многовековом опыте развития нашего Отечества. Обозначим ее стержневые принципы.

4.1.1. Президент исходит из представления о России как об «историческом государстве», «государстве-цивилизации», «которое способно органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий»¹. Им отмечается уникальная созидательная роль русского народа в его строительстве. Русский народ и его культура, ставшая достоянием всех народов страны, видятся ему стержнем, скрепляющим ткань Российской цивилизации. Поскольку российская цивилизационная идентичность зиждется на сохранении русской культурной доминанты, то соответственно русский культурный код «надо питать, укреплять и беречь»².

4.1.2. Исторически Россия формировалась как многонациональное государство-цивилизация и многонациональный народ — гражданская нация. Именно объединяющие начала гражданской нации, на взгляд президента, позволили преодолеть Смутное время XVII столетия. В. В. Путин указывает на связывающую роль русского народа и его культуры в формировании гражданской нации России. Российская гражданская идентичность зиждется на сохранении русской культурной доминанты, ставшей достоянием всех народов страны. Соответственно укрепление единства гражданской нации достигается через сохранение и упрочение русской культурной доминанты, обеспечение ее непрерывной передачи из поколения в поколение.

4.1.3. Президент говорит о важности формирования стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме, рассматривает гражданский патриотизм как основу национального единства России. Он убежден, что патриотизм выступает объединительным фактором российской нации. При этом гражданский патриотизм предстает для него в органической связи с правосознанием общества, культурными и религиозными традициями.

4.1.4. Президент видит гражданскую нацию в контексте единого правового и культурно-ценностного поля страны. «Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности»³. «Формирование именно гражданской идентичности на основе общих ценностей, патриотического сознания, гражданской ответственности и солидарности, уважения к закону, сопричастность к судьбе Родины без потери связи со своими этническими, религиозными корнями — необходимое условие сохранения единства страны»⁴. Гражданин страны — человек, любящий свою Родину, обладающий высокой внутренней культурой, впитавший ее ценности, историю и традиции, не забывающий о вере и этнической принадлежности.

В формировании гражданина России президентом особо выделяется «гражданская задача образования и системы просвещения — дать каждому тот абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа»⁵. «И в первую очередь речь должна идти о повышении в образовательном процессе роли таких предметов, как русский язык, русская литература, отечественная история — естественно, в контексте всего богатства национальных традиций и культур»⁶.

4.1.5. Президент считает стратегической задачей сбережение народов и культур Российской полиэтнической цивилизации, их вовлечение в государственное и культурное созидание. Он убежден, что «в нашем многообразии всегда была и есть наша красота и наша сила»⁷. Важно отметить, что речь идет именно о единстве в многообразии — гражданско-национальном и цивилизационном.

4.1.6. Президент подчеркивает органическую связь национальной и культурной политики. Он указывает на необходимость культурной политики, формирующей понимание единства исторического процесса, вырабатывающей целостное мировоззрение, скрепляющее нацию. Государственная национальная и культурная политика должна проистекать из основополагающих ценностей Российской цивилизации, опираться на все богатство отечественного исторического опыта.

4.1.7. В. В. Путин исходит из традиционного для России представления об активной и созидательной роли государства в решении общенациональных вопросов. При этом им подчеркивается важность сотрудничества общества и государства. «Гражданский мир и межнациональное согласие... — это кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить “единство в многообразии”»⁸. Президентом особо отмечается, что насильно заставить быть вместе нельзя.

Итак, с позиции президента, Россия исторически складывалась как многонациональное государство-цивилизация и многонациональный народ — гражданская нация. Им указывается на уникальную связывающую, объединительную роль русского народа и его культуры в формировании России как страны-цивилизации и гражданской нации. Национальная политика связывается президентом с сохранением и укреплением русской культурной доминанты страны. Он видит гражданскую нацию в контексте единого правового и культурно-ценностного поля России. Президент говорит о важности формирования стратегии национальной политики, основанной на гражданском патриотизме, связывая его с правосознанием общества, культурными и религиозными традициями. Он считает стратегической задачей сбережение народов и культур Российской полиэтнической цивилизации, понимая при этом сохранение единства (гражданско-национального и цивилизационного) в многообразии. Президент подчеркивает органическую связь национальной и культурной политики. Он исходит из традиционного для России представления об активной и созидательной роли государства в решении общенациональных вопросов. При этом им указывается на важность сотрудничества общества и государства.

1–3 Путин Владимир. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23. 01. 2012.

4 Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 19. 09. 2013.

5, 6 Путин Владимир. Указ. соч.

7 Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию от 12. 12. 2012.

8 Путин Владимир. Указ. соч.

4.2. ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ, НЕСОВМЕСТИМЫЕ С НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ясно и последовательно В. В. Путин обозначил те подходы, теории и практики, с которыми национальная политика несовместима. Оппонирование им — неотъемлемая составляющая президентского видения национальной политики.

4.2.1. Президент выступает против механического копирования чужого опыта. На его взгляд, «грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идео-

логическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера»¹.

4.2.2. Президент подчеркивает, что национальная идея основывается на национальной идентичности. Она не может быть разработана как искусственный конструкт социальными технологами и экспертами в отрыве от ценностей Российской цивилизации, при игнорировании исторического пути страны, вне ее богатейших культурных традиций, а затем навязана обществу. «Мы также понимаем, что идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии. Такая конструкция неустойчива и очень уязвима, мы знаем это по собственному опыту, она не имеет будущего в современном мире»².

4.2.3. Президент четко выделяет ряд опасных для страны концепций и социальных технологий, направленных на то, чтобы «вырвать» русский стержень, скрепляющий ткань Российской цивилизации, взломать русский цивилизационный код страны. «Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России — под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о “расовой чистоте”, о необходимости завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа. Чтобы в конечном счете заставить людей своими руками уничтожить собственную Родину»³.

4.2.4. С позиции президента, в ряде современных стран «пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур»⁴. Подобные процессы связаны с искусственным и принудительным разрушением традиционных ценностей «сверху», что «в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии»⁵. Для президента неприемлемы модели национальной политики, не укорененные в истории народов, основанные на навязываемых обществу отвлеченных идеях, разрушающие народные традиции и нравственные основания народной жизни.

4.2.5. Президент подверг жесткой критике теории и практики мультикультурализма, констатировал их крах. Мультикультурализм видится ему искусственно внедряемой сверху, привнесённой моделью. Следуя его позиции, мультикультурализм «возводит в абсолют “право меньшинства на отличие” и при этом недостаточно уравнивает это право — гражданскими, поведенческими и культурными обязанностями по отношению к коренному населению и обществу в целом»⁶. «Во многих странах складываются замкнутые национально-религиозные общины, которые не только ассимилироваться, но даже и адаптироваться отказываются. Известны кварталы и целые города, где уже поколения приезжих живут на социальные пособия и не говорят на языке страны пребывания. Ответная реакция на такую модель поведения — рост ксенофобии среди местного коренного населения, попытка жестко защитить свои интересы, рабочие места, социальные блага — от “чужеродных конкурентов”. Люди шокированы агрессивным давлением на свои традиции, привычный жизненный уклад и всерьез опасаются угрозы утратить национально-государственную идентичность»⁷. С позиции президента, «нужно уважать право любого меньшинства на отличие, но и право большинства не должно быть поставлено под сомнение»⁸. В. В. Путин указывает на недопустимость построения национальной жизни в стране исходя из идей и практик мультикультурализма: «Мы не допустим появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила»⁹. Мультикультуралистской бесполой и бесплодной толерантности Путин противопоставляет российский опыт «совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства»¹⁰.

4.2.6. Историческая Россия, следуя президенту, не складывалась как государство моноэтническое, поэтому идея реализации проекта моноэтнического государства находится в противоречии с историей страны. Эксплуатируя «тему русского, татарского, кавказского, сибирского и какого угодно еще любого другого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода»¹¹.

4.2.7. Особое внимание президент уделяет выявлению истинных причин межэтнического напряжения в стране. «Его провоцируют не представители каких-то народов, а люди, лишенные культуры, уважения к традициям, как своим, так и чужим. Это своего рода аморальный интернационал...»¹².

Таким образом, глубинные причины межэтнического напряжения связываются президентом с забвением культурных ценностей и традиций.

Подведем итоги. Президент выступает против механического копирования чужого опыта формирования нации, связывая такое копирование с попытками цивилизовать Россию извне. Им подчеркивается, что национальная идея основывается на национальной идентичности. Она не может быть разработана как искусственный конструкт социальными технологами и экспертами в отрыве от ценностей Российской цивилизации, а затем навязана обществу. Президент видит неприемлемыми для страны концепции и социальные технологии, направленные на то, чтобы «вырвать» русский стержень, скрепляющий ткань Российской цивилизации. Он подверг жесткой критике теории и практики мультикультурализма, констатировал их крах. Мультикультуралистской бесплодной и бесплодной толерантности он противопоставил российский опыт «совместной, органичной жизни разных народов в рамках одного единого государства»¹³. Глубинные причины межэтнического напряжения связываются им с забвением культурных ценностей и традиций.

1,2 Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 19. 09. 2013.

3 Путин Владимир. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23. 01. 2012.

4,5 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12. 12. 2013.

6–8 Владимир Путин. Указ. соч.

9 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12. 12. 2012.

10 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12. 12. 2013.

11 Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». 19. 09. 2013.

12 Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 12. 12. 2013.

13 Там же.

4.3. КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ СОСТОЯНИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», представленном рабочей группой на заседании президиума Государственного совета РФ (11 февраля 2011, Уфа), в качестве ключевых проблем в сфере состояния межнациональных отношений верно выделены:

4.3.1. Слабая общероссийская гражданская идентичность, в том числе у северокавказской молодежи, при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации.

4.3.2. Этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм, в том числе в молодежной среде.

4.3.3. Сложное социокультурное самочувствие русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей.

4.3.4. Рост националистических настроений в среде русской молодежи.

4.3.5. Низкая активность неправительственных организаций.

4.3.6. Отсутствие общественного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества, по-прежнему незначительная роль традиционных (в том числе семейных и религиозных) ценностей в жизни современного россиянина на фоне роста активности как традиционных, так и новых религиозных организаций.

4.3.7. Попытки реализации на территории Российской Федерации ряда геополитических проектов в интересах отдельных зарубежных государств, этнических или религиозных сообществ и направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в России вплоть до распада государства по этническому или религиозному принципу.

Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)» отмечает все те же фундаментальные проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России, расширяя их перечень:

4.3.8. Слабое общероссийское гражданское самосознание (общероссийская гражданская идентичность) при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации.

4.3.9. Этнополитический и религиозно-политический радикализм и экстремизм.

4.3.10. Сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей.

4.3.11. Рост националистических настроений в среде различных этнических общностей.

4.3.12. Рост числа внешних трудовых мигрантов и их низкая социокультурная адаптация к условиям принимающего сообщества.

4.3.13. Недостаточная координация как на федеральном, так и на региональном уровне использования ресурсов в целях достижения гармонизации межнациональных отношений, укрепления гражданского единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации).

4.3.14. Сохранение (при высоком российском стандарте защиты языковых и культурных прав народов России) неудовлетворенности в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав.

4.3.15. Сохранение сложной этнополитической и религиозно-политической ситуации на Северном Кавказе.

4.3.16. Усиление негативного влияния внутренней миграции на состояние межэтнических и межрелигиозных отношений в субъектах Российской Федерации.

В Указе Президента РФ от 19 декабря 2012 г. №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» прямо говорится о том, что нерешенные проблемы в сфере межнациональных отношений вызваны некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации. При этом указывается на сохранение актуальности проблем, связанных с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма (обозначим как 4.3.17).

Цели государственной национальной политики Российской Федерации подразумевают упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации). К сожалению, при взгляде на выделенные ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений очевидно, что потенциал общегражданской национальной солидарности остается до сих пор раскрытым явно недостаточно. Между тем единый многонациональный народ рассматривается единственным источником власти в Конституции страны! Отмеченные проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России носят настолько существенный характер, что правомочно поставить вопрос о выявлении тех концептуальных подходов в государственной политике, которые оказались не в состоянии обеспечить сильную национально-гражданскую идентичность и межнациональное согласие в российском обществе.

Итак, ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений свидетельствуют о том, что потенциал общегражданской национальной солидарности остается до сих пор раскрытым явно недостаточно. Ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России носят настолько существенный характер, что правомочно поставить вопрос о выявлении тех концептуальных подходов в государственной политике, которые оказались не в состоянии обеспечить сильную национально-гражданскую идентичность и межнациональное согласие в российском обществе.

4.4. ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ СТРАНЫ ЗАПАДНЫХ МОДЕЛЕЙ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

К сожалению, приходится констатировать, что представителями экспертного сообщества России навязывались и продолжают навязываться обществу и государству повсеместно скомпрометировавшие себя, разработанные на Западе, не укорененные в российском культурно-историческом опыте, неорганичные для России теории и практики гражданского нациестроительства. В таком случае образ российской нации заведомо искажается по западным лекалам, утрачивая характерное для российского культурно-исторического пути содержание, что означает фальсификацию гражданского нациестроительства.

Эксперты, навязывающие западные (неолиберальные и постмодернистские) трактовки гражданской нации, подают их с большим энтузиазмом как единственно возможные, как некое «откровение» о национальном вопросе. Для них речь идет о качественно новом уровне формирования национальной идентичности. Складывается впечатление, что Россия до недавнего времени, в сущности, не имела вразумительных представлений о гражданской нации. Между тем подобные подходы представляют собой разработки западных экспертных групп и социальных технологов конца XX — начала XXI столетия, связанные с повсеместно подвергающимся критике неолиберализмом и постмодернизмом.

Внедрение указанных подходов не соответствует президентской модели национальной политики, так как соединено с грубыми заимствованиями, механическим копированием противоречивых западных теорий и опыта конца XX — начала XXI столетия, представляет собой попытки цивилизовать Россию извне, что не может быть принято большинством народа, видящим в суверенитете фундаментальную ценность. Западные подходы не проистекают из основополагающих ценностей Российской цивилизации, не опираются на все богатство отечественного исторического опыта.

Далее мы продемонстрируем несоответствие западных теорий и практик нациестроительства президентской концепции, а также выявим зависимость ключевых проблем в сфере состояния межнациональных отношений от их внедрения в сферу национальной политики.

4.4.1. Западные теории, тиражируемые российской экспертной средой, исходят из субъективистских и конструктивистских трактовок нации, отличающихся ограниченностью и внутренней противоречивостью. В их контексте нация — продукт конструирования узких интеллектуальных групп, навязывающих обществу и государству свое видение социальной реальности. Тогда как в действительности нация — естественным образом сложившиеся в ходе исторического процесса, объективно существующие общности.

Конструктивистская идентичность представляет собой разработку национальной идеи как искусственного конструкта в отрыве от исторически сложившейся российской национальной и цивилизационной идентичности. Ее внедрение связано с попыткой навязать идентичность искусственно сверху, на основе идеологической монополии, антидемократично, что не достигнет желаемых целей, так как не будет принято большинством. Гражданская нация как конструктивистская идентичность не смогла и не сможет стать ведущей идентичностью, объединяющей население страны.

Формирование национальной политики, исходя из конструктивистских подходов, оборачивается замещением соработничества общества и государства подчинением государства влиянию узких экспертных групп, трактующих себя элитой, конструирующей социальную реальность с чистого листа. Такая ситуация становится неблагоприятным фактором для партнерских взаимоотношений между общественными объединениями и государственными структурами, не способствует вовлечению в работу по выработке и реализации национальной политики институтов гражданского общества, блокирует созидательную активность неправительственных организаций, разрушает общественно-государственный консенсус (см. 4.3.5, 4.3.6).

4.4.2. Внедряемые теории гражданской нации связывают идею гражданства с минимально «нагруженной» идентичностью, «тонким» пониманием, не подразумевающим укорененности гражданина в исторической общности, наличие формирующей его целостной культурной среды, выработанной в ход коллективной истории, следование традиционной этике и правовой культуре. Гражданский статус здесь конкретизируется в основном через формально трактующие права. Подобное видение гражданства означает ревизию его классического понимания. Отечественная история присуща классическая, ценностно-насыщенная идея гражданства, связанная с добродетелями (ответственность за дела сообщества, взаимное уважение, дружба, доброжелательность и т. д.), патриотической солидарностью, приобщением к культурному наследию.

Воплощение модели гражданства с минимально «нагруженной» идентичностью, «тонким» содержанием может способствовать развитию субъективизма в моральных суждениях, разрыву социальных связей, отрыву от культурно-исторических корней, ценностному релятивизму, переходящему в правовую нигилизм, что делает человека легко подверженным манипуляции со стороны разного рода националистов и экстремистов (см. 4.3.2, 4.3.4, 4.3.7, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.17).

Внедрение культурно-дистанцированной концепции гражданской нации, строго разграничивающей гражданство и культурную идентичность, трактующей гражданство как не соположенное ей, означает разрушение органической связи национальной и культурной политики. Культурная политика, вырабатывающая целостное мировоззрение, скрепляющее нацию, оказывается отчужденной от национальной в силу несущественного значения культурного «компонента» гражданской идентичности, его трактовки как некой «прибавки» к последней.

4.4.3. Следуя западным моделям, гражданская нация — произвольно выделяемая абстрактная, формальная правовая общность, не связанная историческим и культурным единством. Строительство такой нации зиждется на поощрении абстрактной, бессодержательной, формально трактующей идентичности. Оно протекает вне ценностно-смыслового и нравственного наполнения национального единства, вне поощрения высокого уровня «насыщенности» поддерживаемой государством идентичности культурным, историческим, ценностным содержанием.

В действительности гражданская нация представляет собой историческую форму существования народа. Она насыщена ценностным, историческим, глубинным культурным содержанием, являя собой как правовое, так и духовно-нравственное единство. Она создается вдоль культурных линий, а не наперекор им.

Следуя западным моделям, гражданская нация возводится через ее отделение от культуры большинства. Исторически обусловленное единство гражданской нации и культуры большинства должно быть искусственно прервано, так как оно «всегда препятствует» равному участию граждан в общественно-политической жизни. Именно «успешное» осуществление разрыва культуры большинства и гражданской нации позволяет адекватно сформировать последнюю в качестве максимально абстрактной, годной для приобщения всех граждан в одинаковой степени. Собственно такой разрыв и выступает показателем «эффективности» гражданского нациестроительства.

Народы России сплотились в гражданскую нацию вокруг ценностного мира русской культуры. Внедряемые западные теории, не учитывающие роль русского народа и его культуры в ее формировании, лишаящие его своеобразного лица в некой оторванной от истории общности, могут быть отнесены к опасным для страны концепциям и социальным технологиям, направленным на то, чтобы «вырвать» русский стержень, скрепляющий ткань Российской цивилизации, взломать русский цивилизационный код страны.

Формальная теория гражданской нации предполагает, что универсальный культурный потенциал русского народа (на основании которого осуществляется интеграция) не будет раскрыт в ее формировании, что ведет к умалению выражения русской идентичности, не учитывает в полной мере этнокультурные интересы русской нации. Это опасная позиция, так как самочувствие русского народа во многом определяет межнациональную ситуацию в целом. Неадекватная оценка статуса русских чревата распространением синдрома социальной обиды, чем спешат воспользоваться радикалы, экстремисты и сепаратисты (см. 4.3.1—4.3.4).

4.4.4. Внедрение западных теорий гражданской нации вносит немалый «вклад» в этнополитическую фрагментацию страны. Ценностно-нейтральная, «тонкая» гражданская идентичность не в состоянии выступить объединяющим этносы началом. Абстрактная гражданская идентичность именно в силу ее абстрактности воспринимается многими этносами в ракурсе «разгосударствления», добровольного «самоустранения государства», тогда как «разгосударствление» и деполитизация должны сопутствовать деятельности этнических общностей. Абстрактная трактовка позволяет усомниться в самой сути гражданской идентификации. В ней можно увидеть достаточно искусственную и необязательную форму вторичной идентификации, противостоящей «естественной» первичной идентификации общин. «Тонкая» гражданская идентичность стимулирует мобилизацию этнических механизмов идентификации, способствует «возвышению» значения этнического фактора до политического, провоцирует переосмысление этнических идентичностей как политико-образующих. При чрезмерной политизации этнической идентичности открываются «возможности» перевода социальных проблем в политическую плоскость. Политизация этничности, провоцируемая внедрением формальных моделей гражданской нации, содействует развитию этносепаратизма, оборачивается попытками реализации на территории Российской Федерации ряда геополитических проектов в интересах отдельных зарубежных государств, этнических или религиозных

сообществ, направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в России вплоть до распада государства по этническому или религиозному принципу (см. 4.3.1—4.3.3, 4.3.7—4.3.9, 4.3.15).

4.4.5. Формирование российской гражданской нации подразумевает обращение к патриотизму, понимаемому именно в культурном и цивилизационном смысловом горизонте. Именно подобным образом истолкованный патриотизм является фундаментом гражданско-национального единства. Абстрактные теории гражданской нации подразумевают обращение лишь к формальному конституционному патриотизму, который отнюдь не в состоянии породить подлинное глубокое гражданско-национальное единение.

Внедрение формального конституционного патриотизма, который не в состоянии удовлетворить глубокие и искренние запросы молодежи при недостатке ее социального опыта и ряде обстоятельств, способствует обращению молодежи к национализму, радикализму и экстремизму (см. 4.3.2).

4.4.6. Формальные теории гражданской нации тесно связаны с концепцией нейтрального государства — государства, не отстаивающего видение общего блага, вырабатываемого в ходе совместных культурно-исторических практик людей, не обосновывающего своих действий на основе тех или иных исторически и культурно укорененных образов достойной жизни и не старающегося повлиять на суждения людей об их ценности.

Внедрение формальных моделей гражданской нации оборачивается утверждением принципа нейтральности государства. Государство, обретающее свою легитимность через принцип нейтральности, нацелено на воздержание от оценки и поощрения исторически сформированных традиционных ценностей и образов жизни. Тем самым оно генерирует благоприятные условия для ослабления влияния традиционных ценностей и идентичностей, вытеснения исторически вызревших традиционных жизнестроительных моделей из общественного сознания силами, разрушающими складывающуюся столетиями традиционную духовность, чем во многом объясняется незначительная роль традиционных (в том числе семейных и религиозных) ценностей в жизни современного россиянина (см. 4.3.6).

Нейтральное государство, не нацеленное на осуществление политики общего блага, не ставит своей задачей органично решать задачу интеграции различных этносов и конфессий, что содействует консервации межэтнической напряженности и национализма.

Внедрение модели нейтрального государства приводит к тому, что власть начинает односторонне ориентироваться на «пассивные» стратегии. Функции власти сводятся тем самым к регистрации происходящих процессов и их опеке, тогда как ее подлинное призвание — в поощрении к деятельности на общее благо страны, вовлечении сообществ в гражданско-национальную интеграцию. Конечно, стратегии вовлечения и поощрения подразумевают работу с исторически укорененными идентичностями, а не умышленно созданными социальными конструктами (мультикультурализм). «Пассивные» стратегии обуславливают ситуативную реакцию власти на вызовы и угрозы ксенофобии, национализма, экстремизма, этносепаратизма, терроризма, включая противодействие геополитическим угрозам. Ситуативная реакция, в свою очередь, способствует системному воспроизводству этих вызовов и угроз в жизни страны (см. 4.3.2, 4.3.4, 4.3.7, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.15, 4.3.17).

4.4.7. Внедрение государством формальных теорий гражданской нации не содействует обретению общественного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества. Воспроизведение ценностного консенсуса, который выступает основой современного развития Российской цивилизационной и гражданской общности, подразумевает, что его полагают граждане, выступающие носителями всего богатства культурного мира страны, обладающие развитым правосознанием и исторической памятью, граждане как представители правовой и культурно-исторической общности. Нынешнее согласие по вопросу базовых ценностей российского общества свободно достижимо при опоре на общий исторический опыт и культурные практики. Абстрактность понимания общего консенсуса в формальных теориях гражданской нации осложняет его выявление в силу утраты им положительного содержания. Понимание консенсуса как абстрактных, формальных конвенций открывает путь произвольному конструированию, фальсификации и замещению выражения воли граждан, самого гражданского согласия. Этим «окном возможностей» пользовались и будут пользоваться националисты, экстремисты, радикалы и террористы всех мастей. При этом они употребляются в качестве инструментов для дестабилизации общественно-

политической ситуации в России в целях достижения геополитических целей других государств (см. 4.3.2, 4.3.4, 4.3.7, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.17).

4.4.8. Формальная теория гражданской нации провоцирует конфликт между гражданско-национальной идентичностью и государственно-цивилизационной — пониманием России как страны-цивилизации, исторического государства. Цивилизационная идентичность России и ее традиционная государственность как «архаичные», отражающие «слабость» гражданского самосознания, противопоставляются «современной», «демократической» гражданской идентичности.

Полагание напряжения между гражданской и государственно-цивилизационной идентичностью увеличивает риски превращения России в зону конфликта идентичностей, провоцирует идентификационный кризис российского общества, препятствует обретению консенсуса по вопросу о его базовых ценностях (см. 4.3.6). Идею перестройки России по образцу западной гражданской нации при освобождении ее от «бремени» исторической государственности взяли на вооружение национал-сепаратисты, представители неолиберальной оппозиции, мечтающие об организации «русского Майдана». Идею перестройки России по образцу западной модели гражданской нации в настоящее время стала одним из наиболее вероятных концептуальных инструментов сценария «цветной революции» в стране. Таким образом, продвижение западных моделей гражданской нации в России связано с попытками реализации на территории Российской Федерации геополитических проектов в интересах зарубежных государств, направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в России вплоть до распада государства по этническому принципу (см. 4.3.7).

4.4.9. Мультикультурализм — неотъемлемая составная часть формальных подходов к строительству гражданской нации. Формальные трактовки гражданской нации наполняются мультикультуралистским содержанием.

Существенный «след» мультикультурализма в национальной политике состоит в игнорировании значения русской культуры как начала, объединяющего народы страны, начала, способствующего сохранению и раскрытию во всей полноте этнокультурного многообразия России, что содействует отчуждению русского народа от государства, его сложному социокультурному самочувствию, неудовлетворенности его этнокультурных потребностей, распространению сомнений в целесообразности существования российской нации как таковой, провоцирует рост националистических настроений (см. 4.3.1, 4.3.3, 4.3.4, 4.3.8, 4.3.10). Мультикультурализм может быть отнесен к опасным для страны концепциям и социальным технологиям, направленным на то, чтобы «вырвать» русский стержень, скрепляющий ткань Российской цивилизации, взломать русский цивилизационный код страны.

4.4.10. Сторонники мультикультурализма целеустремленно стараются «вдохновить» власть идеей искусственного взращивания, произвольного тиражирования «этнокультурного многообразия». Внедрение мультикультурализма приводит к тому, что искаженно трактуемое содействие этнокультурному многообразию народов России (в смысле поощрения искусственного конструирования многообразия в социальных тканях) приходит в противоречие с задачами укрепления единства многонационального народа Российской Федерации. Государство, усвоившее «политику идентичности», основанную на искусственном конструировании «многообразия», не укорененного в исторических формах жизни, содействует ослаблению исторически вызревшего гражданско-национального единства (см. 4.3.1, 4.3.8).

Мультикультуралистские подходы бесосновательно рассматривают любые социальные группы как этнокультурные, не обладая разработанными принципами и методами верификации их соответствия исторически сложившимся этнокультурным общностям. Фактически любое социальное объединение имеет право интерпретировать свою деятельность как программу этнокультурного развития. Государство, усвоившее подобные подходы, может участвовать в опеке групп, нацеленных в стратегической перспективе на сепаратизм, этнонационализм, ксенофобию, межэтническую нетерпимость, экстремизм (см. 4.3.2, 4.3.4, 4.3.7, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.17).

4.4.11. Мультикультурализм описывает общество как расколотое на изолированные общины, пытающиеся обрести взаимопонимание. В данном смысловом ключе этническая конфликтность, межэтническая напряженность, нетолерантность на полиэтничных территориях и т. д. предстают

как «самоочевидные» вещи. Мультикультуралистские категории описания социальной реальности обладают большим негативным потенциалом. При государственном внедрении мультикультурализма они служат легализации конфликтных практик, играют провоцирующую роль в разжигании межнациональных конфликтов. Описание национальной жизни в России через призму мультикультуралистских схем содействует «нарабатыванию» взрывоопасного потенциала в сфере национальных отношений (см. 4.3.2, 4.3.4, 4.3.7, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.15, 4.3.17).

Мультикультурализм сводит социальное пространство к миру разделенных сообществ, принципиально сориентированных на отдаление друг от друга. Внедрение мультикультурализма оборачивается тиражированием «разорванного» образа русского народа, взглядом на него как множество сообществ, которые неспособны найти общий язык друг с другом, что способствует формированию его сложного социокультурного самочувствия (см. 4.3.3, 4.3.10).

Не содействуя полноценному включению в общую социально-политическую жизнь (представления о которой оказываются размытыми), мультикультурализм в национальной политике провоцирует развитие клановости, сепаратизма, зоологического национализма, религиозного и политического экстремизма. Очевидно, мир замкнутых общин при его длительной искусственной консервации может превратиться в пространство с альтернативными государству системами управления. Внедрение мультикультурализма приводит к недопустимой политизации этнических начал, их диктату над государственной деятельностью, политизации этнического сознания в ущерб общегосударственной солидарности (см. 4.3.2, 4.3.7, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.15, 4.3.17).

Внедрение мультикультурализма в России сопровождается бездумным копированием политики аффирмативного действия, положительной (компенсирующей) дискриминации. Если на определенных этапах развития США и некоторых стран Запада такая политика и имела смысл как своеобразная компенсация угнетения ранее колонизируемых народов, то в России она оборачивается навязыванием обществу исторически неоправданных, идущих вразрез со всей многовековой историей страны образов культуры большинства как связанной с угнетателями и меньшинств как угнетаемых, что является искажением самой сути российского историко-культурного процесса. Копирование позитивной дискриминации приводит к искусственному нагнетанию ложных чувств национальной ущемленности и исключительности, которые зачастую направляются по пути поиска врага среди других народов (см. 4.3.2, 4.3.9, 4.3.11, 4.3.15, 4.3.17). Внедрение позитивной дискриминации содействует формированию сложного социокультурного самочувствия русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ, сохранению (при высоком российском стандарте защиты языковых и культурных прав народов России) неудовлетворенности в среде отдельных народов уровнем обеспечения их культурно-языковых прав (см. 4.3.3, 4.3.14).

Мультикультурализм в государственной национальной политике способствует росту числа внешних трудовых мигрантов и их низкой социокультурной адаптации к условиям принимающего сообщества. Он содействует усилению негативного влияния внутренней миграции на состояние межэтнических и межрелигиозных отношений в субъектах Российской Федерации (см. 4.3.12, 4.3.16).

4.4.12. Если национальная политика подразумевает не всенациональное сотрудничество народов России в русской культуре, а лишь трактуемое в значении мультикультурализма содействие «этнокультурному многообразию», то это закономерно приводит к утрате ее единства, недостаточной координации в силу принципиальной невостребованности целостности и координации (см. 4.3.13).

Основанные на мультикультурализме модели национальной политики предполагают ее максимальную смысловую и организационную децентрацию, разъединение регионального и федерального уровней, отсутствие единых принципов и стандартов работы экспертного сообщества, на основании оценок которого должны приниматься стратегические решения, что оборачивается различным пониманием путей формирования общегосударственной идентичности в субъектах Российской Федерации, отсутствием четко выраженных концептуальных подходов к реализации государственной национальной политики. При этом ресурсы федерального бюджета, направляемые в субъекты Федерации, не обеспечивают реализацию объединительных процессов регионального и общероссийского масштаба (см. 4.3.13).

В ходе анализа удалось установить, что последствия внедрения западных программ конструирования гражданской нации совпадают с ключевыми проблемами в сфере состояния межнациональных отношений в современной России. Приходится констатировать, что внедрение западных подходов становится конфликтообразующим фактором общественно-государственной жизни страны.

4.5. ИТОГИ

Ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России носят настолько существенный характер, что правомочно поставить вопрос о выявлении тех концептуальных подходов в государственной политике, которые оказались не в состоянии обеспечить сильную национально-гражданскую идентичность и межнациональное согласие в российском обществе.

К сожалению, приходится констатировать, что представителями экспертного сообщества России навязывались и продолжают навязываться обществу и государству повсеместно скомпрометировавшие себя, разработанные на Западе, не укорененные в российском культурно-историческом опыте, неорганичные для России теории и практики гражданского нациестроительства. В таком случае образ российской нации заведомо искажается по западным лекалам, утрачивая характерное для российского культурно-исторического пути содержание, что означает фальсификацию гражданского нациестроительства.

Внедрение западных подходов не соответствует президентской модели национальной политики, так как связано с грубыми заимствованиями, механическим копированием противоречивых западных теорий и опыта конца XX — начала XXI столетия, представляет собой попытку цивилизовать Россию извне, что не может быть принято большинством народа, видящего в суверенитете фундаментальную ценность. Западные теории и практики нациестроительства противостоят стержневым принципам президентской концепции государственной национальной политики. Они соответствуют подходам, теориям и практикам, которые обозначены президентом как несовместимые с национальной политикой.

Внедрение западных, неорганичных для России моделей нациестроительства в общественно-государственную жизнь страны:

— содействует ослаблению исторически вызревшего гражданско-национального единства, оборачивается формированием слабой общероссийской гражданской идентичности при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации;

— затрудняет обретение общественного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества, провоцирует его идентификационный кризис, увеличивает риски превращения России в пространство конфликта идентичностей;

— приводит к замещению соработничества общества и государства подчинением государства влиянию узких экспертных групп, что становится неблагоприятным фактором для партнерских взаимоотношений между общественными объединениями и государственными структурами, не содействует вовлечению в работу по выработке и реализации национальной политики институтов гражданского общества, блокирует созидательную активность неправительственных организаций, разрушает общественно-государственный консенсус;

— не способствует раскрытию универсального культурного потенциала русского народа, на основании которого осуществляется гражданская и цивилизационная интеграция, что ведет к умалению выражения русской идентичности, сложному социокультурному самочувствию русского народа на фоне этнической мобилизации других этнических сообществ и роста числа мигрантов, неудовлетворенности его этнокультурных потребностей, росту националистических настроений в среде русской молодежи, а также осложняет межнациональную ситуацию в целом, так как самочувствие русского народа во многом ее определяет;

— генерирует благоприятные условия для ослабления влияния традиционных ценностей и идентичностей, вытеснения исторически вызревших традиционных жизнестроительных моделей из

«Невская сечь» – объединение духовное

Созидательное настоящее всегда бережно хранит память прошлого и на пути духовного делания закладывает краеугольные камни истинных ценностей в основание будущего...

Санкт-Петербургская объединенная общественная организация возрождения культурных традиций и обычаев казачества «Невская сечь» была создана 12 сентября 2013 года, в день перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского. Также в этот день в Санкт-Петербурге проходили торжества, посвященные 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской лавры.

В Свято-Троицком соборе Александро-Невской лавры Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию. Его Святейшество возглавил крестный ход с мощами Александра Невского из Лавры до площади Александра Невского.

В этот же день впервые за многие десятилетия по самому центру города — от Казанского кафедрального собора до Александро-Невской лавры — прошел крестный ход, в котором приняли участие свыше 70 тысяч человек. Крестный ход возглавил епископ Царскосельский Маркелл и 250 священнослужителей Санкт-Петербурга.

Крестоходцы несли по городу чудотворную икону Казанской Божией Матери и другие святыни. Кульминацией праздника стала встреча двух крестных ходов. На площади Александра Невского был отслужен молебен. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился ко всем участникам праздника с Первосвященительским словом.

«Я хотел бы начать свое слово с цитаты из того апостольского чтения, которое мы слышали сегодня за Божественной литургией. Это слова, удивительно странно звучащие для абсолютного большинства современных людей. Слова, которые, как кажется, бросают вызов современным ценностям и современному взгляду на жизнь. А звучат эти слова так: “Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов”, — сказал Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. — Большинство людей скажет: а зачем мне носить чьи-то бремена? У меня и своих бремен полно: и со здоровьем не всегда ладится, и с работой не так уж благополучно, и денег не хватает, и соседи не слишком хорошие, да еще и проблемы с ценами, с коммунальными услугами... Да мало ли что трудное обрушивается на нас с вами в нашей повседневной жизни, и кажется: хватило бы сил свои собственные бремена-то нести, в лучшем случае бремена близких, родных. Но Евангелие категорически требует другого: “Носите бремена друг друга и только тогда исполните закон Христов”».

«Эти слова приобретают огромный смысл, разящую силу правды, когда мы прилагаем их к истории нашего Отечества, — отметил Предстоятель Русской Православной Церкви. — Что происходило на Чудском озере, что происходило здесь, на Неве, в устье Ижоры, когда молодой благоверный князь вступил в схватку с противником, во много превосходящим его по силе? Как смогла бы победить дружина Александра Невского, если бы каждый из дружинников не знал и не выполнял слов “Носите бремена друг друга”? И не самого себя защищал воин и на берегах Невы, и на льду Чудского озера — он подставлял плечо своему собрату, понимая, что гибель рядом стоящего воина — это и его гибель, это и его поражение. Это не просто понести бремя, это не просто поднести латы и меч — это принять на себя удар противника, защитить своим мечом, щитом и грудью того, кто рядом. Разве можно было без веры, без любви к Отечеству совершить эти подвиги?»

Патриарх призвал всех к единению «вопреки современным проблемам и трудностям». «Сегодня... мы не можем не подумать о настоящем, о нашем Отечестве, о всей исторической Руси, о том, как нам важно сегодня, будучи открытыми и к Востоку, и к Западу, принимая нередко культурные модели, возникшие не

у нас, а за рубежом, оставаться самими собой, сохраняя национальное самосознание, силу духа, подлинную идентичность. Без веры это сделать невозможно, и никто не может доказать обратное, потому что и в историческом опыте обратное всегда сопровождалось поражением и разрухой, — сказал Патриарх. — Вот почему, строя современное государство и модернизируя страну, мы должны идти по пути и Петра, и Александра Невского, прочно стоя на своих духовных основах, впитывая Божественную премудрость, выстраивая свои отношения с людьми не по принципу утилитарного использования, а по принципу взаимной поддержки, способности нести на себе бремена других людей, тем самым плотно сшивая ткань общественных отношений — настолько плотно, чтобы никакой катаклизм не был способен ее разрушить».

В торжествах приняли участие первые лица города, руководители высших органов законодательной власти, представители депутатских корпусов всех уровней, священнослужители, верующие из многих городов России, представители многих казачьих формирований.

Среди тех, кто пришел на торжественную службу в Казанский кафедральный собор, а затем принял участие в крестном ходе и помогал обеспечивать его безопасность, была большая группа казаков из Сестрорецка: это члены Конвоя святого царя-страстотерпца Николая II, который был создан 9 мая 2011 года, и казаки Курортного отдела Ставропольского казачьего войска Союза казаков России, который действует в Сестрорецке уже почти десять лет.

После завершения всех торжеств казаки вместе со своим духовником архимандритом Гавриилом (Коневиченко) собрались у памятника святому благоверному князю Александро-Невскому и решили создать новое казачье объединение «Невская сечь».

В этот великий день, когда так торжественно отмечались 300-летие Александро-Невской лавры и день перенесения мощей святого князя, духовного покровителя нашего города, когда впервые за многие годы состоялся крестный ход по Невскому проспекту, все были в особо приподнятом состоянии. Мы все стояли у подножия памятника святому благоверному князю вскоре после того, как на площадь были вынесены его святые мощи и состоялся торжественный молебен. И казаки Курортного отдела Ставропольского казачьего войска Союза казаков России, и члены Конвоя святого царя-страстотерпца Николая II, и казаки Санкт-Петербургской межрегиональной общественной организации «Всекубанское казачье войско» Союза казаков России приняли общее единодушное решение, что нужно объединиться во благо сохранения наших святых ценностей. Православное казачество может и должно считать своей идеологией и своей сверхзадачей созидание в соработничестве с церковью Христовой нашего государства Российского, нашей Святой Руси.

Почему объединение было названо сечью? Стоит, на мой взгляд, пояснить.

Сечь появилась несколько столетий назад, в те времена, когда еще далеко не все границы были защищены. И сечь всегда стояла на защите границ. Защищала от внешних врагов, набегов и нападений. Сегодня у сечи должны быть несколько иные цели и задачи, так как в защите нуждаются не наши границы — их надежно охраняют, а наши православные ценности, наши духовные традиции. Возрождение и сохранение этих традиций — немаловажный аспект в сохранении нашего духовного мира. Именно поэтому объединение и было названо сечью. Это воинское формирование и духовное. И наше духовное содержание основано на покровительстве святого благоверного князя Александра Невского. Роль церкви в православном казачестве очень велика. Ни одно действие не совершается без благословения священника. И это очень важно, потому что атаман не может принимать скоропалительные, непродуманные решения. Он должен пойти за благословением. И священник может предотвратить какие-то необдуманные действия. А в работе духовной, в работе, направленной на сохранение наших традиций, это особенно важно. Ведь этот духовный труд должен работать во благо нашего государства Российского.

Архимандрит Гавриил (Коневиченко),
духовник казачьего объединения «Невская сечь»

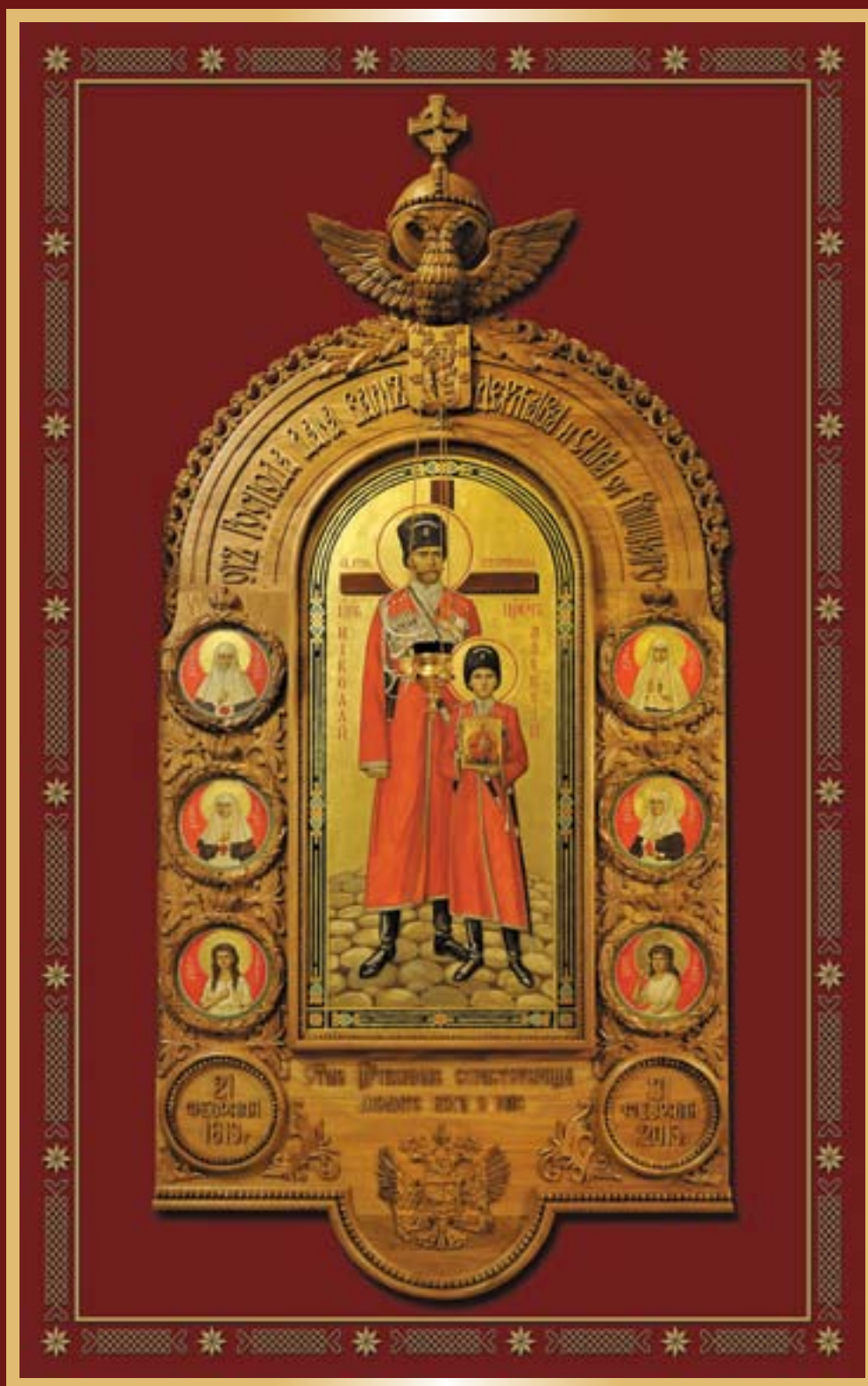
Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Русский вопрос в современной России: введение в проблему	5
1.1. Освещение русского вопроса в творческом наследии А. И. Солженицына и Н. Н. Моисеева	5
1.2. Вопрос о праве России на национальное и цивилизационное бытие в творчестве А. С. Панарина	7
1.3. Критический анализ западных идеологических конструкций и преодоление их влияния на общественно-государственную жизнь страны как существенная составляющая русского вопроса	9
1.4. Ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России как отражение русского вопроса	10
1.5. Итоги	12
Глава 2. Постмодернистские и нелиберальные стратегии деконструкции наций, государств и цивилизаций	13
2.1. Пришествие нового национализма: постмодернистский национализм против наций, государств и цивилизаций	13
2.2. Суверенитет: сущностные характеристики и формы отчуждения	14
2.3. Космополитическая нация versus нация соотечественников	16
2.4. Мультикультурализм и постмодернистский суррогат гражданской нации	20
2.5. Национальность в пространстве ценностно-нейтральной коммуникации	22
2.6. Стратегия системной деконструкции культуры большинства	24
2.7. Проект космополитического государства и идеал государства народно-исторического	26
Глава 3. Россия и русские: самобытное цивилизационное и национальное развитие	29
3.1. Утверждение единства русского народа в подвижничестве Св. Сергия Радонежского	29
3.2. Агиократическое формирование национального единства и суверенитета	30
3.3. Российская цивилизация и русский народ как субъекты исторического развития и объекты деконструкции	32
3.4. Русское национальное самостояние	35
3.5. Универсализм и единство русского нарратива	38
3.6. Русские как непрерывная нация	40
3.7. Русские как миростроительная нация	41
3.8. Русские как творческая нация	44
3.9. Русские как традиционная нация	46
3.10. Русские как целостная нация	48
3.11. Русские идеалы казачества	49
3.11.1. Казачество как часть русского народа	49
3.11.2. Ценностный мир казачества в путях современной России	53
3.12. Россия как миростроительное государство и соборная цивилизация	58
3.13. Россия как народно-историческое и нравственно-правовое государство-цивилизация	62
3.14. Вселенскость российского цивилизационного процесса	64
3.14.1. Национально-русское как духовно-вселенское	65
3.14.2. Россия как Европа, осложненная Азией	66
3.14.3. Российское воссоединение Евразии как цивилизационный синтез	67
3.14.4. Россия в парадигме цивилизационного универсализма	68
3.14.5. Большая цивилизационная идея как российский путь Евразии	69
3.15. Византийское наследие и Российская цивилизация	71
3.15.1. Истинный образ Византии	71
3.15.1.1. История Византии – продолжение истории Римской империи	72
3.15.1.2. Византия – цивилизация культурного континуитета, творческих синтезов, ценностного универсализма	72
3.15.1.3. Византия – цивилизация христианского гуманизма	73
3.15.1.4. Византия – целостный государственно-цивилизационный организм	73
3.15.1.5. Византия – народное государство, империя общего блага, монархия с демократическими чертами	74
3.15.1.6. Византия – центр исторического развития, источник проекта современности, средоточие стратегической стабильности и миростроительное государство	74
3.15.1.7. Византийское влияние на развитие Западной Европы как фундаментальное	75
3.15.2. Византизм: сущностные характеристики и пути усвоения	76
3.15.3. Культурное наследие как основание цивилизации	84
3.15.4. Византийское наследие как фактор формирования Российской цивилизации	85
3.15.5. Процессы наследования в российском цивилизационном пространстве	87
3.15.6. Коммуникативная этика Российской цивилизации, комьюнотарность российского цивилизационного процесса, стратегия евразийского консенсуса	90
3.16. Формирование гражданской нации и вопросы преодоления мультикультурализма	93
Глава 4. Современные проблемы в сфере состояния межнациональных отношений как результат внедрения в общественно-государственную жизнь страны западных моделей национализма	97
4.1. Базовые принципы президентской концепции государственной национальной политики	97
4.2. Теории и практики, несовместимые с национальной политикой Российской Федерации	98
4.3. Ключевые проблемы в сфере состояния межнациональных отношений в современной России	100
4.4. Последствия внедрения в общественно-государственную жизнь страны западных моделей национализма	101
4.5. Итоги	107
Заключение	109
Приложение. «Невская сечь» – объединение духовное	110

Святая гора Афон. Праздник Крещения Господня, 2012 г.

Не вернуться в лоно Святой Руси, не исповедовав грех царубийства.

*Архимандрит Гавриил (Коневиченко),
духовник Конвоя памяти Государя Николая II*